

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ

1769–1969

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 6 (2171)

8 ФЕВРАЛЯ 1969

ЗАМЕНЫ...

Когда-то похожим латинским словом — exigo — называлась стрелка весов. Потом понятие это расширилось, стало означать оценку вообще — examen, хотя суть осталась прежней. Экзамен и сегодня выясняет весомость открытий, качество познаний, меру мужества, класс машины. Итак—экзамены...

Продолжение на стр. 18—19

ВСТРЕЧА ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ

Николай ПАСТУХОВ

В нашем бурном и многоликом мире подчас бывает трудно уследить за стремительными событиями в жизни разных народов. Еще совсем недавно мы читали скупые телеграфные сообщения о борьбе народа Юга Аравийского полуострова против британских колонизаторов. «В Адене идут бои», «В Адене высаживаются новые подкрепления английских войск», «Лондон устанавливает тайные связи с реакцией на Юге Аравии» — это отрывки из тех сообщений, которые сейчас проходят в моей памяти. И, наконец, в 1967 году на берегах Аденского залива и Аравийского моря рождается новое, независимое арабское государство — Народная Республика Южного Йемена. Сто тридцатью годами измеряется неволя народа Юга Аравийского полуострова и всего лишь тринадцатью месяцами — свобода. На каждый месяц жизни независимой Республики, уже ставшей членом Организации Объединенных Наций, падает десять лет упорных национально-освободительных битв против колониализма!

Можно представить себе радость и ликование, охватившие граждан молодой Республики, когда их президент Кахтан Мухаммед аш-Шааби направился с официальным визитом в Советский Союз. Эти чувства хорошо выразила аденская газета «14 октобер», которая писала: «Мы уверены, что встреча наших двух революций на земле великого Ленина принесет огромную пользу боевой дружбе двух наших народов в борьбе против империализма и колониализма».

Путь Кахтана Мухаммеда аш-Шааби в страну Ленина начался еще в пятидесятых годах, когда он в тридцатилетнем возрасте включился в активную освободительную борьбу. 14 октября 1963 года Шааби возглавил боевую патриотическую организацию «Национальный фронт освобождения оккупированного Юга Йемена». Вооруженная борьба через четыре года завершилась победой.

Народная Республика Южного Йемена встала на путь миролюбивой внешней политики, вошла в семью независимых арабских государств, установила отношения взаимопонимания и сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Республика подписала Договор о нераспространении ядерного оружия, активно выступает за ликвидацию последствий израильской агрессии на Ближнем Востоке, гневно осуждает американскую агрессию против вьетнамского народа.

Визит в Советский Союз высокого гостя из Южного Йемена совпал с важным событием — второй Международной конференцией в поддержку арабских народов, состоявшейся в Каире. В этой конференции приняли участие представители 70 стран, в том числе Советского Союза и Народной Республики Южного Йемена, и различных международных организаций. Участники конференции выразили единодушную поддержку справедливой борьбе арабских народов за ликвидацию последствий израильской агрессии.

Надо сказать, что Тель-Авив вызывающе реагировал на этот форум мировой общественности. Снова усилились провокации израильской военщины против арабских народов, а военный министр Тель-Авива Моше Даян в интервью американской радиокомпании «Коламбия бродкастинг систем» довольно откровенно раскрыл планы израильских агрессоров. «Мы не вернемся,— заявил он,— на старые границы даже в обмен на подлинный мир».

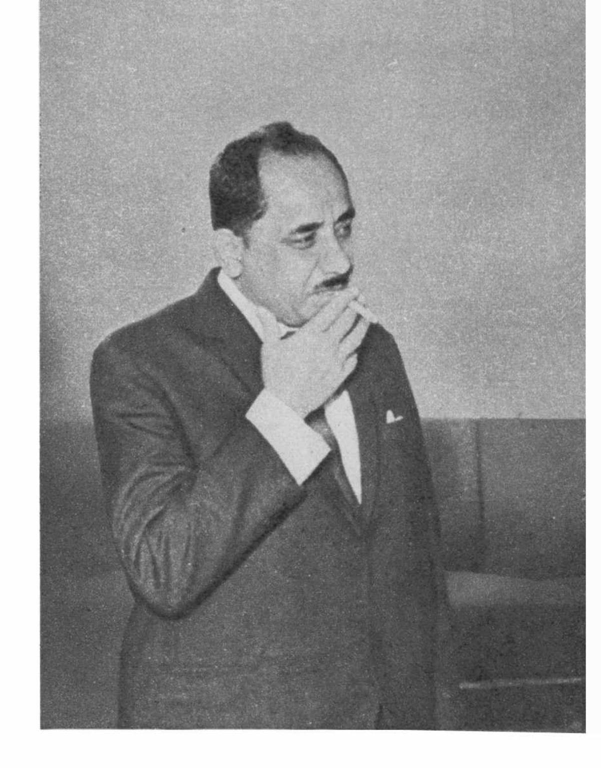
Именно в эти дни Н. В. Подгорный на обеде в честь Кахтана Мухаммеда аш-Шааби заявил, что Советский Союз поддерживал и впредь будет поддерживать дружественные арабские государства в их справедливой борьбе за ликвидацию последствий израильской агрессии, за политическое урегулирование ближневосточного кризиса.

Общие взгляды на коренные проблемы современности руководителей Советского Союза и Южного Йемена создали ту радостную атмосферу, которая сопутствовала пребыванию в Советском Союзе Кахтана Мухаммеда аш-Шааби и тем дружественным переговорам, которые состоялись между Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР Д. С. Полянским и высоким гостем. Во время этих переговоров происходил плодотворный обмен мнениями по вопросам развития и углубления советско-южнойеменских отношений, а также по некоторым международным проблемам, представляющим взаимный интерес.

Это был официальный визит. Но те, кому довелось в эти дни лично общаться с президентом молодого арабского государства, свидетельствуют, что встречи были теплыми и даже трогательно-эмоциональными. И это естественно: отношения советских людей со всеми арабскими народами всегда отличались искренностью, глубоким взаимопониманием и любовью.

Наш народ, говорил Кахтан Мухаммед аш-Шааби на обеде в Доме приемов, никогда не забудет поддержки, которую советские люди оказали нам в борьбе за освобождение. С чувством восхищения, говорил далее президент, мы взираем на колоссальные успехи, достигнутые дружественным советским народом, совершившим бессмертную социалистическую революцию и добившимся замечательного прогресса во всех областях жизни, прогресса, которым гордится все человечество.

Права была аденская газета, которая назвала приезд высокого посланца Южного Йемена в Советский Союз «встречей двух революций».

30 января находящийся в СССР Президент Народной Республики Южного Йемена Кахтан Мухаммед аш-Шааби устроил обед в честь Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного.
На снимке (слева направо): **Кахтан Мухаммед аш-Шааби, Д. С. Полянский, Н. В. Подгорный.**

Фото А. Стужина (Фотохроника ТАСС)

Президент Народной Республики Южного Йемена Кахтан Мухаммед аш-Шааби (справа) и сопровождающие его лица посетили исполком Московского Совета. Гостей приветствовал председатель исполкома Моссовета В. Ф. Промыслов (слева). Он преподнес высокому гостю подарок — макет Останкинской телевизионной башни.

СОВЕТСКО-ЮЖНОЙЕМЕНСКАЯ ДРУЖБА

В Кремле 31 января были завершены переговоры между Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР Д. С. Полянским и Президентом Народной Республики Южного Йемена Кахтаном Мухаммедом аш-Шааби.

Во время переговоров, проходивших в дружественной обстановке, состоялся плодотворный обмен мнениями по вопросам развития и углубления советско-южнойеменских отношений, а также по некоторым международным проблемам, представляющим взаимный интерес.

С советской стороны в переговорах участвовали: министр внешней торговли Н. С. Патоличев, министр рыбного хозяйства СССР А. А. Ишков, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям С. А. Скачков, первый заместитель министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецов, заместитель министра иностранных дел СССР В. М. Виноградов, посол Советского Союза в Народной Республике Южного Йемена В. И. Старцев, член коллегии МИД СССР Н. М. Луньков, и. о. заведующего Отделом

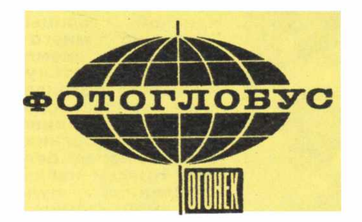
стран Ближнего Востока МИД СССР И. Н. Якушин, заместитель заведующего Отделом печати МИД СССР И. И. Марчук.

С южнойеменской стороны в переговорах приняли участие: министр иностранных дел Сейф Ахмед Далиа, министр сельского хозяйства и аграрной реформы Ахмед Салех аль-Шаер, министр экономики, торговли и планирования Абдель Малик Исмаил, министр культуры, национальной ориентации и по делам йеменского единства Абдалла Али Окба, член исполнительного комитета и член генерального руководства Национального фронта Халед Мухаммед Абдель Азиз, член генерального руководства Национального фронта Салех Муслих Касем, главнокомандующий вооруженными силами полковник Хусейн Осман Ашшаль, временный поверенный в делах Народной Республики Южного Йемена в Советском Союзе Мухаммед Авад Салем Аулаки, заместитель министра сельского хозяйства Анвар Мухаммед Халед, заместитель министра экономики, торговли и планирования Мухаммед Омар аль-Хибши.

Затем высокие гости из Народной Республики Южного Йемена направились в поездку по Советскому Союзу — Волгоград, Ленинград и Баку. Ознакомившись с историей великой Сталинградской битвы, с городом-героем на берегу Волги, Кахтан Мухаммед аш-Шааби оставил следующую запись в книге почетных посетителей:

«От имени народа Народной Республики Южного Йемена мы выражаем свое восхищение этому бессмертному городу, его жителям, всем дружественным народам Советского Союза и руководителям Советского государства».

1969: ПЕРВЫЕ НЕДЕЛИ...

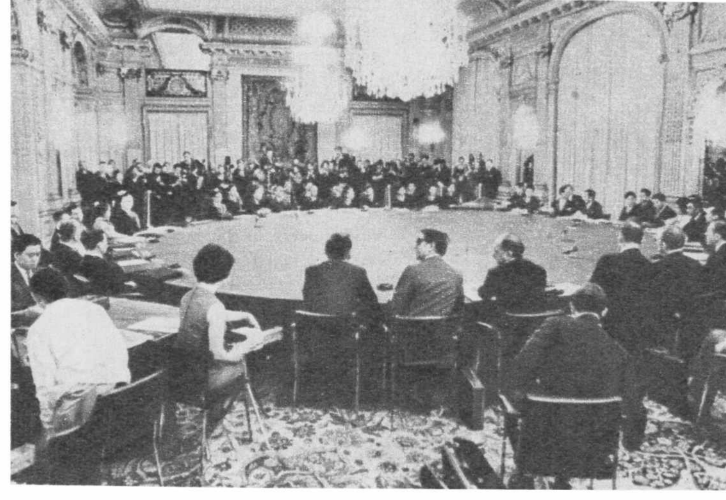

Мир перешагнул черту, отделявшую старый год от нового, и, как прежде, очутился в неостановимом потоке событий. Повернем наш фотографический глобус, заглянем миру в лицо, посмотрим, какие надежды и радости, заботы и тревоги принесли первые недели 1969 года.

У этой группы советских медиков первые недели нового года прошли далеко от родной земли, в самом сердце Африки. Они прибыли в Бурунди, чтобы своим трудом помочь молодому африканскому государству в заботах о здоровье своих граждан. ▶

В январе в Париже наконец открылись четырехсторонние переговоры по Вьетнаму, которые должны были начаться еще в ноябре прошлого года. Американская сторона и южновьетнамские марионетки затянули их открытие на два с лишним месяца, искусственно раздувая «проблему» формы стола, за который должны были сесть участники. В зале на авеню Клебер незримо присутствуют миллионы людей Земли, требующих положить конец американской агрессии против вьетнамского народа. ▶

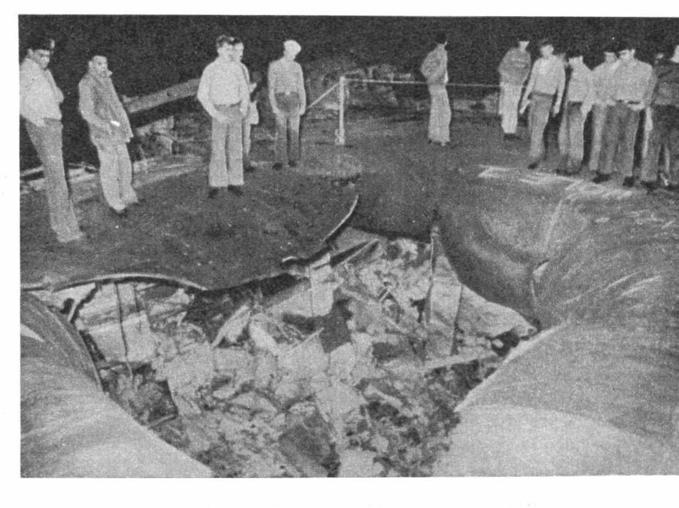
Начало года в центре Европы прошло под бряцание американского оружия. «Рефорджер-1» — так называются провокационные военные маневры американской армии, для проведения которых Западная Германия предоставила своему союзнику и хозяину по НАТО территорию в непосредственной близости от границы Чехословакии. Американские генералы давно готовили эти маневры как заговор против мира и безопасности в Европе, как попытку запугать социалистические страны. Но лязганье танковых гусениц не может заглушить требования европейских народов, стремящихся к укреплению мира на своей земле, и тем более оно никого не может устрашить. ▼

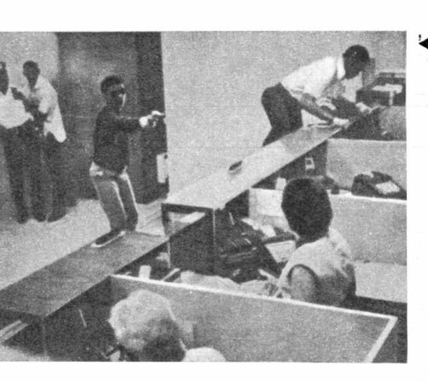

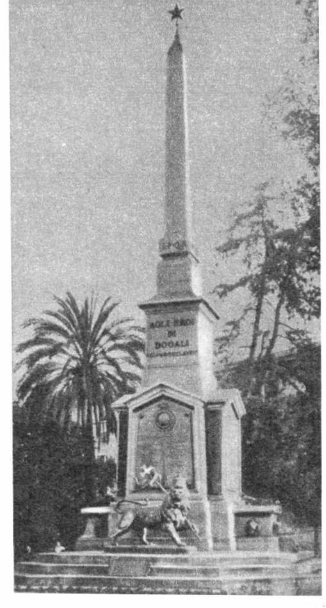
◀ Новый год принес смену президентской вахты в Соединенных Штатах Америки. 20 января хозяином Белого дома стал Ричард Никсон. В этот день на улицах американской столицы было необычно много полицейских. Во время проезда по Вашингтону машину нового президента бегом сопровождали несколько охранников, а за парадом морских пехотинцев перед Белым домом Никсон наблюдал из стеклянной пуленепробиваемой кабины. В этот день в Вашингтоне состоялись демонстрации протеста против агрессии США во Вьетнаме. Из окна своего лимузина новый президент мог видеть плакат, на котором было написано: «Миллиардеры наживаются на крови американских солдат!».

Американский авианосец «Энтерпрайз» направлялся к берегам Вьетнама. Этот авианосец не впервой должен был быть использован для достижения целей агрессии США против вьетнамского народа. Но на этот раз он не дошел до места назначения. В Тихом океане на корабле взорвалась ракета, подвешенная под крылом самолета. Это вызвало новые взрывы и пожар. На авианосце погибло 27 и ранено около 100 человек. Судно сможет вернуться в строй не ранее как через три месяца.

◀ Эта фотография была сделана еще в прошлом году, но она имеет непосредственное отношение к нынешнему. На ней (с помощью скрытой камеры) запечатлен момент ограбления одного из банков в Вашингтоне. За прошлый год в американской столице были ограблены 103 банка. Преступность — еще одна из тяжелых проблем современной Америки. На одной из первых пресс-конференций новый президент США особо коснулся проблемы преступности в Вашингтоне, которая продолжает расти. «...Проблема прогулок здесь, в федеральном округе Колумбия, особенно в вечерние часы, становится очень серьезной, так же как и в некоторых других крупных городах»,— сказал он.

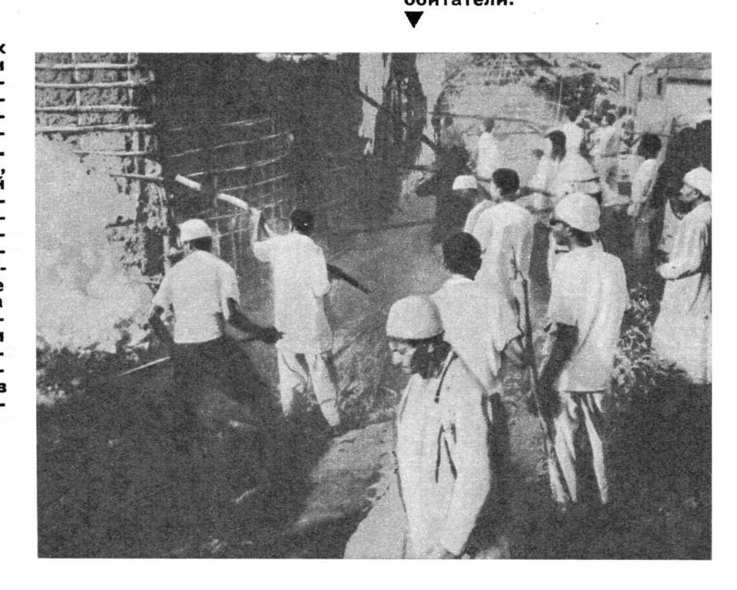

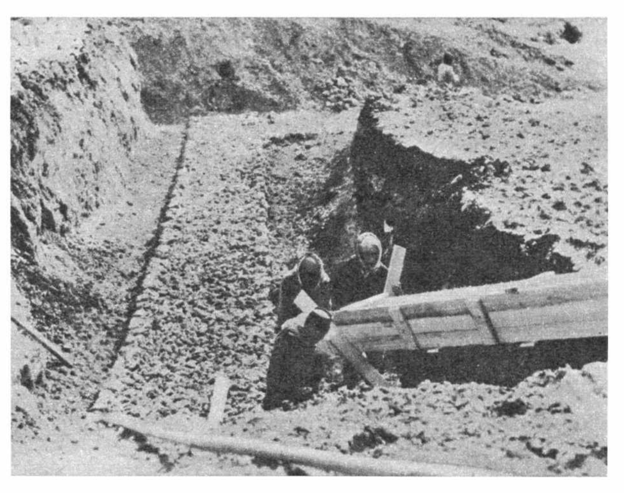
На родину вернулся... памятник. Этот монумент, символизирующий мощь эфиопского государства, был вывезен из Аддис-Абебы по приказу «дуче» Муссолини. Теперь его возвратили обратно.

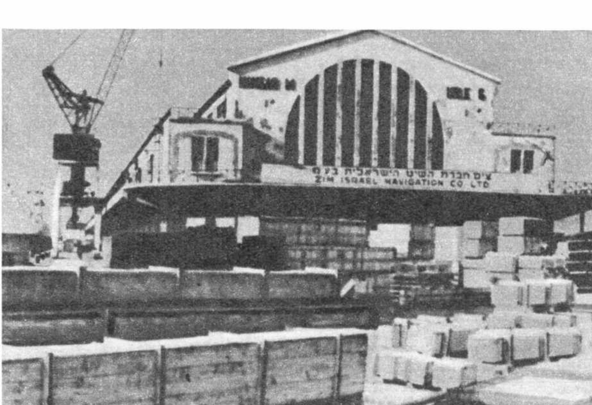

▲ Одним из самых острых вопросов на конференции стран Содружества в Лондоне был вопрос о Южной Родезии. Британское лейбористское правительство практически взяло под свою защиту расиста Яна Смита, установившего в Южной Родезии режим белого террора. В расистский застенок брошен один из лидеров освободительного движения Южной Родезии, священник Ндабанинги Ситоле (фото в правом углу). Когда в Лондоне жители английской столицы устроили марш протеста, осуждающий режим Смита, английские власти бросили против них конную и пешую полицию.

Колониальный режим оставил в наследство занзибарцам кварталы жалких лачуг и хижин. Сейчас на острове строятся новые, современные здания для жителей Занзибара. Недавно был снесен еще один район трущоб, на месте которого будут построены многоэтажные дома и проложены хорошие дороги. В сносе развалюх приняли участие их обитатели. ▼

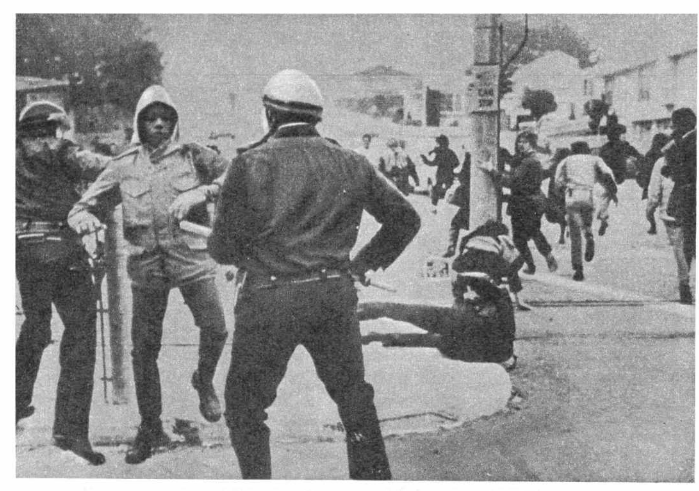

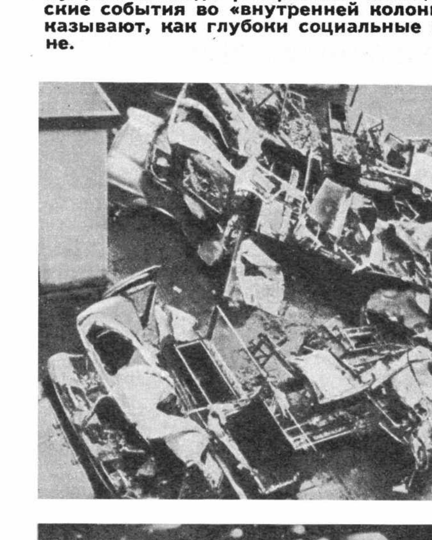

Пока идут переговоры в Париже, американские интервенты продолжают творить преступления на вьетнамской земле. Очередная карательная операция морских пехотинцев в Южном Вьетнаме — и новые жертвы захвачены в плен. Для империалистической Америки здесь враги все, от мала до велика. ▶

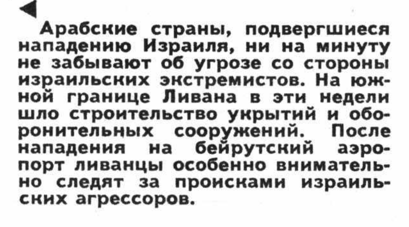

А в самих Соединенных Штатах карательные операции проводит полиция. Расовая проблема, которая больше столетия разъедает американское общество, в новом году остается жгучей и острой. В начале января в Сан-Франциско произошло новое столкновение на расовой почве, и полиция вновь жестоко расправилась с демонстрантами.

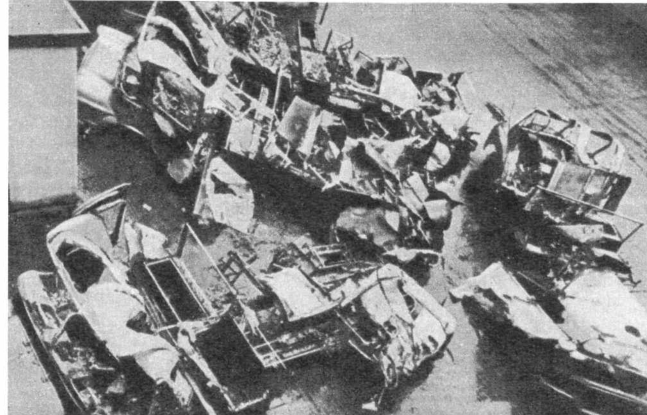
▲ Тревожные недели на Ближнем Востоке. Израильские агрессоры продолжают нагнетать напряженность, готовятся к провокациям. Недавно в пустыне израильская армия провела новые маневры, отрабатывая захватническую тактику.

◀ Арабские страны, подвергшиеся нападению Израиля, ни на минуту не забывают об угрозе со стороны израильских экстремистов. На южной границе Ливана в эти недели шло строительство укрытий и оборонительных сооружений. После нападения на бейрутский аэропорт ливанцы особенно внимательно следят за происками израильских агрессоров.

◀ На марсельских причалах лежат груды ящиков. Они скопились здесь после того, как французское правительство наложило эмбарго на вывоз оружия для Израиля.

Движение за гражданские права в Северной Ирландии приобрело острый поворот, когда против ирландцев была применена сила. Ирландские трудящиеся решительно выступили против полицейского террора. В городе Ньюри, где было ранено несколько участников демонстрации, возмущенные люди разгромили полицейские машины. Январские события во «внутренней колонии» Великобритании показывают, как глубоки социальные конфликты в этой стране.

Самолет скандинавской авиакомпании, совершавший рейс из Копенгагена в Лос-Анджелес, из-за сильного дождя не смог найти посадочную дорожку в пункте назначения и приземлился прямо в океан. Четверо пассажиров погибли, тринадцать пропали без вести.

В Австралии в январе произошли большие степные пожары. Они бушевали на территории всего штата Виктория, охватив дороги, сжигая дома. В пламени погибло четырнадцать человек. Как говорят, ничего подобного в Австралии не происходило с 1939 года.

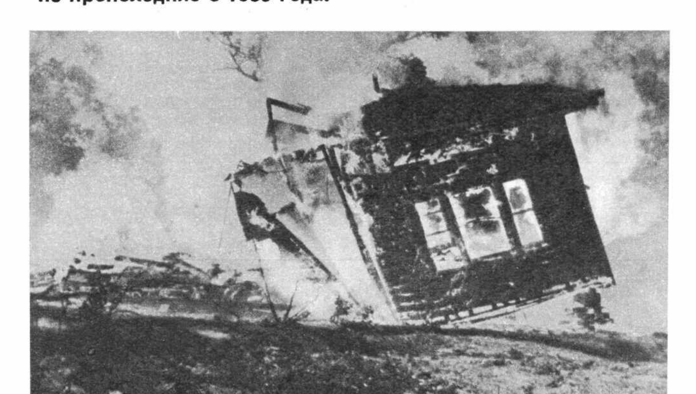

ФОТО ТАСС, ЮПИ, журнала «Штерн».

У античной статуи, найденной при раскопках Помпеи, были украдены рука и голова. Говорят, что сейчас Помпее снова грозит гибель. Для содержания исторического города в порядке не хватает денег и рабочей силы. Положение осложняется еще и тем, что воры растаскивают город по кусочкам.

Показ советского фильма «Война и мир» начался в Англии. Людмилу Савельеву, исполняющую роль Наташи, приветствовала министр английского правительства Дженни Ли.

Кое-что о семейных делах. У известной итальянской кинозвезды Софи Лорен родился ребенок, мечта долгих лет. На Западе это стало крупной сенсацией — в родильный дом пришли больше ста фотокорреспондентов, чтобы увековечить счастливую мать.

Певец России советской

I

Он любил Родину, славил ее в своих произведениях и с гордостью заявлял:

> Я — русский человек, и русская природа
> Любезна мне, и я ее пою.
> Я — русский человек, сын своего народа,
> Я с гордостью гляжу на Родину свою.
>
> Она цветет, работает и строит,
> В ней стали явью прежние мечты.
> Россия, Русь,— могла ль ты стать такою,
> Когда б советскою не стала ты?

Стихи идут от сердца. Веришь им. Веришь влюбленности поэта в нашу социалистическую державу. Веришь, что это накрепко и навсегда. Веришь оптимизму автора.

Лирический герой Виктора Гусева — жизнерадостный человек. В труде он нашел свое счастье. Он строил Магнитку и Турксиб, собирал тракторы и совершал перелеты, реконструировал Москву и осваивал Север. «Советскую власть любя», он закладывал «фундамент для социализма».

Поэт работал в выездных редакциях «Правды», нередко бывал в командировках от других газет. Почти на все важные события своего времени Виктор Гусев отзывался стихами. И это были не скоропалительные произведения-однодневки, а настоящие публицистические стихи, наполненные авторскими раздумьями: «Слово бригадира шоферов Уралмашстроя», «Хасанская битва», «Памяти Чкалова», «Стрелковая Заозерная»...

Летописцем великих дней выступил поэт и в своих больших драматических произведениях «Слава», «Сын Рыбакова», «Весна в Москве» и других. Каждое из них имеет интересную судьбу.

Первая его пьеса в стихах, «Слава», появилась осенью 1935 года. Ее рождение было подготовлено и стихотворным творчеством, и журналистскими командировками, и любовью к театру. Пьеса с успехом шла на сценах многих советских театров. Она привлекала внимание прежде всего своими мужественными героями, характеры которых раскрываются в сложных обстоятельствах.

Пьеса в стихах «Сын Рыбакова» закончена поэтом в 1940 году, но тогда не увидела ни сцены, ни журнала. Через тринадцать лет ее поставил Ленинградский театр комедии. С этого времени и по сегодняшний день она не исключается из репертуара многих театров нашей страны. Впервые же пьеса была опубликована в 1955 году в двухтомнике сочинений Виктора Гусева.

Свыше шестисот раз прошла на сцене Московского театра драмы комедия в стихах «Весна в Москве».

Виктор Гусев обожал Москву. Бывая в дальних командировках на Кавказе или Севере, в Сибири или Средней Азии, он всегда помнил о родной столице, ее проспектах и парках и при удобном случае увлеченно рассказывал о Москве. А сколько стихотворений он ей посвятил: «Песня о Москве», «Московская мать», «Новогодняя Москва» и другие.

«Песней о Москве» московское радио в июле и августе 1957 года начинало свои передачи о Всемирном фестивале молодежи и студентов. Эта песня сдружила юношей и девушек многих стран мира. На улицах и площадях советской столицы звенело:

> И в какой стороне я ни буду,
> По какой ни пройду я траве,
> Друга я никогда не забуду,
> Если с ним подружился в Москве.

А кто не знает таких гусевских песен: «Были два друга...», «Есть на севере хороший городок», «Как за Камой за рекой», «Вася Крючкин» и, конечно, «Полюшко-поле». В содружестве с поэтом над песнями работали композиторы Дмитрий Покрасс и Константин Листов, Анатолий Новиков и Василий Соловьев-Седой, Юрий Милютин и Марк Фрадкин, Тихон Хренников и Матвей Блантер.

...Июнь 1941 года. Война. Поэт назначается начальником литературного отдела Всесоюзного радиокомитета. Специфика радио ему была известна: в тридцатые годы он не раз вел радиорепортажи с Красной площади во время первомайских и октябрьских торжеств. И теперь он со знанием дела организовывал литературные передачи и выступления известных писателей, сам с большим мастерством читал свои стихи и писал тексты различных радиопостановок.

В военные годы Виктор Гусев создал три пьесы — «Твоя песня», «Сыновья трех рек» и «Москвичка», киносценарий для музыкально-поэтического фильма «В шесть часов вечера после войны», много-много песен и стихотворений. Призывали бить врага стихи «Ведут народы бой», «Народная война», «Слушай, Одесса!», «Такой народ не будет побежден!».

А вот стихотворение-классика «Мать и сын». В нем всего тридцать строк, но воздействие его на читателя побольше иного многостраничного романа. Пришла тяжелая весть домой жене, что погиб ее муж в бою; чтоб сыну не было трудно учиться, она не говорит ему об этом. Эта же весть с фронта была сообщена в школу, сын узнал о ней от товарищей и решил матери ничего не говорить, чтобы не расстраивать ее.

> С тех пор о нем и вечером и днем
> Они друг другу говорят как о живом,
> И вспоминают все его слова,
> И как он песни пел, как сына целовал,
> И как любил скорей прийти домой,—
> И он для их любви действительно живой.
> Вот только ночью мать слезу смахнет,
> В подушку сын украдкою всплакнет,
> А утром надо жить, учиться, побеждать.
> Как силу их сердец мне передать!

Напряженная работа подорвала его здоровье. 23 января 1944 года Виктора Михайловича Гусева не стало. Под его некрологом в газете «Литература и искусство» подписались 77 известных деятелей литературы и театра. Могли поставить свою подпись еще тысячи и тысячи благодарных читателей.

Он прожил всего 35 лет. Сегодня ему было бы 60.

II

Автор этих строк в гостях у Нины Петровны Гусевой-Финн. Она неторопливо рассказывает:

— Познакомилась я с Виктором в двадцать седьмом году. Оба учились на Высших государственных литературных курсах — ВГЛК: я на первом курсе литературно-инструкторского

ГОД РОЖДЕНИЯ — ГРОЗОВОЙ

Среди многих литературных изданий, выходящих в Минске, есть общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный журнал «Беларусь», являющийся органом Правления Союза писателей республики. Его биография началась в стенах Москвы. Здесь во второй половине января 1944 года вышел первый номер «Беларуси».

Тот военный, грозовой год был годом больших надежд и ожиданий. Советская Армия, только что вступив на территорию Белоруссии, готовилась к новым операциям. Словами «Добрый день, белорусская земля!» и открывались материалы первого номера журнала.

Вскоре наша республика стала свободной. «Беларусь» переехала в Минск, пришла на строительные площадки, на колхозные поля, в учреждения науки и культуры. Пафосом созидания были овеяны печатавшиеся в журнале рассказы и стихи виднейших белорусских писателей. Широкие творческие полномочия приобрел и жанр очерка.

Многогранна жизнь белорусского народа. Многообразна и тематика нашего журнала. Особенно близка ему тема интернационального единения людей, дружбы народов. Вот почему на его страницах не раз выступали и А. Фадеев, и А. Прокофьев, и М. Рыльский, и Э. Межелайтис.

«Беларусь» — журнал для всех. Он показывает величие дел людей разных профессий и поколений, прошлое Белоруссии и ее великие свершения сегодня.

Наша республика вступила во вторую половину века, а журнал «Беларусь» — во вторую его четверть. Путь, лежащий впереди, зовет нас к новым творческим поискам, к еще лучшему показу яркой советской действительности.

Михась КАЛАЧИНСКИЙ,
главный редактор
журнала «Беларусь»

цикла, он на втором поэтического. Сначала я знала его по студенческому комитету, по выступлениям на литературных вечерах. Мне, как и многим другим, нравились его стихи.

В 1929 году наши ВГЛК реорганизовали: одним предложили досдать экзамены экстерном по программе курсов, другим — перейти в Московский университет. Виктор предпочел продолжить учебу в МГУ. Пробыл он в нем на факультете литературы и искусства до 1931 года.

Да, память у Виктора была великолепная. Прочитает, бывало, какое-нибудь стихотворение раз-другой, закроет книгу и начинает декламировать его наизусть.

Каждую свободную минуту он старался занять чтением. Успевал просматривать почти все литературные журналы и знакомиться с новинками как в поэзии, так и в прозе. Любил и по нескольку раз перечитывал «Войну и мир» Льва Толстого, рассказы Антона Чехова, стихи и поэмы Владимира Маяковского. Из зарубежных писателей его увлекали Эрнест Хемингуэй и Эрих-Мария Ремарк. Иногда много вечеров подряд просиживал над трагедиями Вильяма Шекспира. Читал и переводил стихи Генриха Гейне: в университете он изучал немецкий язык, и потому переводы нередко выходили неплохими.

Страстный книголюб, Виктор мог часами стоять в букинистическом магазине где-нибудь на Арбате и читать пожелтевшие книги и журналы. Дома у нас образовалась довольно хорошая библиотека. Особенно много в ней было поэтических сборников.

Часто ходили мы с ним в театр. Его любил он до самозабвения. Сам он не стал актером, зато из него получился отличный драматург. С театром связано одно из лучших ранних его стихотворений — «Звезда моего деда». Оно включалось во все сборники избранных произведений.

Настоящий «университет жизни» прошел поэт на стройках первых пятилеток. Он побывал на многих из них с корреспондентским удостоверением «Правды». Вместе с Алексеем Сурковым и Константином Финном он выпускал многотиражку на Уралмашстрое, писал корреспонденции в московские газеты и стихи для «Правды» и журналов.

В Отечественную все свое творчество Виктор поставил на службу Советской Армии. И не только творчество... Когда в апреле 1942 года ему была присуждена Государственная премия за создание киносценария «Свинарка и пастух», то вместе с Самуилом Маршаком, Сергеем Михалковым, Николаем Тихоновым, Кукрыниксами он вложил все полученные деньги в строительство танка «Беспощадный».

...Поблагодарив Нину Петровну за интересную беседу и попрощавшись с ней, я долго ходил по вечерней Москве. Всюду меня сопровождали строки из «Весны в Москве»:

День пройдет, и вспыхнут, загорятся
Над рекой огни на берегу.
Я никак, друзья, налюбоваться
На Москву сегодня не могу!

Александр ШАХМАТОВ

ВИРУС ИДЕТ В АТАКУ

Осторожно, не заразитесь гриппом! Такие предостережения можно услышать сейчас повсюду.

Виновника этого недуга ученые распознали сравнительно недавно, всего тридцать с лишним лет назад. Им оказался вирус. Размер его — 70—90 миллимикрон. Чтобы представить себе, как ничтожно мал гриппозный вирус, вообразим, что мы увеличили его до размера футбольного мяча. Соответственно увеличенный человек станет космическим гигантом в 600 тысяч километров ростом и запросто сможет положить на ладонь весь земной шар. Однако этот малюсенький, но очень коварный враг человечества существует на нашей планете с незапамятных времен.

Заместитель руководителя Всесоюзного центра по гриппу профессор Л. Я. ЗАКСТЕЛЬСКАЯ рассказывает корреспонденту «Огонька» М. Ангарской о наступлении на возбудителя инфекционного заболевания.

— Впервые эта болезнь была описана еще в 412 году до нашей эры Гиппократом. Но свое крещение она получила лишь в 1850 году. Французы назвали эту загадочную болезнь грипп — от слова «agripper», что означает по-русски «схватывать».

В 1918 году по всей нашей планете пронеслась пандемия гриппа и унесла в могилу 20 миллионов человек. То есть вдвое больше, чем погибло людей в течение четырех с лишним лет на фронтах первой мировой войны.

В настоящее время грипп, конечно, не приносит таких бед, как прежде. За последние десятилетия во всех странах смертность от этой болезни резко снизилась. Однако и сейчас она наносит большой ущерб здоровью людей. Подсчитано, что ежегодно грипп и гриппоподобные болезни в среднем составляют половину всех инфекционных заболеваний. Именно эти болезни дают 15—20 процентов общего числа потерь трудоспособности населения в большинстве стран. Достаточно сказать, что в 1957 году гриппом переболело около двух миллиардов человек, то есть более $^2/_3$ населения земного шара.

Сейчас снова во всем мире свирепствует вирус гриппа. Появившись в Гонконге, этот невидимый враг перекочевывает из страны в страну.

Чем же объяснить, что человечество, сумевшее избавиться от нашествий таких страшных заболеваний, как чума, холера, оспа, не может до сих пор ликвидировать грипп? Оказалось, что справиться с вирусом гриппа чрезвычайно трудно. Ведь вызывает грипп не один какой-нибудь определенный вид вируса, а, если так можно выразиться, целые племена, или, как говорят ученые, серотипы. Причем очень разные, отличающиеся между собой и своим белковым строением и другими свойствами. Чтобы различить эти многочисленные группы гриппозного вируса, ученые обозначили их латинскими буквами А, В и С, а группу А еще подразделяют на подгруппы А, $А_1$ и $А_2$. Но и это еще не все. Недавно выяснилось, что подгруппа $А_2$, в свою очередь, делится на А2/1, А2/2 и А2/3.

Вирусы всех этих групп и подгрупп вызывают сходное заболевание, но не создают перекрестного иммунитета. Особенность этих вирусов та, что они действуют не все сразу, а в какой-то очередности, как бы передавая эстафету друг другу. Иммунитет к вирусам гриппа у человека очень непродолжительный. Так, к вирусу групп А он угасает через 1—2 года, к вирусу В — через 2—3 года.

Появление каждого нового вида вируса приводило к возникновению сильных эпидемий, и чем больше эта разновидность отличается от прежней, тем более мощную вспышку она вызывает.

При Всемирной организации здравоохранения созданы специальный Всемирный центр по борьбе с гриппом (он — в Лондоне) и три крупных региональных центра — в СССР, США и в Южной Африке. В нашей стране этот центр находится в Москве, в Институте вирусологии имени Д. И. Ивановского, и возглавляет его действительный член Академии медицинских наук СССР профессор В. М. Жданов. Еженедельно к нам поступают подробные сведения о возбудителе гриппа из лондонской штаб-квартиры Всемирной организации здравоохранения, из центров других стран, а также из пятидесяти пяти лабораторий и противоэпидемических станций, расположенных в нашей стране.

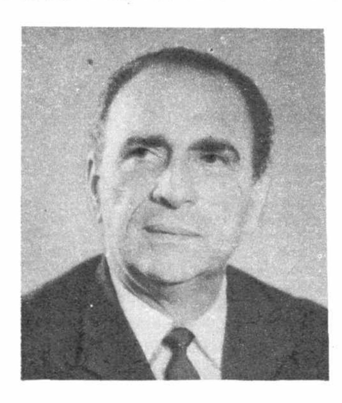
Непрерывное изменение возбудителя гриппа, появление новых вариантов и исчезновение старых потребовали от исследователей создания необычного музея — музея вирусов. Он находится в нашем институте. Там хранятся в высушенном виде как бы усыпленные образцы всех известных науке разновидностей циркулировавших ранее вирусов. И если они вновь появятся на арене, то по первому сигналу тревоги их «разбудят» и используют для приготовления противогриппозных вакцин и сывороток.

Современный обмен информацией намного облегчает разработку общих мер защиты от гриппа. О появлении гонконгского гриппа гриппозный центр СССР узнал еще в августе прошлого года, и были приняты необходимые меры. Срочно увеличилось производство специальных вакцин для взрослых, а также для маленьких детей, антигриппозных сывороток и других медикаментов от гриппа. Организована усиленная медицинская помощь больным.

Однако ученые не останавливаются на достигнутом. Непрерывно ведутся усиленные поиски более совершенных средств борьбы с гриппом, которые окажутся действенными для всех гриппозных вирусов, без исключения, к какой бы группе они ни относились. Одно из таких средств уже найдено. Это интерферон. Он повышает устойчивость клетки к атакам вируса, защищает ее от вторжения врага. Интерферон успешно прошел все лабораторные испытания и начал применяться в практике.

Сейчас вирусная наука на пороге создания новой дисциплины — химиотерапии вирусных инфекций. Химические препараты будут действовать целенаправленно, как раз в тот момент, когда враг станет пытаться проникнуть в клетку. А если вирус уже пробрался туда, то созданные препараты разрушат его нуклеиновую кислоту и тем самым нарушат заготовку вирусных частиц. Первые такие вещества сейчас в стадии разработки. Есть все основания полагать, что они выдержат экзамен, и тогда мы сможем окончательно расправиться с вирусом гриппа.

ВЛЮБЛЕННЫЙ В ТЕАТР

Главный режиссер Большого театра, народный артист СССР И. М. Туманов.

С Иосифом Михайловичем Тумановым как с режиссером я близко познакомился, когда готовилась в Кремлевском Дворце съездов опера Верди «Дон Карлос». Я исполнял партию Филиппа. Иосиф Михайлович всегда считался с желаниями артистов, не сковывал их индивидуальности. Щедрый изобретатель, умный фантазер, он увлекается сам и умеет увлечь исполнителя.

Туманов пришел в коллектив Большого театра уже зрелым мастером, осуществив немало драматических постановок и музыкальных спектаклей: балеты, оперы, концерты... Он работал во многих драматических театрах, был художественным руководителем Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, Театра оперетты. Создал такие спектакли, как «Трембита», «Вольный ветер»...

Где бы и над чем ни работал Иосиф Михайлович, всегда ему присуща одержимость театром, влюбленность в театр, которому он верен все 40 лет своей жизни в искусстве. А если считать точнее, то не 40, а побольше: подростком Туманов выступал в Тбилиси. Правда, тогда еще актером, и театр был не профессиональный, размещался на чердаке, а спектакли шли в любой большой квартире. Зато название имел звучное — «Богема», пользовался успехом у своего зрителя, и многие его актеры стали знаменитостями: Баланчивадзе, Чабукиани, Чиквадзе...

Свое профессиональное актерское обучение Туманов закончил в Москве у Ю. Завадского. Здесь же, в театре-студии, он впервые осуществил самостоятельные постановки. Потом работал в Ногинске, оттуда его вызвал К. С. Станиславский и предложил работу в своем музыкальном театре. Вместе с Константином Сергеевичем Тумановым поставил «Бал-маскарад».

На сцене Большого театра Иосиф Михайлович создал яркие, талантливые спектакли: «Дон Карлос», «Сказание о граде Китеже», «Мазепа», «Октябрь», «Оптимистическая трагедия».

Многим, верно, запомнился московский фестиваль молодежи 1957 года. Режиссером его был Туманов.

Иосифу Михайловичу исполнилось 60 лет. Мне хочется пожелать ему только одного: чтобы он всегда по-прежнему страстно был влюблен в искусство.

Народный артист СССР И. ПЕТРОВ

История, которая ждет продолжения

В. МЕЛЕНТЬЕВ

В 1894 году Владимиру Ильичу Ленину исполнилось двадцать четыре года — по нашим сегодняшним понятиям, комсомольский возраст. В том году Владимир Ильич написал знаменитую свою книгу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Эту работу читают и изучают миллионы людей, она поражает идейной страстностью и убежденностью, активной наступательностью. Но мало кто знает, как и где печаталась эта книга. Собственно говоря, до конца история этой книги неизвестна: одна из трех частей ее не найдена до сих пор.

Переселившийся из Самары в Петербург Владимир Ильич вступил в один из марксистских кружков России, где познакомился с Ганшиным, Кржижановским, Красиным, Старковым. Общительный, обаятельный, он быстро завоевал симпатии членов кружка, покорил их силой своей логики, громадой знаний.

Этот кружок, как известно, стал центром марксистского движения в России. Он вел борьбу против народников, легального марксизма, сплачивал силы русского пролетариата. В той напряженнейшей обстановке и была написана книга «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Товарищи и соратники Владимира Ильича понимали, что книга является могучим оружием в борьбе с идейными противниками, но... Но рукопись — это еще не книга. Рукопись могут прочесть десяток, ну несколько десятков человек. А книгу — многие сотни и тысячи. Однако об издании ее в России обычным порядком нечего было и думать. Решили печатать книгу подпольно.

Взялся за эту работу студент технологического института Алексей Александрович Ганшин. С Владимиром Ильичем его связывала добрая дружба. Еще восемнадцатилетним юношей Алексей Ганшин размножил на автокописте — подобие современного ротатора — запрещенные произведения Льва Толстого.

Получив первую часть книги Ленина, Алексей Ганшин летом 1894 года отправился на родину — в город Юрьев-Польский, к знакомому наборщику. Однако тамошняя типография оказалась слишком маленькой. Незаметно для окружающих и, главное, для хозяина отпечатать такой большой труд было невозможно. Передать Ганшину шрифт наборщик тоже не мог: пропажу быстро бы обнаружили.

Тогда Ганшин связался со своими родственниками и друзьями по московским подпольным кружкам — Владимиром и Алексеем Маслянниковыми. Решили попробовать отлитографировать книгу. Достали литографский камень, краски, валик, пишущую машинку и привезли все это в усадьбу отца Алексея Ганшина в Горки. Больше недели возились Ганшин и Маслянников с первыми страницами, но сколько-нибудь сносных оттисков получить не удалось. Пришлось обращаться к испытанной технике — автокописту. Владимир Маслянников съездил за ним в Москву, привез — и опять неудача. Автокопист оказался мал. Два будущих инженера сконструировали и построили свой собственный — покрупнее.

И все же издание обернулось адски трудным делом. В конце прошлого века пишущие машинки только входили в обиход. Сейчас каждая ее литера имеет свой особый рычаг. Нажмешь на него пальцем, и литера ударит по бумаге — секундное дело. У этой машинки был лишь один рычаг. Его следовало подвести к обозначению соответствующей буквы, нажать, снова отвести, поднять... На каждую букву уходила чуть ли не минута...

Затем отпечатанный особой краской текст переводили на специальную бумагу, а с нее — на массу автокописта. Ее смазывали пастой сверху, клали чистую бумагу и прокатывали валиком. Так получалась страница. Она шла в брошюровку. Печатали книгу Алексей Ганшин и Владимир Маслянников, брошюровал самый младший Ганшин — шестнадцатилетний Иван.

В ходе этой работы Алексей Ганшин несколько раз ездил к Владимиру Ильичу, отдыхавшему в то время в семье своей сестры А. И. Елизаровой в Кузьминках, под Москвой. Нужно было кое-что уточнить в тексте, посоветоваться, как его расположить — сверстать.

Владимир Ильич несколько раз собирался посмотреть на колдовство своих товарищей, но понимал, что в таком деле следует соблюдать сугубую осторожность, и поездку откладывал. Только в конце лета Алексей Ганшин уговорил его приехать в Горки-Переславльские.

Поездка обставлялась по всем правилам конспирации. Владимир Ильич сказал домашним, что уезжает в Петербург. Посмотрев расписание, решил ехать поездом, который приходит на станцию Рязанцево Северной железной дороги в три часа ночи — одновременно с поездом из Ярославля.

Алексей Ганшин сам заложил плетенку, кучером взял младшего брата. Он, как было условлено, поставил упряжку недалеко от станции, за большими штабелями дров. Старший Ганшин пошел встречать гостя на перрон. Там, как и предполагалось, было оживленно: пассажиры с двух поездов и встречающие. Сонный жандарм не обратил внимания на двух молодых людей, которые проскользнули между вагонами и скрылись за дровами.

Ехали через деревни Будовское, Любимцево, по увалам, по лесным дорогам.

— Экая же красота! — вздохнул Владимир Ильич.— Дичи, вероятно, здесь пропасть...

— Не без этого. Поохотишься. Успеешь.

До восхода солнца, когда все еще спали, приехали в Горки. Ленин прошел в заранее освобожденный охотничий домик, что стоял рядом с усадьбой. В усадьбе в то время жило много молодежи — студенты, гимназисты, сельские учителя. Появление нового человека никого не удивило: у братьев Ганшиных летом собирались большие и довольно пестрые компании.

Владимира Ильича познакомили с техникой печати, и он не мог отказать себе в удовольствии повозиться с машинкой и автокопистом. Но долго оставаться в типографии подпольщики не могли. Их отсутствие могло заинтересовать молодежь. Поэтому они то работали над выпуском книги, то веселились так же, как и все. Ранними росными утрами Ленин снимал со стены охотничьего домика ружье и бродил по опушкам и вдоль реки.

Вечерами обычно собирались на веранде усадьбы или сидели на скамейке перед ней. Отсюда открывался прекрасный вид на реку и на старую мельницу. Мельница особенно нравилась Ленину. Около нее на скамейке изобразил художник, уроженец Переславля, академик Д. Н. Кардовский В. И. Ленина и А. А. Ганшина.

Иван Александрович Ганшин говорит, что художнику очень удалась картина. Она точно воспроизводит обаяние того местечка — густой парк, веселый деревянный дом, уютная скамейка на склоне. Правда, Иван Александрович считал, что художник несколько состарил персонажи.

— Они были очень молоды, жизнерадостны и ничем не выделялись среди остальной молодежи. Никто так и не догадался, кто гостил тогда в Горках. Приехал веселый, общительный и умный молодой человек, поохотился и уехал.

А уехал Ленин через пять дней, и тоже ночью, на той же самой плетенке. Ваня Ганшин так же остановил лошадей за дровами, Владимир Ильич и Алексей Александрович быстро прошли сквозь ночную, невыспавшуюся толпу, и Ленин сел теперь уже на ярославский поезд. Он уехал, как и обещал дома, в Петербург.

Вскоре печатание первой части книги закончили. Подошла осень. Работу пришлось перенести в Москву, в дом Зайцевского. Теперь это дом № 16 по проспекту Мира. На его третьем этаже, на выходящих во двор антресолях, с великим трудом, листок к листку рождалась книга. Ее тираж — 100 экземпляров.

...Почти три четверти века прошло с той поры, а Горки не утратили своей прелести. Описывать их не стоит — это великолепно сделал Михаил Пришвин. Время, разумеется, тронуло и эту живописную деревушку. Нет тут, конечно, соломенных крыш, исчезла мельница. Охотничий домик, где жил В. И. Ленин, в двадцатые годы был перевезен в село Смоленское и передан многодетному погорельцу.

В деревне Горки — отделение совхоза. По решению пленума Ярославского обкома КПСС здесь сейчас строится большое здание, в котором разместятся школа и клуб. Несколько комнат этого здания отводится мемориальному музею В. И. Ленина.

А как сложились судьбы братьев Ганшиных? Алексей Александрович был арестован в 1895 году в Москве. Он вез целую корзину нелегальной литературы, за которой жандармы охотились от самой границы. Потом ссылки, поселения. Блестяще окончив технологический институт, инженер Ганшин стал работать по специальности, в сущности, только после Великой Октябрьской социалистической революции. С его именем связано еще одно интересное и, может быть, историческое событие. На той самой мельнице, которой любовался Ильич в Горках-Переславльских, Ганшин построил едва ли не первую в стране сельскую электростанцию. Когда Ленин узнал, что в полюбившемся ему уголке под соломенными крышами крестьянских домов загорелись электрические лампочки, он горячо поздравил своего старого товарища по подполью.

Сейчас Ивану Александровичу Ганшину за девяносто, он живет в Москве. Недавно я побывал у него и, прощаясь, задал вопрос, который волнует сегодня многих: о потерянной части знаменитой ленинской работы.

— Нет, полностью книги Владимира Ильича я никогда не видел. Принести всю рукопись в типографию мы не решились. Опасно. В случае провала вся книга погибла бы безвозвратно. Мы брали рукопись у Ленина по частям. Не могу утверждать точно, но мне кажется, что часть книги, которая теперь потеряна, мы печатали, а значит, сто экземпляров ее существовало. Книгу Ленина подпольно издавали и в других местах.

Дорогие читатели!

Быть может, рассказанная на этих страницах история одного из первых изданий книги В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (в то время она издавалась также в Петербурге) поможет в поисках потерянной части этой работы. Быть может, кто-либо из вас подскажет новый путь для поиска. Самые на первый взгляд незначительные подробности очень важны в этом деле. Пишите нам, старые и молодые, ветераны революции и юные следопыты.

Арвид Янович ПЕЛЬШЕ.

К 70-летию со дня рождения.

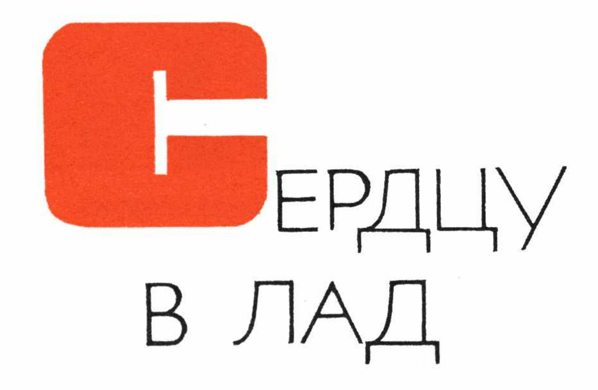
Фото И. Филатова.

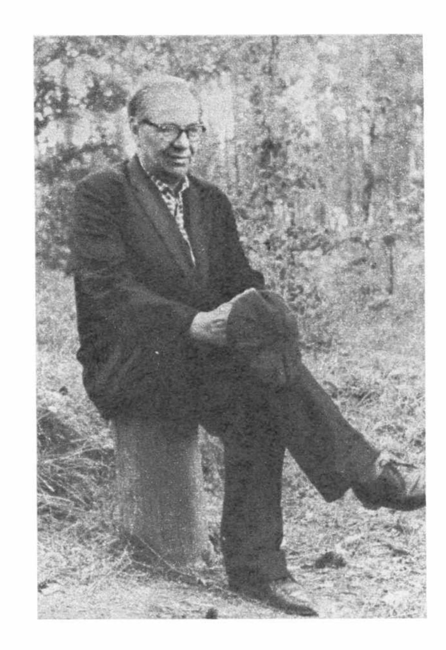
ЗИМОЙ В ДОМБАЕ.

Фото Л. Бородулина.

Николай РЫЛЕНКОВ

СЕРДЦУ В ЛАД

Николаю Ивановичу Рыленкову 60 лет. Все его творчество связано с Россией, русской деревней, русской жизнью. Его поэтический дар возник и окреп в глухой смоленской стороне, «среди ее дремучих лесов и овражистых полей, лицом к лицу с ее неяркой, но удивительно певучей природой».

И стихи его певучие, нежные, пахнущие росистой травой, жнивьем, лесными ягодами. Сын крестьянина, учитель, журналист, офицер-сапер в Отечественную войну — таков путь, пройденный поэтом. Во время войны он не расставался с книжкой стихов Блока, которую всегда держал в полевой сумке.

Николай Рыленков принадлежит к числу тех поэтов, которые будят в своих читателях любовь к родной земле. Как-то светлей становится вокруг, когда познакомишься с его лирикой.

СТИХИ СО ВЗДОХОМ

Чтоб открылся равномерней
Мир, загаданный в былом,
Ты светила в час вечерний
Тихой лампой над столом.

Ты вставала за окошком
Полуночною луной,
Сны мои вела по стежкам,
Опушенным тишиной.

В тесной сутолоке будней
Стерегла мой каждый вздох,
Только я твой подвиг трудный
Оценить не сразу смог.

Просыпаясь на рассвете,
Птицам утренним под стать,
Плел я строф тугие сети,
Чтоб мечту свою поймать.

Я глядел бессонным взглядом
За туманный окоем,
А мечта со мною рядом
Встала в облике твоем.

Обречен певучей муке
И сгорая без огня,
Лишь к тебе тяну я руки,
Чтоб найти истоки дня.

Пусть как знает время судит
Каждый день наш, каждый час,
Все равно твой подвиг будет
Мерой верности для нас.

* * *

Я вкус подсохшей хлебной корки
В вас ощущаю каждый миг,
Пословицы и поговорки,
Заветы прадедов моих.

Они вас замесили круто,
Чем край благословил родной.
Вы правда их и потому-то
Питательны, как хлеб ржаной.

ГОЛУБОЙ КОНВЕРТ

Как в стихах:— Любовь сильнее смерти,—
Я твердил, не чувствуя земли.
Шла весна, и в голубом конверте
Мне письмо однажды принесли.

Навсегда запомнил этот день я,
Ждал давно вестей издалека.
И в груди заныло от волненья,
От волненья дрогнула рука.

Загремели шаткие ступени,
Нет, запело сердцу в лад крыльцо,
И в густой черемуховой пене
Я увидел милое лицо.

Знал: от слов привета опьянею,
Захлебнусь их теплою волной.
Кто сказал, что мы в разлуке с нею,
Здесь она, далекая, со мной!

И не ждал я, верьте иль не верьте,
Каждый вздох за искренность ценя,
Что в таком лирическом конверте
И письмо совсем не для меня.

Значит, что ж, лукавая и злая,
Сердце обманувшая краса,
Для забавы письма посылая,
Спутала случайно адреса!

Я стоял со скомканным конвертом,
Темный от обиды, а весна
Пела:— Да, любовь сильнее смерти,
Если настоящая она.

ОДА МАШИНАМ

Хвала машинам!
На любых путях
Мы видим их,
Железных работяг.

Они выходят в мир
Не наобум.
В них нет души,
Но есть железный ум.

О умные машины!
Ни на миг
Остаться нам немыслимо
Без них.

Отвыкли мы
По звездам ворожить,
Отцовские приметы
Ворошить.

И даже встреч
Со снегом и дождем
Мы по сигналам из эфира
Ждем.

Мы знаем: если
В некий грустный час
Хлебнуть глоток весны
Потянет нас,—

Нам распахнет
Благую сень ветвей
Записанный на пленку
Соловей.

Итак, хвала машинам,
Что для нас
Готовы все
Исполнить на заказ.

Поймают в сети
Каждый луч и звук,
Не ведая ни радостей,
Ни мук.

И мысль гоню я,
Коль прорвется вдруг:
А что как нас
Замкнет железный круг?

Страшнее всех напастей
Та напасть.
Не дай нам бог
К машинам в плен попасть.

НАДПИСЬ НА «ЖИТИИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА»

О протопоп строптивый Аввакум!
Я вижу, житие твое читая,
Как, над церковным спором вырастая,
Вбирал в себя ты боль народных дум.

С той болью, простодушен и суров,
Встал на костер ты без мольбы во взоре,
А если бы врагов осилил в споре —
Сам для костров не пожалел бы дров.

* * *

Был мудр гордец, сказавший римлянам
И в смерти видя торжество:
— Я получил сей город глиняным —
Оставлю мраморным его!

Но счастлив был, настигнут вечностью,
Лишь тот, кто мог сказать:— Друзья,
Вы были слугами отечеству,
Прощаюсь с гражданами я!

Все более современными становятся средства противовоздушной обороны у патриотов Лаоса. На снимке: отделение зенитно-пулеметных установок на страже родного неба.

Вернулись после боевой операции.

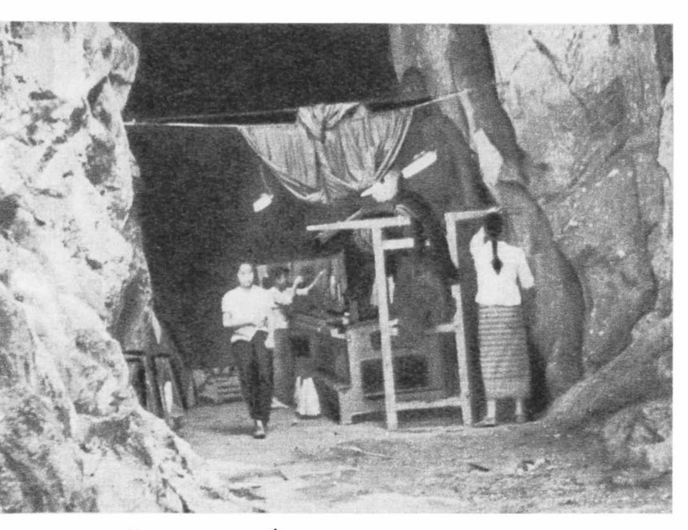
Сотни школ открыты на освобожденной земле. Лаотянцы, которым выпало на долю нелегкое детство, не останутся неграмотными.

ОСВОБОЖДЕННЫЕ ДЖУНГЛИ

Алексей ВАСИЛЬЕВ
Фото автора.

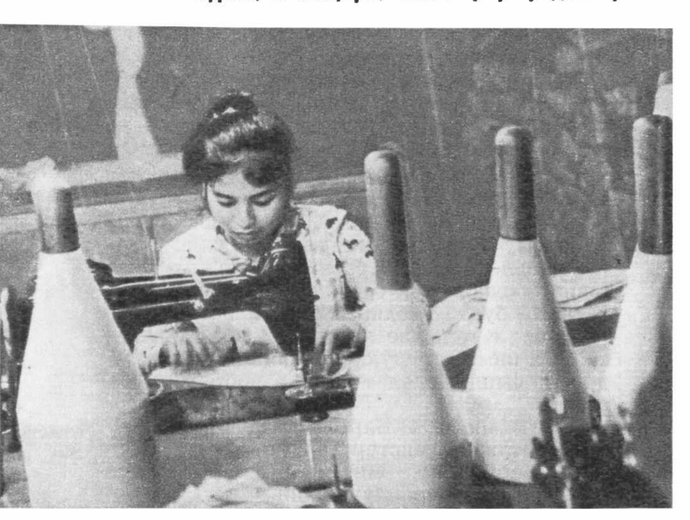

Бамбуковый водопровод на одной из баз Народной армии освобождения.

Ткацкая фабрика в скалах. Тут не страшны американские бомбардировщики.

Здесь, в пещере, шьют форму для армии.

Этому бойцу всего четырнадцать лет. Он вместе со всеми участвует в маршах. Но вот в бои пока его не пускают.

...Без зажженных фар, проваливаясь в ухабы, пробираясь по краю едва различимых воронок от американских бомб, машина идет сквозь ночь. Темнота скрывает косматые от зарослей горы, поднимающиеся вокруг. Повороты, остановки, смена дорог. Уже не первый день я езжу по освобожденным районам Лаоса.

Лаос называют страной миллиона слонов. До сих пор здесь, в джунглях, бродят стада этих лесных великанов. Трехголовый слон изображен на гербе страны. В 1962 году этот старинный символ неожиданно приобрел политическую реальность: в результате Женевских соглашений в Лаосе было создано правительство национального единства из представителей правых, нейтралистов и левых и был восстановлен мир.

Однако ему не суждено было продлиться долго. Американские империалисты рассматривают Лаос лишь как плацдарм для агрессии в Юго-Восточной Азии. Вмешательство США и провокации правых вновь ввергли страну в войну. Лаотянские патриоты, объединенные под знаменем Нео Лао Хак Сат (Патриотического фронта Лаоса), ушли на свои старые базы и вместе с левыми нейтралистами повели борьбу против иностранных происков и предательства правых. Американцы снабдили войска реакционных генералов современной военной техникой, послали в страну несколько тысяч военных и других советников. С таиландских аэродромов каждый день поднимаются американские самолеты для бомбардировки освобожденных районов. Но Вашингтону не удалось добиться перелома в военных действиях в пользу правых.

За последний год, укрепив армию, патриоты освободили сотни деревень и сел, десятки тысяч людей. Сейчас освобожденные районы занимают более половины территории страны.

Однако тревоги военного времени, непрерывные налеты американской авиации заставили десятки тысяч людей переселиться в джунгли, в горные пещеры. В пещерах, разбросанных на много километров, размещена и ставка Центрального комитета Нео Лао Хак Сат. Горы дали убежище типографии, радиостанции, ткацкой и фармацевтической фабрикам, офицерской школе, медицинскому училищу. На освобожденной земле Патриотический фронт Лаоса создал сеть учебных заведений и медицинских пунктов.

В своей поездке я встречался с разными людьми — с крестьянами и бойцами Народной армии освобождения, с руководителями патриотической борьбы, с учителями, с работницами фабрик, размещенных в пещерах. Есть одно, что объединяет их всех,— твердая вера в правоту своей борьбы, в светлое будущее страны.

Об этих встречах рассказывают фотографии, которые я сделал в Лаосе.

НАДЕЕМСЯ СНОВА ВАС УВИДЕТЬ

В конце 1968 года состоялись гастроли Королевского виннипегского балета. Передо мной — впечатления балетмейстера Юджина Славина о поездке в Советский Союз.

— Я хотел,— сообщает он,— ответить на несколько вопросов о гастролях в вашей стране и, поверьте, мечтал найти время для этого. Вы спрашивали меня, почему я с нетерпением ждал поездки в Советский Союз. Для этого были две причины. Во-первых, большая честь — выступать в великой стране танца и танцоров! Эти гастроли были для нашей маленькой балетной труппы своего рода серьезнейшим испытанием. К счастью, выступления в Москве оказались для нас лучшими из всех, какие я видел за два года моей работы в Королевском балете.

Вы мне задали еще вопрос: откуда мне немного знаком русский язык? А в этом и заключена вторая причина, заставлявшая меня с таким волнением ждать поездки в Советский Союз. Дело в том, что я человек русского происхождения, мне очень хотелось увидеть землю моих родителей, покинувших ее несколько десятилетий назад. Хотелось встретиться с людьми этой страны.

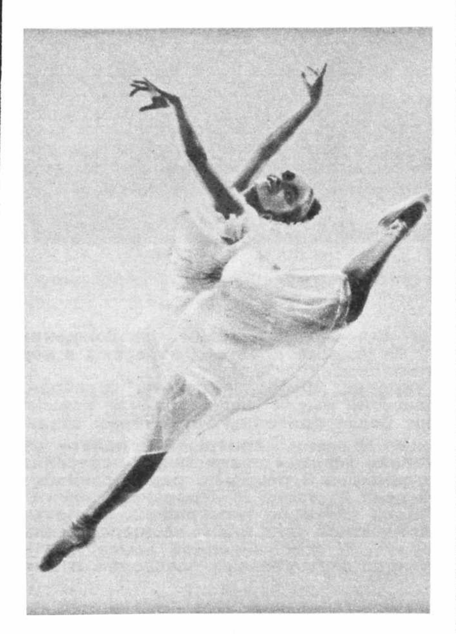
Я почувствовал, что все, с кем мы встречались в Одессе, Ленинграде, Москве,— и те, кого мы видели в зрительных залах, и те, кого встречали вне сцены,— удивительно хорошие русские люди!

Неизгладимое впечатление оставили у всех нас и великие по своему уровню хореографические школы и балетные труппы Ленинграда и Москвы.

После гастролей в Чехословакии мы в Виннипеге продолжаем свою трудную работу. Она составляет смысл жизни танцоров. Отныне мы стараемся использовать все полученные от вас знания. Мы надеемся снова увидеть всех вас в Москве...

Эти строки я счел своим долгом передать в редакцию журнала «Огонек».

Б. ОСТРОВСКИЙ

Молодая балерина Александра Надал, участница гастролей Виннипегского балета.

Василь Большак — автор многих рассказов, повестей, романов, книг очерков. Особым успехом у читателей пользуются его юмористические произведения. Сатирическое начало во многом определило и особенности книги «Гусак на Бродвее». В ней писатель сумел показать социальные контрасты Америки — этой цитадели империализма, ее острейшие проблемы, такие, как расовая дискриминация и нищета, насилие и лишение человека элементарных прав. В поле зрения писателя прежде всего люди разных судеб, с разных ступеней общественной лестницы. Калейдоскоп событий и характеров. Автор многое увидел и в залах ООН, и на Бродвее, и в Гарлеме, в учреждениях, в магазинах, в вагоне метрополитена — всюду, где он побывал.

Главное, писатель нашел свой ключ к каждому событию, факту. Поэтому мы, читая его повествование, искренне улыбаемся, возмущаемся, но никогда не остаемся безразличными. «Гусак на Бродвее» — книга по-настоящему боевая. Она отмечена почетной наградой, которую на Украине ежегодно присуждают за лучшие публицистические произведения, — премией имени Ярослава Галана.

Мы печатаем главу из книги Василя Большака «Гусак на Бродвее».

Василь БОЛЬШАК

Обыкновенная нью-йоркская улица. Крикливые витрины магазинов. А это что? Такого Грицьку Гусаку раньше не приходилось видеть. В витрине подпрыгивают, словно чертенята, маленькие и лохматые, похожие на вывернутые рукавицы, щенки. «Что это — маленький цирк?» Оказывается, это догс шоп — собачий магазин.

Вхожу. В нос бьет смрад псарни. За стеклянными витринами кувыркаются беленькие кучерявые комнатные собачки, какие обычно спят на мягких пуфиках. Прохаживаются тут и злые, огромные овчарки и сторожевые псы, показывают оскалы тощие охотничьи и служебные собачищи. А вот облизывается крохотный песик с львиной головой и крысиным туловищем. Что это — гибрид? Или цирюльник так постарался? Каких только псов здесь нет...

— Тьфу на вас, паскудники! — сказала бы моя бабка Гусачка.

Она не знает, моя любимая бабуся, что в Нью-Йорке — полмиллиона только комнатных собак, что тут для них соорудили собачьи цирюльни, что здесь целые фирмы занимаются приготовлением пищи для псов. Есть собачьи кондитерские, рестораны, псиные ателье, где шьют дорогие попонки по фигуре... Не говоря уже о собачьем госпитале, восьмиэтажном здании, оснащенном современной техникой, скоростными лифтами, архисовременными операционными. Вот так-то, бабуся.

По магазину озабоченно снуют два негра, открывают окошки в витрине и подсыпают туда какой-то концентрат, на который с лаем и визгом набрасывается вся собачня.

В один миг вычавкивается все, и снова продолжается чертова карусель.

...Ко мне подкатывается невесть откуда взявшийся белый господин. Серый пиджачок, как у губернатора мистера Рокки, темные брюки, черная бабочка на фоне белой рубашки, седая накипь на висках и черные-пречерные, вероятно, нафабренные, усы, нос с горбинкой. Смуглое лицо господина озарила такая радушная улыбка, что я даже растерялся. Наверное, принял меня за своего доброго приятеля.

— Могу ли я помочь вам?

Это значит — выбрать какую-нибудь легавую.

— Нет, нет, благодарю.

Хозяин магазина мгновенно утратил ко мне всякий интерес. Темные глаза его, только что смеявшиеся, стали колючими и настороженными.

Вдруг он не по возрасту проворно подбежал к окну.

— Сидней! — крикнул господин негру-рабочему и показал глазами на улицу.

Сидней послушно раскрыл дверь, и в магазин вбежали три собаки — беленькая комнатная, будто мохнатая рукавичка, лопоухий пес с головою льва и тонконогая легавая. За ними втиснулась, заняв весь просвет двери, пышнотелая миссис в добротном парике.

— О, миссис О'Барр! Как поживаете?

— Отлично, мистер Тэрри.

— Перманент, миссис О'Барр? — кивнул на псиную тройку хозяин.

— Йес,— молодо заиграла глазами пышная дама.

Негр схватил поводки из рук миссис О'Барр и поволок собачью тройку куда-то за дверь.

Мистер Тэрри любезно поставил стульчик под могучую фигуру клиентки, но миссис О'Барр замахала руками.

— Ноу, ноу. Я должна лично присутствовать. Бэсси могут испортить перманент.

Хозяин угодливо раскрыл дверь, в которой исчезли псы, и клиентка потопала тяжелыми шагами вслед за своей любимой Бэсси.

Мистер Тэрри снова нахмурил брови. Он испытующе скользнул цепким взглядом по моей одинокой фигуре и холодно спросил:

— Вы еще здесь? — И добавил после паузы: — Вы, вероятно, иностранец?

— Почему вы так думаете?

— Американец просто так в шоп не за-

ЧИЙ ОП

Рисунок В. Черникова.

ходит. У него очень мало свободного времени.

— И ваша клиентка из-за недостатка времени привела сразу троих псов?

— О, миссис О'Барр — вдова известного богатого адвоката!

— Лучше бы она взяла ребенка из приюта.

Мистер Тэрри заговорщически шепнул мне:

— Миссис уже берет! По моему совету — итальянского мальчика. Я знаю надежную фирму.

— Есть фирмы, торгующие детьми?

Собачьему хозяину не удалось скрыть кислого выражения лица.

— Вы, иностранцы, многого не понимаете. Пишете там у себя об американском киднапе[1], о торговле детьми. Во-первых, киднап — это грубо, во-вторых, что делать бедным родителям, у которых много детей и мало денег? Что стоит бедному итальянскому портному продать за тысячу долларов своего маленького Антонио богатой американской вдове?.. И бывший потомок портного станет в государстве свободного бизнеса хозяином юридической конторы, бизнесменом или политиком... Кому от этого хуже? Портному, Антонио или вдове, скажем, О'Барр?

— Но родители имеют право встречаться со своим ребенком?

— Вы, иностранцы, слишком наивны. Торговля маленькими бэби тоньше торговли догами, хотя там и тут основное — доллар.

Я с удивлением смотрел на псиного хозяина. Да-а, в вопросах бизнеса он, несомненно, собаку съел.

— Неужели сейчас, в середине двадцатого века, существует торговля детьми?

Псиный бизнесмен смерил меня пренебрежительным взглядом.

— Вы, иностранцы, прямолинейны. «Торговля людьми»! Живет себе в Европе бедная семья, а в Америке богатая, но бездетная. Есть агенты, которые разыскивают тех бедняков, и по поручению, скажем, фирмы добрых услуг... кгм...

— А потом концы в воду?..

— С собакой не найдешь... Хе-ха. Ни кто покупал, ни для кого покупал.

— Значит, тайком это делается, неофициально?

Псиный хозяин уже откровенно насмехался над моей наивностью.

— Вот тут-то и собака зарыта. А вы думаете, в газеты объявления дают? В кино показывают такие операции?

Я, понятно, так не думал, я вообще не мог себе представить, что в двадцатом столетии люди могут торговать людьми. Надо было приехать в Америку, чтобы убедиться в этом. Позже в той же Америке я узнал, что существуют целые фирмы по экспорту детей. Западная Германия ежегодно продает 2 500 детей, в основном американцам. Сложная и запутанная система «бэби-бизнеса». Существуют, оказывается, прейскуранты, существуют сорта и категории, на которые делят маленьких детей: «экстра», класс «А», класс «Б». «Экстра» — это «законнорожденные светловолосые и голубоглазые дети». Класс «А» — «незаконнорожденные» с «нордическими признаками»... Покупают даже авансом у беременной женщины... И средняя цена — 100 долларов. Как за попугая класса «экстра»...

Вот оно как, вот с какой стороны ты открываешься мне, Америка! Я хотел уже поблагодарить мистера Тэрри за важное открытие, когда хозяин псарни, смерив меня взглядом с головы до ног, подозрительно спросил:

— А вы, случайно, не рашен?

— Я гражданин Советского Союза.

— Оу! — воскликнул мистер Тэрри и так громко, что пожилой негр, чистивший псарню, остановился, удивленно посмотрел на своего шефа.— Позови Сиднея! — кивнул ему хозяин.

Тот, почтительно наклонив голову, молча вышел в комнату, где исчезла миссис О'Барр со своей собачьей фермой.

Молодой высокий негр вырос точно из-под земли.

— Слушаю, маста.

Мистер Тэрри так победно посмотрел на меня, словно нашел именно то, что давно искал:

— Этот мистер из России.

— Из Советского Союза,— уточнил я.

— Так вот кто на нас собак вешает!

— Что вы хотите этим сказать?

— Гм!..— хмыкнул мистер Терри.— Он еще и огрызается. А то хотим сказать...— Шеф собачьей лавки заломил мизинец.— Во-первых, вы хотите натравить на нас Кубу.

— А во-вторых?

— Во-вторых... кгм...— Мистер Тэрри замялся, закашлялся и все-таки нашелся: — Во-вторых, вы говорите: мы негров линчуем, дискриминируем.

— А вы этого не делаете?

— Мы? Мы живем как одна семья. Душа в душу. Сидней, Билль, идите сюда!

Сидней и Билль подошли к мистеру Тэрри, их приземистый шеф положил руки на плечи клеркам и извлек напоказ уже знакомую мне деланную улыбку. Старый Билль тоже растянул рот в улыбке, а молодой Сидней насупленно топтался на месте, неловко шевеля плечом под хозяйской ладонью.

Вдруг шеф бросился к окну и картинно вскинул руку.

— Полюбуйтесь, мистер!

И я стал любоваться невиданной еще картиной: молоденькая белокурая мисс везла в детской коляске негритенка.

— Чего стоит после этого ваша пропаганда?

В это время вдова богатого адвоката вывела свою тройку. Надушенные, подстриженные по последней моде псы весело резвились.

Мешковатый псарь забежал вперед хозяйки собачьей фермы и пролепетал:

— О миссис О'Барр! А мы тут ведем дискуссию с одним рашен. Он недавно приехал из Москвы.

— Оу, это очень интересно.— Миссис удивленно повела выщипанной бровью.

Мистер Тэрри сиял от удовольствия.

— У нас свобода. Пожелаем — напишем в газетах: губернатор Рокки — дурак, сенатор или министр такой-то — тоже дурак. Правду я говорю?

— Йес, сэр.

— А вы можете своего министра назвать дураком?

— Не могу,— признался я.

— Вы слышите, миссис О'Барр? Не может! — торжествовал псарь.— А почему?

— Потому, что мы не выдвигаем дураков в министры...

Взгляд мистера Тэрри растерянно запрыгал по старому Биллю, по миссис О'Барр, в глазах которой хозяин прочел неподдельный интерес к этому рашен... Толстых губ Сиднея коснулась загадочная улыбка. Хозяин заметил и ее.

— Ты чего, черномазая свинья, зубы скалишь? — начал было он, но тут же запнулся и перенес гнев на меня. Стал в позу оратора и эффектно поднял руку с золотым кольцом: — У нас свобода, которая...

Я прервал хозяина псарни:

— О вашей свободе говорит весь мир. Вы слышали такие слова: по милости господней мы в Америке получили три бесценных дара: свободу слова, свободу совести и рассудительность, которая сдерживает нас от того, чтобы ими пользоваться.

— Кто это сказал? — нахмурился псарь, пронизывая меня своими недобрыми глазами.

— Марк Твен.

— Это, наверное, один из молодчиков Гэса Холла, которых судят? — спросил он Сиднея.

Тот промолчал.

— У Сиднея голова стала, как решето,— буркнул шеф.

— Марк Твен — знаменитый американский писатель,— напомнил я.

— И его надо судить за такие слова.

[1] Киднап — кража детей (англ.).

— Тогда нужно судить и Томаса Джефферсона?

— И Томаса. Пусть знают, что можно говорить, а чего...

— Простите, у вас же свобода слова?

Мистер Тэрри перестал со мной спорить. Глаза его заиграли диковатым, хищным блеском. Хозяин собачьего рая строго спросил:

— Что вы у нас делаете?

— Я работаю в ООН.

— Оу! — воскликнули вместе Тэрри и миссис О'Барр. Миссис даже поднялась, и ее тройка радостно замахала хвостами.

— Кем же вы там работаете? — кокетливо спросила хозяйка собак. — Послом, советником, переводчиком?

— Я шофер, — признался я.

— Оу! — снова воскликнули мистер Тэрри и миссис О'Барр. Физиономии их перекосились от удивления.

— Икскьюз ми, — галантно поклонился я даме. — Простите, что задержал вас, — обратился к хозяину псарни. — Гуд бай! — кивнул Сиднею и Биллю и направился к выходу под лай псиного выводка, которому, видно, так же, как и хозяину, не понравилась моя трактовка американских свобод.

Мне показалось, что Сидней усмехался, глядя на меня, словно говорил: «А вы здорово побрили и постригли моего шефа-собачника».

Уходя из собачьего шопа, я думал о простых людях Америки, а также о тех бедняках из Бауэри, где каждый третий прохожий — бездомный бродяга, которым живется хуже, чем собакам. Таких там семьдесят тысяч. Писатель Элмер Бендинер сказал о той улице: «Название Бауэри стало для нас синонимом мрака и отчаяния... Сегодня это уже не люди, а человекоподобные существа. У них нет никаких надежд. Они знают, что они на дне, что глубже упасть уже невозможно...»

Я присматривался к людям без надежды. В глазах у них было столько отчаяния, столько грусти. Казалось, они глядели, но ничего не видели. Люди выстраивались возле часовни «Армии спасения» молча. Голодные, забитые, отверженные.

Часовня отапливается, здесь тепло, да и людей густо. Звуки органа будто согревают душу, умиротворяют... Проповедник с микрофоном в руке монотонно читает молитву.

Вижу, как сидя дремлет паства, разморенная холодом и голодом. Смотрю на них и думаю: у людей этих и руки и ноги есть и голова на плечах. Радовать бы свет творчеством рук умелых, разума ясного. Но они не творят и не радуются, они солдаты самой страшной армии в мире — армии безработных.

Им все безразлично: и проповедник и весь мир. Лишь бы скорее открылось окошко, в которое подадут тарелку супа.

— Дети мои, — повысил голос проповедник, глядя, как его голодная паства дремлет, убаюканная нуднейшей молитвой. — Сначала восславим спасителя, потом будем обедать.

При слове «обедать» тяжелые головы поднимаются, оглядываются вокруг: не прозевали ли главного?

— Споем, братья, псалом номер...

Люди пели нехотя, приличия ради гудели себе под нос, ожидая команды, когда можно будет ринуться, толкая друг друга, в подвал.

В подвале длинная-предлинная очередь тянется к повару, проворно орудующему черпаком. Хотя есть столы, бедняки к ним не спешат. Они стоят и, переругиваясь, глотают похлебку пресловутой «Армии спасения». Хлебают, не снимая шляп.

Горько смотреть на пожилых людей, давно выброшенных за заводские ворота. А еще прискорбнее видеть тут молодого человека с мисочкой похлебки. Молодых же здесь добрая половина.

Как тут не вспомнить псарню мистера Тэрри, собачью парикмахерскую, собачье ателье, где шьют дорогие попоны по фигуре, восьмиэтажный собачий госпиталь, сооруженный и оборудованный по последнему слову техники — со скоростными лифтами, архисовременными операционными...

Перевод с украинского З. Большак.

Вернуть человека в строй

В. ПАВЛОВ

Фото А. Бочинина.

Можно ли пересадить человеку кость теленка?

Разумеется, нет: защитная реакция организма (так называемая интолерантность, то есть биологическая несовместимость) не допустит такого вмешательства. Не только кость животного, но и кость другого человека, пересаженная пациенту, не приживется и спустя некоторое время после пересадки рассосется.

Заведующий лабораторией консервации тканей профессор А. С. Имамалиев вынул из шкафа и положил перед нами кусок прозрачной розовой пластмассы, в которую был замурован коленный сустав.

— Этот сустав в таком виде может сохраняться три года, не теряя свойств живой ткани. В случае надобности в любой момент можно пересадить больному.

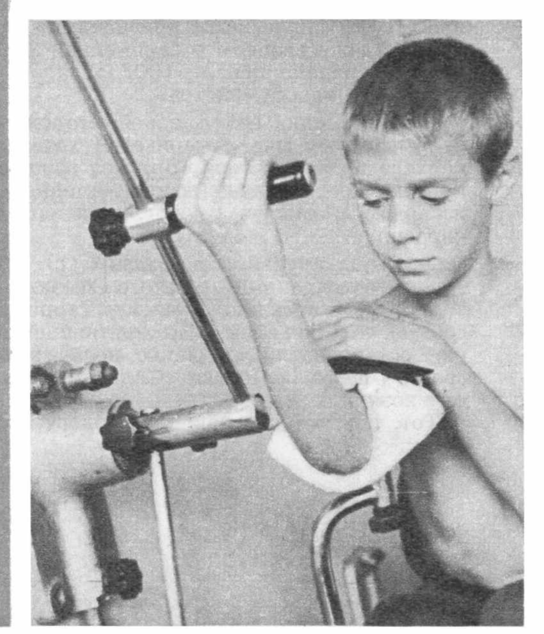
— А как же биологическая несовместимость?

— Во-первых, защитную реакцию несовместимости можно ослабить при помощи специальных методов и специальных веществ. В нашем

Школа как школа. Только учительница в белом халате.

Разрабатывать оперированный сустав поможет специальная машина.

И хорошо и непривычно после долгого перерыва снова взяться за работу.

Всегда бы так лечиться!

институте, в лаборатории экспериментальной травматологии, живет знаменитый среди медиков пес Братик — минуло вот уже более четырех с половиной лет с тех пор, как он обзавелся ногой от другой собаки... Во-вторых, пересаженная кость если в конце концов и рассосется, то все же служит организму пациента как бы матрицей, по которой формируется новая кость...

— Итак, можно, значит, все-таки пересадить и кость теленка?

— Разумеется, можно!..

Основная специальность Центрального института травматологии и ортопедии Министерства здравоохранения СССР (ЦИТО) — болезни и травмы костей и суставов.

Здесь, в ЦИТО, излечивают самые тяжелые болезни костей и суставов, болезни, которые, не вмешайся врачи, делают человека недвижимым и беспомощным, лишают его возможности работать, а то и приводят к гибели.

Большая исследовательская и лечебная работа проводится в детских отделениях. Ими руководят директор института, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР профессор Мстислав Васильевич Волков и профессор Валерия Дмитриевна Дедова.

Многие болезни, которыми занимаются профессор Волков и его коллеги, требуют длительного лечения. Потому-то в институте, помимо сверкающих чистотой палат, оборудованных по последнему слову техники лечебных кабинетов, операционных залов и бассейнов, работает школа-десятилетка. Маленькие пациенты не должны отставать в учебе от своих сверстников!

Но учить приходится не только детей...

После многих болезней, излеченных врачами института, пациенту приходится осваивать то, что он умел делать с рождения. Одним — учиться ходить, другим — двигать пальцами, третьим — гнуть спину, поворачивать шею... Все это не так-то просто... Десятки инструкторов лечебной физкультуры, массажистов, физиотерапевтов, вооруженных новейшим оборудованием и специальными приборами, помогают больному.

Скольким людям сохранили трудоспособность руководитель отделения кисти профессор В. Н. Блохин и его коллеги! Мы встретили здесь юную пианистку, настройщика, рабочего-лекальщика. У всех у них были повреждены пальцы рук, и, если б не помощь травматологов-ортопедов, пришлось бы им менять профессию.

Чудеса, иначе не назовешь, совершаются в отделении ревматоидных поражений, которым руководит профессор М. И. Панова. Многие болезни суставов, еще недавно считавшиеся неизлечимыми, здесь успешно лечат путем пересадки металлических суставов из специальных сплавов. И люди, едва передвигавшиеся на костылях, прощаясь с Марией Ивановной, навсегда оставляют в палате костыли и палки...

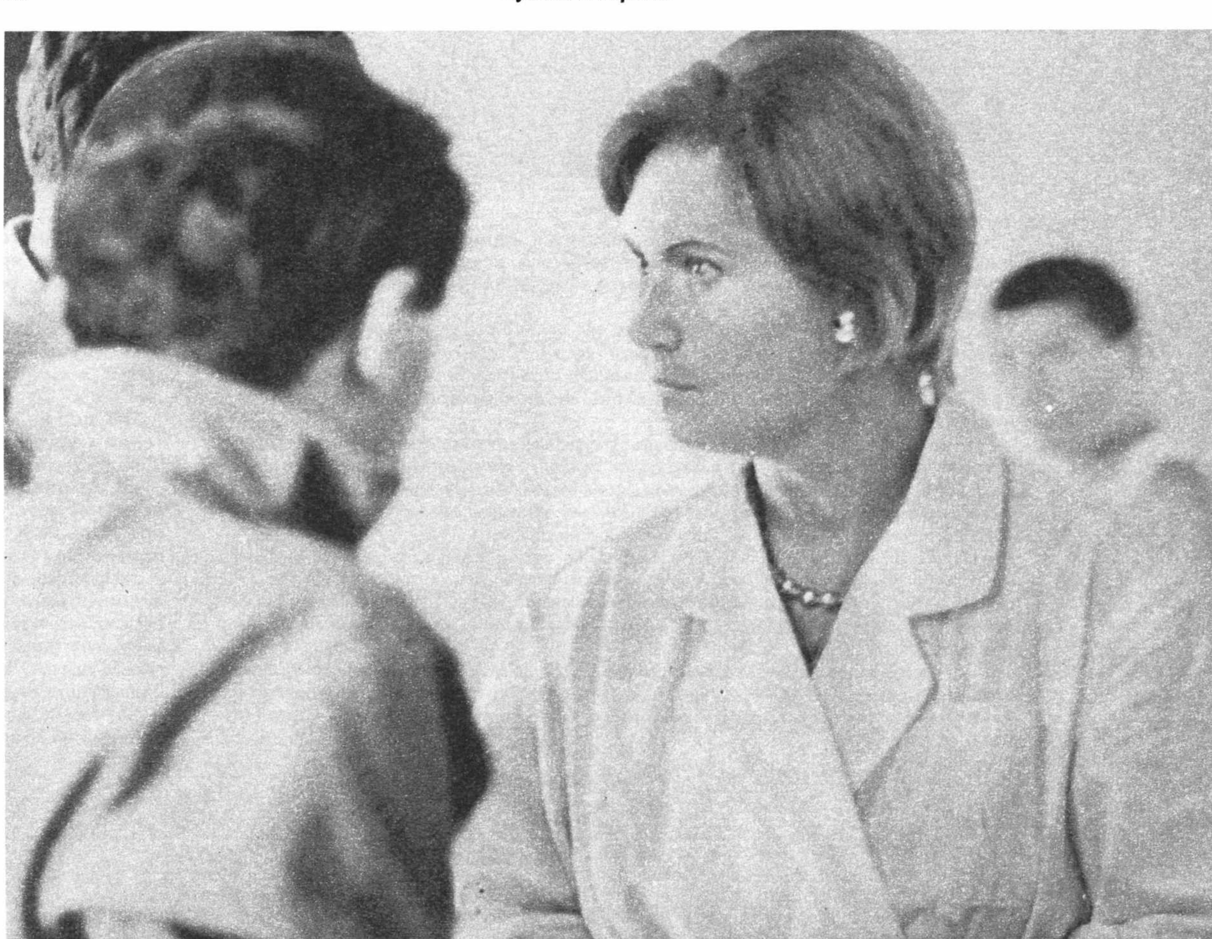
А спортсмены? Многим из них возможность заниматься спортом сохранила профессор Зоя Сергеевна Миронова, руководитель отделения, которое так и называется — «отделение спортивных травм». Прославленные футболисты, борцы, боксеры, штангисты, легкоатлеты лечили здесь травмы, полученные на тренировках и соревнованиях.

Однако все еще есть болезни и травмы, излечить которые бессильны самые лучшие специалисты. Но и в этом случае не нужно отчаиваться. В конструкторском бюро института — его возглавляет профессор К. М. Сиваш — техники и инженеры в содружестве с медиками спроектируют и сделают на заводе института необходимый больному протез, корсет или иное приспособление, которое поможет человеку вернуться в строй...

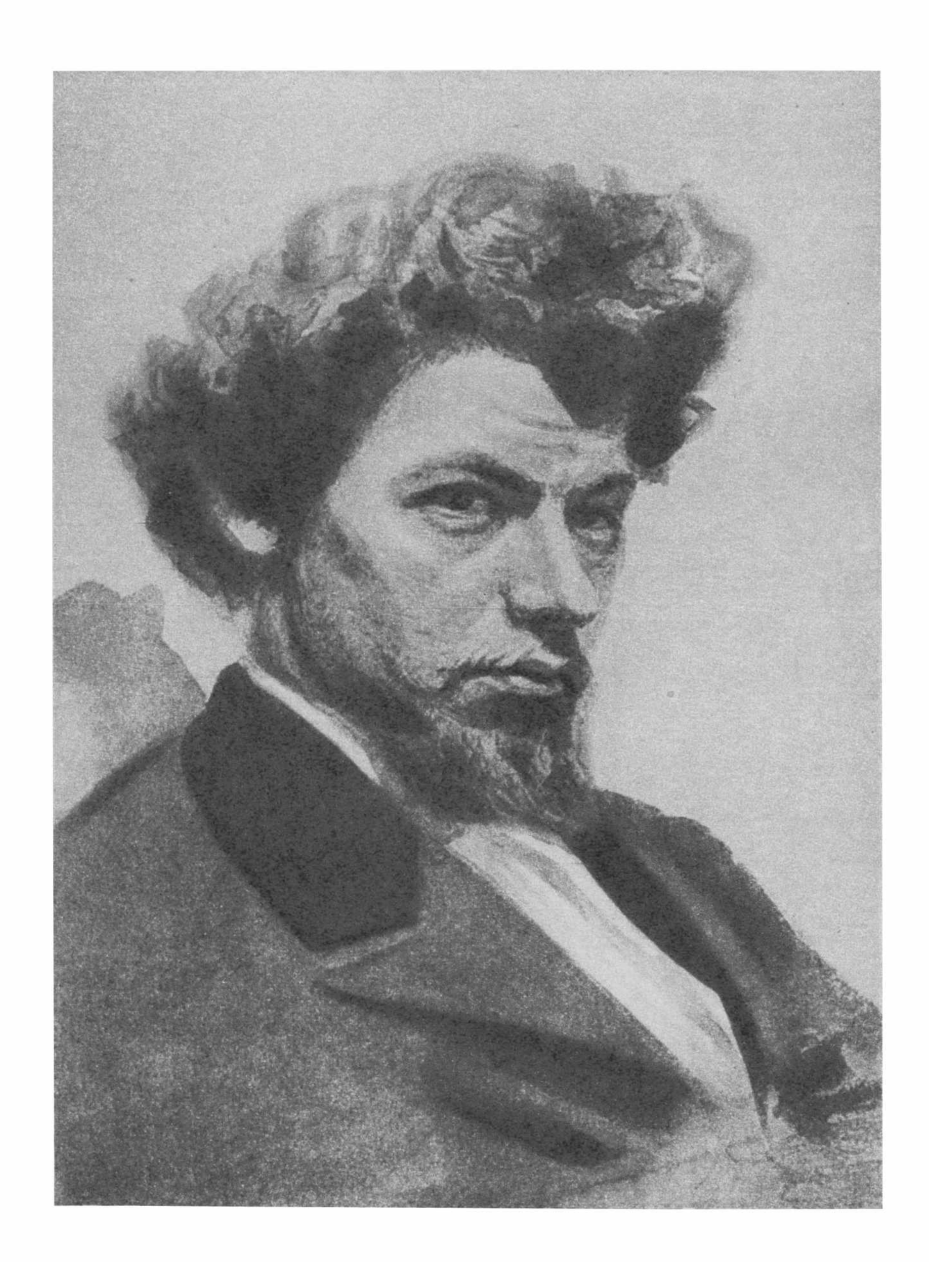

После операции кисти приходится заново учиться открывать замок, нажимать кнопку, браться за дверную ручку.

Профессора З. С. Миронову знают и любят все спортсмены.

В. М. МАКСИМОВ. **Портрет работы И. Крамского.**

ДА, ДА, САМ НАРОД НАПИСАЛ СВОЮ КАРТИНУ... ВОТ, ЖАНРИСТЫ, У КОГО УЧИТЕСЬ.

И. Крамской.

КРЕМЕНЬ ПЕРЕДВИЖНИЧЕСТВА

Ф. РЕШЕТНИКОВ,
действительный член Академии художеств СССР

Жанровая живопись мне представляется одним из самых интересных и значительных видов изобразительного искусства. Очевидно, это мое давнее, с юных лет, пристрастие и сделало из меня художника-жанриста.

В русской живописи, пожалуй, как ни в какой другой, жанр занимает большое место. Желание не только создать красоту, не только, если можно так сказать, увеличить количество красоты в мире, но вмешаться в жизнь, сделать ее лучше, помочь людям — характерное стремление для русского жанра.

И на этом пути жизненный опыт художников-жанристов определял и темы, к которым они обращались, и глубину их решения.

Василий Максимович Максимов, о котором Репин говорил: «кремень передвижничества, самый несокрушимый камень его основания»,— темой своего творчества избрал крестьянскую жизнь.

Он любил деревню, знал ее беды и в своей семье пережил многое из того, о чем позже поведал в живописи.

Отец его, государственный крестьянин, и мать, дочь дьячка, были единственные грамотные люди в большом селе. И мальчик рано начал учить грамоту.

Сохранились автобиографические записи В. М. Максимова. Его талант сказался и в них. Это — прекрасное литературное документальное произведение, повествующее о времени, о быте, о трудной жизни одаренного человека.

«Из раннего детства,— вспоминает Максимов,— ни одно событие не осталось так ярко в памяти, как болезнь и смерть моего отца».

Мальчику было тогда шесть лет. Два старших брата уходили в дальние пожни косить, а мать жала в поле. Василий же оставался с отцом. Не отлучался ни на минуту. Мать забегала ненадолго и опять — в поле.

С глубоким чувством читаешь записи Василия Максимовича. В них, как и в его полотнах, возникают достовернейшие картины, согретые любовью автора и поэтому дожившие до нас.

«В деревне тихо, даже малых ребят не слышно: одни ушли с родителями в ближнее поле, другие к реке, ровесники не подходили к нашей избе, зная, что сижу у больного отца. Сидя на лавке у бокового окна на полдень, опершись локтями на подоконник, я с какой-то безотчетной грустью глядел на залитое солнцем наполовину сжатое ржаное поле...» Как-то, когда отцу стало совсем плохо, мальчик испугался, побежал за матерью.

«Приходим в избу, отец лежит навзничь, ослабевшие руки вместе с иконой беспомощно лежат по левую сторону. Он был жив. Серые глаза тускло, но ласково смотрели на нас; он прошептал: «Я Васю благословил». Матушка стала на колени перед образами и долго, долго молилась... потом, поправив постель отца, поцеловала его и, быстро поднявшись, ушла на работу...»

А через много лет Максимов создает одно из лучших своих произведений — «Больной мужик». Простота этого произведения удивитель-

В. Максимов. 1844—1911. ПРИХОД КОЛДУНА НА КРЕСТЬЯНСКУЮ СВАДЬБУ. 1875 г. Государственная Третьяковская галерея.

В. Максимов.

ВСЕ В ПРОШЛОМ. 1889.

Государственная
Третьяковская галерея.

В. Максимов. АУКЦИОН ЗА НЕДОИМКИ. 1880.

Бердянский художественный музей.

БЕДНЫЙ УЖИН. 1879.

Иркутский областной художественный музей.

на. Самое великое, таинственное и простое — рубеж между жизнью и смертью. На деревянной лавке, устланной соломой, лежит больной мужик — отец семейства, работник, хозяин. В изголовье, на коленях перед иконами, в сдержанном горе жена. Наверное, так же, как когда-то мать художника, прибежала с поля и опять должна уходить. Теперь надо работать за двоих. Чем она поможет мужу? Только молитвой.

Мастер композиции, в этом произведении Максимов хорошо построил ее и нашел очень естественное освещение, сосредоточив внимание зрителей на склоненной в молитве женской фигуре. А там, где лежит мужик,— тень, тьма, смерть...

...Осиротевшему Васе Максимову (а вскоре после отца умерла и его горячо любимая мать) пришлось в жизни помыкаться немало. Читая записки Максимова, вспоминаешь самые тяжелые страницы «В людях» Горького.

Стремление учиться рисовать заставило мальчика сбежать из монастыря, куда его отдала еще мать, и податься в город. Ученик иконописца Пешехонова. Условия кабальные: после двух лет ученичества — пять лет работы; если же нарушит договор, должен будет заплатить хозяину двести сорок рублей — по тем временам сумма очень большая.

«Вот вам новый мальчишка,— сердито сказал хозяин, обращаясь к мастеровым своей мастерской,— а ты слушайся каждого». Так началась страшная жизнь Васи Максимова в людях.

На побегушках у хозяина, хозяйки, мастеровых. Надо собирать грязную посуду, мыть полы, бегать в лавку, тереть краски. А когда все шли спать, у мальчика была еще не кончена работа. И в награду за все — издевательства, насмешки, побои.

«Хозяин бил мастеров (вероятно, и жену) и мальчиков. Мастера били только мальчиков и дрались между собой, старшие мальчики били младших, и только младшие никого не били, а ходили довольно часто побитые... Я нес из кухни большой чугун клею, поскользнулся в коридоре, упал и разлившимся клеем обварил себе руки и ноги. Вместо принятия мер от ожога меня наказали розгами... Право, не знаю, как меня не запороли до полусмерти».

И мальчик убежал от хозяина. Скрывался. Потом работал в портерной лавке. И рисовал, рисовал каждую свободную минуту. Как-то художник Комашев, увидев, что мальчик, подав пиво, принялся рисовать, подозвал его, посмотрел рисунки и велел обратиться от его имени в иконописную мастерскую к Ярыгину. Здесь, несмотря на нелегкую жизнь, Максимов получает первые профессиональные навыки. Хозяин, заметив успехи, дает ему заказы, отпускает в школу. Но одежды нет, постели нет, нет даже лохмотьев для подстилки.

«Иногда бывало так трудно, что заберешься куда-нибудь подальше от людей, чтобы в слезах выплакать свое горе».

Упорство этого юноши было удивительным. Максимов выдержал экзамен в Академию художеств. Началась новая жизнь, в которой тоже хватало бед, но была она полна творческого горения, заполнена счастьем: с этого времени он занимался любимым делом.

«Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» имел на выставке передвижников триумфальный успех. Стасов писал о картине много раз. Называл ее «глубоко национальной», говорил, что «тут характеры так и отпечатались целиком». Через некоторое время снова возвращался к ней: «Максимов в течение десяти — пятнадцати своих молодых годов написал немало даровитых маленьких картинок из жизни крестьянского и среднего сословия, но лучшее, важнейшее и значительнейшее... это картина «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу».

Над картиной живописец работал долго — несколько лет. Тему ее, как и многие другие, он не придумал, а видел: был на свадьбе в деревне, когда в разгар веселья появился колдун...

Свадьба в деревне — это событие. Наряды, традиционные обряды, песни... Вся деревня собралась. Драматичность вносит появление колдуна. Среди всеобщего веселья возникает тревога, суеверный страх, сопровождающийся и невольным уважением к колдуну: он может сделать что-то мистическое, сверхъестественное. Его надо задобрить, чтобы он не причинил вреда. Наверное, прихода колдуна ждали, потому что мелом очертили круг, через который колдун не должен переступить. Мать учит невесту обрядным словам, которые спасут молодоженов от напасти, а старики готовят колдуну дары, чтоб он отступился.

Творчество Максимова мне наиболее дорого своей добротой. Герои его картины красивы, душевно богаты. Одухотворенность, теплота наполняют и эту картину. Прекрасна невеста своей простой целомудренной красотой. Художник и колдуна не изобразил мрачным уродом. Он не искажает черты его лица, а создает характеристику образа путем внутреннего психологического разбора.

Композиция разбита на две группы, два смысловых центра, но живописец сумел связующими фигурами объединить их. И вся картина представляет собой единое целое.

Грустные события в жизни Максимова послужили сюжетом для картины «Семейный раздел». Не одно его письмо из деревни жене было посвящено семейному разделу: делились его брат с женой и их сын с невесткой. Ссора между молодой женщиной и свекровью зашла далеко. Все зло шло от жены брата. Василия Максимовича сельский сход просил приехать из города, чтобы разделить по совести все имущество. Результатами он был доволен, хотя проходила вся эта процедура чрезвычайно тяжело, мучительно. Свекровь действовала злобно, несправедливо. И покорная, тихая стояла невестка, готовая принять любое решение, лишь бы скорее закончилась эта сцена. Отцу было стыдно. Но в конце концов Максимов уговорил брата и его жену «не делать несправедливости с сыном»...

Эта тягостная история типична для российской деревни того времени. Поэтому и картина «Семейный раздел», где делятся две семьи старшего и младшего брата в присутствии почтенных односельчан, получила широкий резонанс и была с интересом принята зрителями. За ней стояла правда жизни. Стасов писал: «Его «Раздел имущества в крестьянской семье», перед выборными судьями (1876), его «Бедный ужин» (1879) были очень талантливыми картинами, необыкновенно верно и характерно передающими истинную крестьянскую действительность, интересы и характеры...»

Жил Максимов в эти годы нелегко. Покупатели на его произведения находились не сразу. И сам художник с улыбкой жаловался в таких стихах:

Кто сытый ест обед,
Не купит, знаю, «Бедный ужин»,
А автору мужицких бед
Богатый покупатель нужен.

Максимов дружил со многими крестьянами из своей деревни. Часто получал письма от них, когда жил в городе. И спешил снова приехать в деревню. В архиве Третьяковской галереи сохранилось письмо Степана Васильевича Лисина, престарелого крестьянина, который не раз позировал художнику. Это буквально стон о несправедливости. Он пишет, что болен, отказался от своего надела, потому что не может обрабатывать. А старшина приказал платить недоимку и хочет взять все, что у него осталось в хозяйстве.

Наверно, о таких жестоких аукционах Максимов знал не только из писем, он и сам мог видеть сцены, подобные «Аукциону за недоимки», в деревне, где подолгу жил. Работая над картиной, он сделал много этюдов. Жене он писал: «...Ты интересуешься знать, что я работаю; сообщаю перечень этюдов, сделанных с 1 сентября: 1) Кузьма Фомин — для средней фигуры белокурого мужика, 2) Степан Лисин, голова мужика, который глядит с сожалением на уводимую старушку, 3) Олонецкий мужичишко — для фигуры с руганью на бога и на все людские неправды, 4) Этюд Пар. Николаевны (бабы с самоваром), 5) Этюд черного мужика в середине, что за спиной богача, написан с Фед. Максимова, 6) Этюд для сотского написал с новгородского крестьянина, который и в самом деле был много лет в этом чине, 7) Этюд продающего сарафан мужика, 8) Солдата-покупщика — третьестепенная фигура, 9) Этюд сторожа — целая фигура, только голову надо найти подходящую, 10) Этюд старшины — целая фигура, вот все, что успел сработать, не манкируя ни часом удобного времени. Остается еще написать на воздухе 5 фигур, кой-какие принадлежности второстепенной важности, и тогда я обеспечен, можно спокойно писать все в комнате...»

Интересна и дальнейшая судьба самой картины. Ее приобрел знакомый Максимова — Головин, который через некоторое время разорился, и его коллекция картин была описана за долги. Продавался с молотка и «Аукцион за недоимки».

Долгое время было неизвестно место ее нахождения. В поле зрения искусствоведов оставался только этюд к картине с Лисина. Теперь картина украшает собрание Бердянского художественного музея.

Пожалуй, одно из самых известных произведений в русской живописи — это «Все в прошлом». Я знаю, что часто в викторинах, на вечерах вопросов и ответов спрашивают, чьей кисти принадлежит эта картина. Ее обычно помнят в деталях. Но кто автор, нередко забывают. Несколько раз мне звонили знакомые: «Слушай, так хорошо помню картину, но кто ее написал? Перов, Маковский?» А написал ее Василий Максимович Максимов. Писал он в маленьком обедневшем имении своей жены. И сумел до удивления наполненно передать грусть и успокоение. Развалившийся, старый помещичий дом, где жизнь замерла навсегда, теперь хозяйка доживает свой век в домике для прислуги. Старомодная одежда, старинные вещи, и вся жизнь в воспоминаниях о прошлом.

Картина сразу имела большой успех. Стасов ее оценил очень высоко: «...тема, чудесно взятая и чудесно переданная... Максимов не потух и не стушевался. В нем еще добрый запас ощущения русской жизни».

К сожалению, некоторые критики и художники в наше время считают, что литературность, сюжетность произведения принижают его значение, что пластические задачи живописи должны решаться самостоятельно. А сюжет только отвлекает художника и зрителя от истинной оценки живописных качеств.

Для того чтобы утверждать обратное, не надо даже обращаться к далекому прошлому, к передвижникам и западному искусству. Можно вспомнить, какой прекрасный жанр — с наполненным сюжетом, глубокой мыслью и высокими живописными качествами — возник в советском искусстве в двадцатых и тридцатых годах: «Тревога», «Смерть комиссара» Петрова-Водкина, «Ячейка» Чепцова, «Будущие летчики» Дейнеки, позже Пименов со своей лирической московской окраиной. Это все разные живописные характеры, разные пластические решения. И все это жанр.

Зрителям не надо доказывать жизненность этого вида изобразительного искусства. На любой выставке около жанровых полотен собираются толпы людей. Рассматривают, раздумывают, обсуждают.

И, несмотря на естественное развитие сейчас монументальной живописи, для станковых жанровых произведений, я уверен, найдется место на выставках, в музеях, клубах, учреждениях.

Конечно, каждое талантливое произведение — и пейзаж, и натюрморт, и портрет — это характеристика времени, но в жанровой композиции может сочетаться и то, и другое, и третье. Да еще там должно быть повествование, психология, действие.

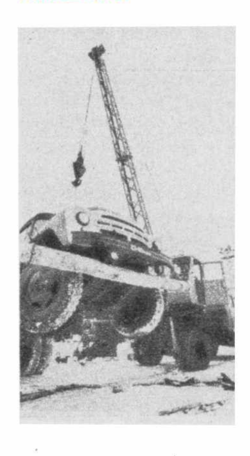
Следовательно, жанр может еще более объемно характеризовать время и активно сам принимать в нем участие.

Здесь, кроме пластики, цвета, живописец должен чувствовать состояние человека, понимать, как он будет действовать в той или иной ситуации, уметь построить мизансцену. Он должен быть актером и режиссером.

И очень жаль, когда живописец, наделенный склонностью к жанру, исчезает из этой области творчества из-за того, что у кого-то существует мнение, будто жанр — это мелкотемье, будто живопись не должна быть сюжетной, из-за того, что кто-то рассматривает жанр как пройденный этап, как устарелый вид искусства.

ЭКЗАМЕНЫ ДЕРЖАТ:

...машина

И КРАСИВ И СИЛЕН

Имя у этого силача вполне современное — КС-2561Д. Не вникая в суть столь хитрого имени, скажем про него, что это новый автокран, спроектированный и изготовленный на Балашихинском заводе автокранов. С честью выдержав в эти дни вступительный экзамен, он отправился на стройки страны.

Хоть и не столь уж он велик, но силенок ему не занимать — может поднять 6,3 тонны, и не только поднять, но даже и перенести на небольшое расстояние. Позаботились строители о людях: в кабине тепло, машинисту крана в студеные дни не потребуется тяжелой, стесняющей движения спецодежды.

Сделанный на базе автомашины «ЗИЛ-130», кран к тому же еще и нарядно выглядит.

Мы спросили создателей крана:

— А может ли он поднять свою базу?

— Пожалуйста,— ответили нам. И подняли.

Этот момент запечатлен на снимке.

К. ЮРЬЕВ

Фото автора.

...студентка

ВСЕ ПЕРВОЕ

У Беллы Кайдановской все первое: первый год учебы в Первом Московском медицинском институте, первый семестр, первая сессия. И вот сданы экзамены. Есть чему радоваться!

Фото А. Бочинина.

...будущие автоводители

НАЕДИНЕ С АВТОМАТОМ

Вы хотите стать шофером? Отлично! В таком случае вам необходимо наездить определенное количество часов, отработать навыки вождения, изучить правила уличного движения и сдать экзамены.

Правил не так уж и много — они собраны в тоненькой книжице, но знать их надо назубок, потому что они вобрали в себя горький опыт многих тяжелых, а часто и трагических происшествий на транспорте. И когда вы сядете за руль автомобиля или мотоцикла, уже не будет времени вспоминать, в каких случаях как надо поступать,— реакция водителя должна быть мгновенной. Именно поэтому такие строгие требования предъявляются на экзаменах к будущим водителям.

Мы решили побывать на экзаменах и отправились в Отдел по надзору за подготовкой водительских кадров ОРУД — ГАИ Москвы. Его начальник подполковник Василий Андреевич Сапельников рассказал, что требования к водителям машин за последнее время повысились.

За год здесь получают водительские права без малого сорок тысяч человек. Естественно, что при таком наплыве желающих старый, устный метод экзамена уже устарел, введена автоматика. Класс, где установлены автоматические экзаменаторы К-58, пропускает в день до ста двадцати человек. В каждый аппарат заложено четыреста пятьдесят вопросов, и какие десять или восемь из них вам достанутся — неизвестно. Ваше дело — лишь выбрать из нескольких заведомо неправильных, но близких к истине ответов единственный точный и нажать кнопку. Ответили верно — на вашей карточке перфоратор пробьет отверстие, ошиблись — не пробьет. Допустил две ошибки — аппарат тут же выключается, зажигает надпись «не сдал». Если же все точно, загорается надпись «сдал», и вы можете ликовать. Кроме скорости, у такого экзаменатора есть еще одно преимущество — полная беспристрастность.

Ю. КРИВОНОСОВ

...прибор

ИСКУССТВЕННАЯ ПОЧКА

Аптекарский остров. Корпуса старейшего в стране завода «Красногвардеец». Здесь рождаются уникальные приборы, названные зарубежной прессой «советскими спутниками в хирургии». На экспериментальном участке, словно в венах живого организма, пульсирует «кровь» в трубках испытательного стенда. Часовой механизм не может тягаться с точностью, на которую сдает экзамен усовершенствованный вариант искусственной почки, предложенный московским ученым, хирургом Ю. Козловым. В этой конструкции значительно быстрее протекает процесс очищения крови, а сложную работу механизмов контролирует автоматика.

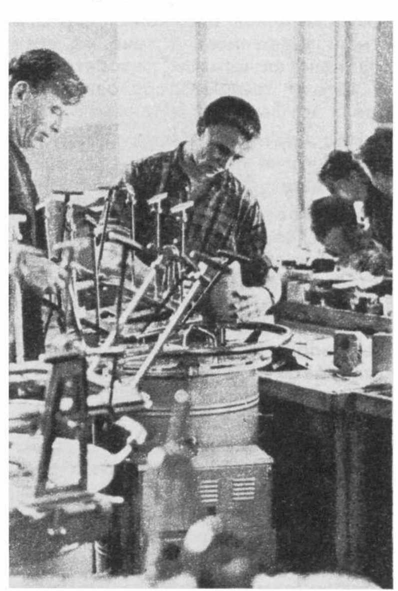
Ученый-изобретатель — рядом с испытателями. За пультом управления мастер-инструментальщик В. Метлов. Слышен мягкий шум мотора. Люди выверяют ритм работы нового аппарата. Одновременно идет проверка на герметичность.

Испытания прошли успешно. Искусственной почке, усовершенствованной по проекту Ю. Козлова, дана путевка в жизнь. Завод налаживает серийное производство прибора, на который уже получены заявки из клиник многих стран.

Аппарат выполняет работу почек человека при острой и хронической почечной недостаточности и других серьезных заболеваниях.

В. ГЕРАСИЧЕВ

Ленинград

Слесарь-инструментальщик Александр Елин устанавливает мотор на новую искусственную почку.

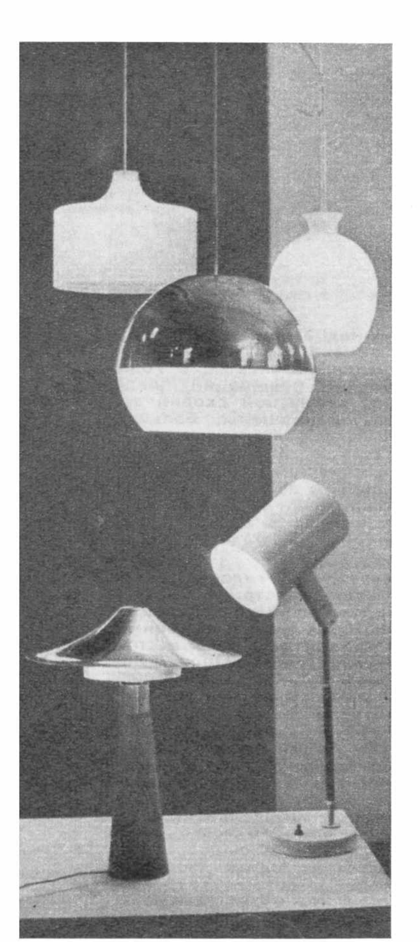
Фото автора.

...конструктор

СКОЛЬКО СТОИТ ЗОЛОТО?

Золотодобытчики Кербинского прииска — люди серьезные, бывалые, и удивить их чем-нибудь нелегко. Но на этот раз жители поселка имени Полины Осипенко, что в Хабаровском крае, своего удивления не скрывали: в самом деле, машина снижает себестоимость добычи золота почти в два раза.

Здесь на прииске недавно начали сборку двух передвижных гидравлических машин «Ракета». А до этого опытный образец новой золотомоечной машины проходил на полигоне испытания, и вот тогда-

...вещи

СИРЕНЕВАЯ ЛУНА

Щелчок — и под потолком нежно засветилась романтическая сиреневая луна. Ее назначение — висеть над обеденным столом, когда семья собирается после работы за общей трапезой, и создавать спокойное, хорошее настроение. Еще щелчок — и большая, круглая, с коротким узким горлышком бутылка наливается молочным светом. Ей, само собой разумеется, надлежит висеть на кухне и гармонировать с разной кухонной посудой. Затем уютно загорается низко опущенный большой красивый шар, верхняя половина которого поблескивает полированным алюминием, а нижняя сделана из матового пластика. Верх комнаты погружается в полумрак, а яркий круг света попадает на столик с журналами и газетами.

Здесь держат экзамен и настольные лампы. Особенно хороша одна из них — по-настоящему художественное произведение — на темной деревянной ножке, под сияющим, пластично выгнутым колпаком из красного дерева. А рядом с ней — лампа-труженица: ее место на письменном столе.

12 новых светильников выпустит в этом году таллинский завод «Эстопласт». Все они уже выдержали испытания перед придирчивым художественно-техническим советом завода. Многие из этих светильников останутся в Таллине, иные отправятся в другие города Советского Союза и зарубежные страны.

Н. ХРАБРОВА,
собкор «Огонька»
Фото В. Сальмре

...характер

КОГДА НАГРЯНУЛА БЕДА

Дмитрий Петрович Медунов считается самым веселым человеком на Каракумском канале. Истории, которые произошли с ним, а может, и не происходили, можно услышать по всей трассе.

— Какая рыба самая большая в канале, знаешь? — спросил он меня.— Не знаешь? Та, которая с крючка срывается.

Дмитрий Петрович — начальник головного гидроузла. В его ведении, как он выражается, «нулевая точка» канала. Тут берет начало Каракум-река. Злые языки утверждали: Медунов потому такой веселый, что работа у него спокойная — знай себе пропускает воду из Аму-Дарьи в канал.

И вот в январе случилось то, что случается, вероятно, раз в сто или двести лет. В Туркмении, самой жаркой нашей республике, вдруг ударили морозы. Да какие! Сковало льдом и Аму-Дарью и канал. Самое отчаянное положение сложилось у Медунова. Лед толстым панцирем одел гидроузел. Над всем каналом нависла большая беда.

Куда девался прежний весельчак Дмитрий Петрович! Словно подменили человека. Озабоченный, стремительный, сосредоточенный. Два дня не уходил он с гидросооружения. Это было испытание стойкости, мужества, характера. Человек выдержал это испытание. Не растерялся. Выход был найден: с подвесных люлек мощными форсунками расплавили лед на щитах и пазах затворов.

Сейчас на канале весь лед расколот, хотя в некоторых местах толщина его достигала полутора метров. Каракумреке уже не угрожает беда. И, вероятно, через несколько дней пойдет путешествовать по трассе еще одна забавная медуновская история о каракумских льдах. Непременно веселая история, потому что о трудностях, которые удалось преодолеть, которые не сломили человеческого мужества, люди вспоминают с теплотой.

О. КУПРИН

то и выяснилось, на что способна «Ракета». Достоинство машины не только в том, что она удешевляет добычу. Смонтированная на металлических санях, «Ракета» очень маневренна и может быть использована на небольших полигонах.

И когда испытания окончились, придирчивые экзаменаторы горячо поздравили конструктора новой машины — одного из лучших рационализаторов Хабаровского края, горного техника И. В. Кочергина.

...сласти

«Смешинки», «Лада», «Кольцо»

Последние несколько месяцев на московской бисквитной фабрике «Большевик» проходили не экзамены даже, а целая экзаменационная сессия. Но все по порядку.

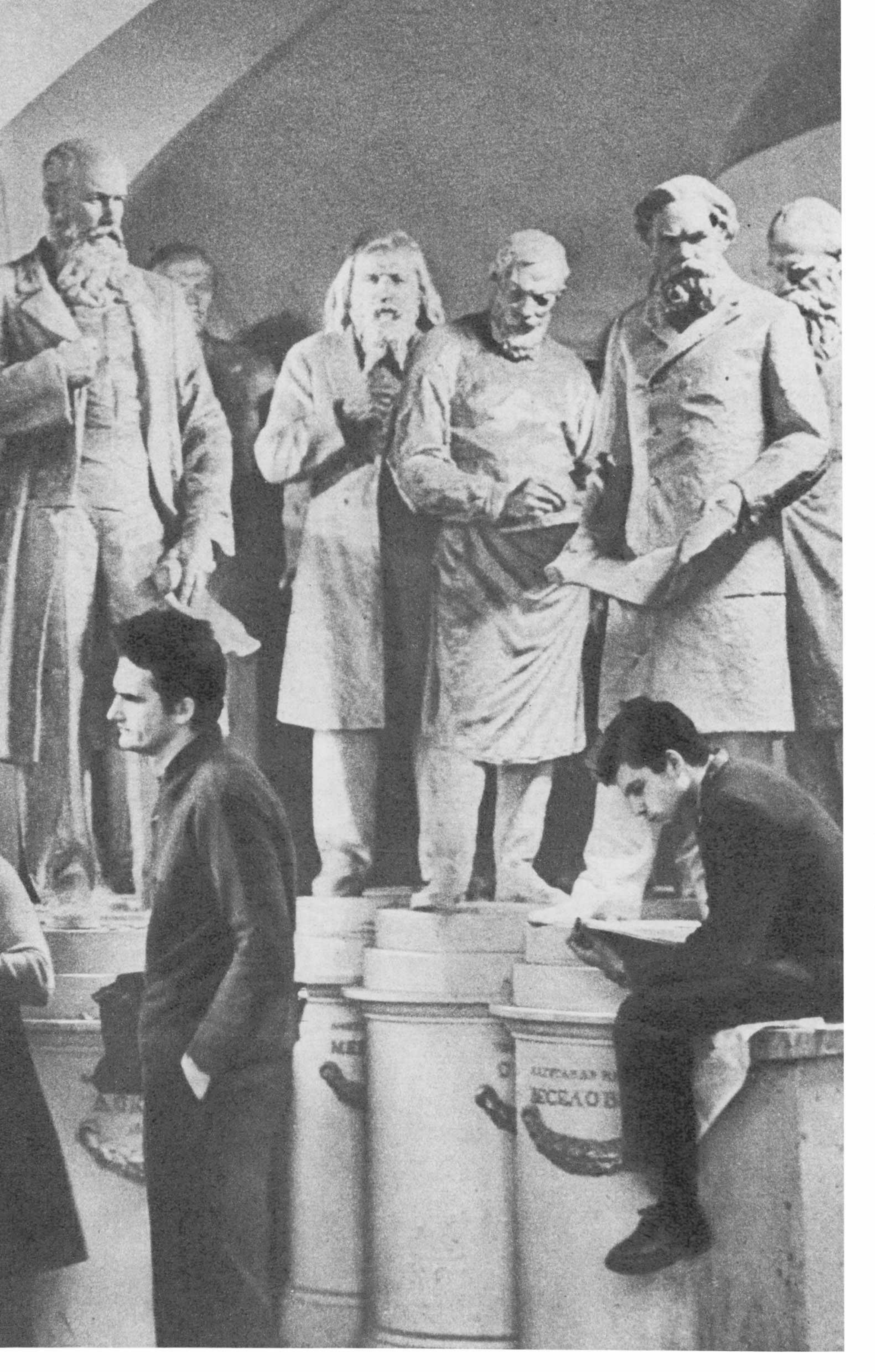
В декабре прошлого года экзамен на государственный знак качества держало детское печенье с ласковым названием «Смешинки». Дегустаторы, отведав эти «Смешинки», заносили в аттестационные листки отметки по 30-балльной системе. Чтобы заслужить высокий знак, изделие должно набрать не менее 27 баллов. Мнение комиссии было единодушным: «Смешинки» достойны знака качества. Печенье действительно очень вкусное, нарядно оформлено и, несомненно, понравится малышам.

Это был, так сказать, один из туров экзаменационной сессии. А вот и другой. В Москве недавно шел конкурс на лучшие пищевые изделия. «Большевик» представил туда целый ассортимент новых сластей: печенье — земляничное со сливками, «Нектар», «Колечки», крекер с майонезом, торты — фруктово-ореховый, персиковый и пирожное «Лада» — воздушное, нежное. Все сласти были высоко оценены на конкурсе, а скоро их смогут оценить и покупатели.

На фабрике, конечно, радуются успеху и «Смешинки» и «Лады». Но больше всего, представьте, кондитерам нравится то, что два фабричных изделия держали переэкзаменовку. Ей подверглись торт «Кольцо» и печенье «Юбилейное». Но, позвольте, при чем тут переэкзаменовка? Ведь сласти эти пользуются большим спросом! Этим-то и вызвана переэкзаменовка. Летом позапрошлого года и торт и печенье были удостоены государственного знака качества. А для пищевых продуктов он действителен только год. Вот и пришлось популярным лакомствам держать переэкзаменовку. И авторитетная комиссия вновь признала, что они достойны знака качества.

Покидая фабрику, на которой так успешно проходила экзаменационная сессия, мы спросили у заместителя главного технолога В. В. Аникиной: «Печенье «Юбилейное» в рекламе уже не нуждается и потому, мягко говоря, не залеживается на полках магазинов. Не собираетесь ли вы выпускать его побольше в этом году?» «Собираемся,— улыбнулась Виктория Васильевна.— Почти на четыреста тонн».

Н. ВЛАСОВА
Фото А. Бочинина.

МЫ СТУДЕНТЫ. УЧИМСЯ В ЛЕНИНГРАДЕ. ВСЕМ ТРОИМ НАМ ВМЕСТЕ — СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ. НО ЭТО ТОЛЬКО ПОЛОВИНА ТОГО, ЧТО ПРОЖИЛ НАШ УНИВЕРСИТЕТ. СЕГОДНЯ У НЕГО ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ — СТОПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ.

— Господа! — Ректор захлебнулся от напряжения. Бурлящий студенческий поток валом валил в Актовый зал. Все возбуждены, громко переговариваются.

— Господа! Я поражен! Я потрясен! — залпом выпаливает глава университета.

В руках у многих газеты. Карандашом обведено: «1-го сего марта на Невском проспекте около 11 час. утра задержаны три студента С.-Петербургского университета, при коих по обыску найдены разрывные снаряды. Задержанные заявили, что они принадлежат к тайному преступному обществу, а отобранные снаряды по осмотре их экспертом оказались заряженными динамитом и свинцовыми пулями, начиненными стрихнином...»

— Убежден, что и вы все, до последнего человека, разделяете со мною жгучее негодование по поводу происшедшего.

Кажется, канделябры задрожали от многоголосого:

— Нет! Нет! Мы гордимся ими!

Через два месяца газеты сообщили, что приговор особого присутствия правительствующего сената о смертной казни через повешение над осужденными студентами Генераловым, Андреюшкиным, Осипановым, Шевыревым и Ульяновым приведен в исполнение 8 мая.

Трагические события 1887 года, связанные с именем Александра Ульянова, — только одна страница истории нашего университета.

...Страницы истории! Они неразрывно связаны с главным зданием, с его Актовым и Петровским залами и, конечно, со знаменитой галереей, пронизывающей все двенадцать петровских коллегий.

350 шагов по длинному коридору. Большие венецианские окна. Блики скупого северного солнца отражаются на стеклах книжных шкафов. Задумчиво шел по этому коридору на экзамен Владимир Ульянов. Он вынужден был сдавать в Петербурге экстерном весь университетский юридический курс.

Это было в 1891 году. Четырьмя годами раньше на естественном отделении физико-математического факультета учился его брат. Владимир выбрал юридический. Почему? Он давно ответил на этот вопрос: «Теперь такое время, нужно изучать науки права и политическую экономию. Может быть, в другое время я избрал бы другие науки».

Полтора десятка дисциплин пришлось изучать самостоятельно в короткий срок. «Весьма удовлетворительно» (высший балл) — так были единодушно оценены знания молодого Ленина. Результат успешной сдачи экзаменов — диплом I степени.

Через пятнадцать лет Ленин вернулся в университет профессиональным революционером. В годы первой русской революции после массовой студенческой сходки занятия были прекращены. Большевики использовали закрытый университет как трибуну для массовых политических собраний. В Актовом зале, в аудиториях шли митинги, выступали М. И. Калинин, Н. К. Крупская, Е. М. Ярославский, М. И. Ульянова. Три раза выступал Ленин.

Университетская галерея... Мы приходим сюда часто: и когда у нас есть дела и просто так, когда хочется побыть наедине со своими мыслями. Рано утром галерея пустынна. Ломоносов, Чебышев, Докучаев, Ковалевский... Великие ученые пристально смотрят на нас.

Двадцатитысячная студенческая семья раздвинула стены главного здания, где когда-то уживались философско-юридическое, физико-математическое и историко-филологическое отделения. Они родились вместе с университетом, в 1819 году, и принято всего было на эти факультеты 20 сыновей бедных, малосостоятельных дворян и семинаристов. Первые студенты еще не знали, чем будут заниматься, но помнили одно: «Университетский диплом дает право на занятие известных должностей в сфере государственной бюрократии». Почти за сто лет своего существования до Великой Октябрьской социалистической революции университет дал образование 25 тысячам студентов, за пятьдесят лет Советской власти выпустил 80 тысяч специалистов, 256 из которых стали академиками и членами-корреспондентами АН СССР.

Сейчас наша alma mater занимает 98 зданий в городе. Восемь научно-исследовательских институтов, астрономическая обсерватория, вычислительный центр, лаборатория озероведения, школа-интернат, студенческие общежития... Чтобы побывать на каждом из четырнадцати факультетов, нам нужно отмерить не один километр по берегам Невы.

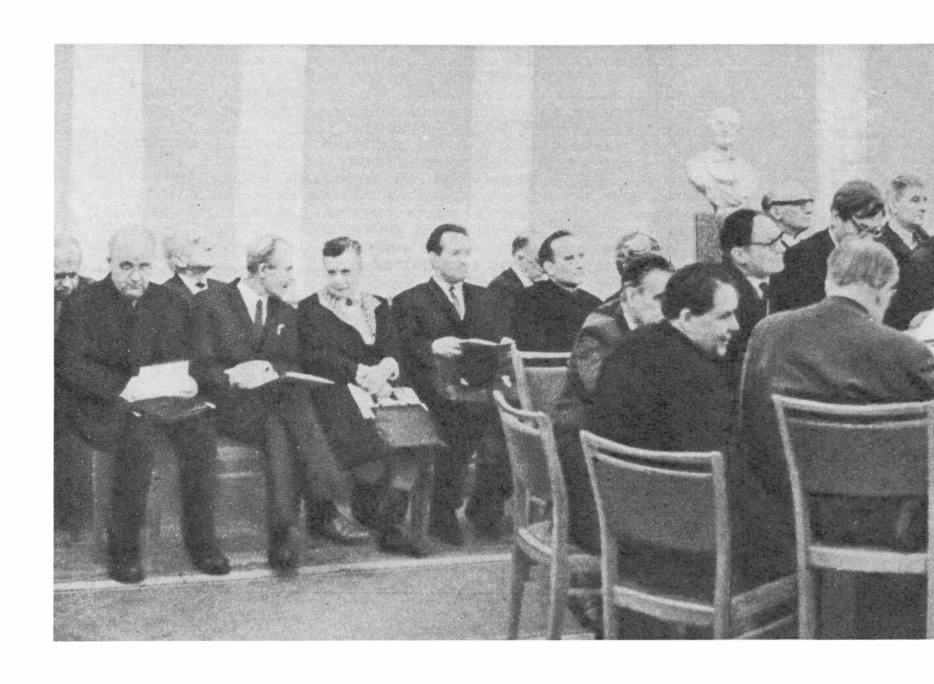
...Уютная комната комитета комсомола разместилась в бывшем ректорском флигеле. В левом углу — большой старый пень, на стене — шахтерский фонарь. Это трофеи прошлогоднего студенческого строительного лета. Привезли их ребята с далекого Талнаха. В комитете комсомола — центр нашего стройкома. Многочисленные фотографии студенческих фоторепорте-

Прадеды и правнуки

Ю. ВИШНЕВСКАЯ, В. ГЕРАСИЧЕВ, Н. ТОЛСТАЯ

Фото авторов.

ров возвращают нас на стройки Севера, Ленинградской области, Карелии и, конечно, Старого Петергофа, где сейчас возводится новый комплекс зданий Ленинградского университета. В недалеком будущем рядом со знаменитым городом фонтанов вырастет крупнейший в стране студенческий город.

Очередь к столу председателя стройкома филолога Эдуарда Элькина не уменьшается. Спрашиваем:

— За чем очередь?

— За романтикой! — отвечает кто-то. И улыбается...

Наверное, так же ответили бы нам девятнадцать лет назад заведующий кафедрой этнографии и антропологии исторического факультета Рудольф Фердинандович Итс, проректор по вечернему и заочному обучению Валентин Николаевич Филиппов и десятки других энтузиастов трудовой романтики конца сороковых годов. Они рассказывают о том незабываемом мартовском дне сорок девятого, когда пронесся клич: «Все на строительство межколхозных электростанций!» Медведковская и Шульгинская ГЭС стали первенцами строительного лета студентов университета.

А потом был первый целинный эшелон и первая улица, построенная своими руками и названная Университетской. Были трижды целинники и трижды строители. Был коллектив, был труд, было и есть великое студенческое братство.

В Ленинграде зима, морозная, вьюжная. У ребят — учебный семестр. А стройком уже собирает под свои знамена новые полки добровольцев.

...На Менделеевской линии шумная толпа. Три автобуса стоят у входа в здание исторического факультета.

— Продолжается поход по маршрутам славы,— объясняет начальник штаба генерал-майор Иван Павлович Кныш.— Сегодня едем на Ладожское озеро, к той узенькой полоске льда, что превратилась в легендарную «Дорогу жизни». Мы хотим поклониться людям, чьи имена навечно высечены на скромном надгробии братской могилы, хотим возложить цветы и вспомнить беспримерные события минувших суровых годин...

Медленно отходят автобусы...

«...Истфак в ноябре — декабре 1941-го. Страшно холодно. Дымит времянка. Совсем рядом слышны разрывы снарядов. В. В. Мавродин рассказывает о создании русского национального государства. За тонкой перегородкой студенты второго курса слушают лекцию профессора В. Е. Евгеньева-Максимова».

Страница былого. Сегодня профессор Владимир Васильевич Мавродин возглавляет факультет, на котором девять кафедр, сотни студентов, десятки профессоров. Идут занятия, экзаменационные сессии, происходят бурные диспуты и научные открытия — обычные будни обычного факультета.

— А теперь — даешь физику! — сказали мы решительно и простились с историками. Однако на пороге отдела теоретической физики решительность наша несколько поубавилась. «Квантовая механика», «Квантовая электродинамика», «Общая теория тяготения»... Нам эти названия внушают лишь благоговейный трепет — ни больше ни меньше. Правда, мы четко представляем: за сложными терминами — поиск физика-теоретика, разведчика и первооткрывателя.

Много известных всему миру ученых вышли в науку из стен ЛГУ или работают здесь. Один из них — академик, Герой Социалистического Труда В. А. Фок, руководитель отдела теоретической физики университета.

— Что, опять журналисты? — иронически улыбаясь, спросила сидящая за столом молодая лаборантка. Она перебирала почту.

— Во, видали сколько? — потрясла она разноцветной пачкой писем.— И все поздравительные, с семидесятилетием. Каждый день разбираю. И корреспонденты зачастили. Но Владимир Александрович прессу не очень жалует. Если физики — пожалуйста.

Впервые завидуем физикам.

Впрочем, мы и раньше знали, что о себе ученый рассказывать не любит. От физиков мы слышали о нем почти легендарные истории. В Геттингенской школе, где В. А. Фок был на годичной стажировке, молодого физика прозвали «русской математической пушкой» за исключительное искусство в решении сложнейших задач. По школе ходила шутка: Фок может самого черта рассчитать.

С Менделеевской линии отправляемся совсем в другой район Ленинграда. Ново-Измайловский проспект. Студенческий городок. Корпус ЛГУ. Вахтерша интересуется, к кому идем. Узнав, что студенты-корреспонденты, советует: «Идите к психологам. Они что-то затеяли».

В просторном холле шумно. Идет блицанкета: «С кем бы ты хотел поработать над докладом?», «Кого бы ты пригласил на свой праздник?» Все ясно: решили испытать на себе один из методов социально-психологических исследований. Наибольшее число голосов набирает пятикурсник Валерий Якунин. Интересуемся, почему.

— Витек, ответь корреспондентам.

Парень загибает палец.

— Во-первых, Якунин недавно женился. Во-вторых, любит песни, в-третьих, ленинский стипендиат, в-четвертых, самостоятельный, в-пятых... Вот вам университетская газета, там о нем написано...

Газета? Очень хорошо. А почему бы нам не побывать в редакции нашей многотиражки? Решено: едем в редакцию. В эти дни ее не узнать. Беспрерывные телефонные звонки и куча корреспонденции. В редакции по крупинке собирается история университета. Каждый факультет за круглым столом газеты рассказывает о себе.

В редакции знакомимся с юношей, который отрекомендовался заместителем декана. Студент-декан — это не выдумка. Владимир Шульц — один из создателей МФФ — малого философского факультета. В университете есть факультеты для школьников. Успешно работают юношеская математическая школа, клуб юных историков, малый филфак, школа юного юриста. Деканом, преподавателем, лектором становится студент.

...Вечер. Опустела наша университетская галерея. Основатель русской Академии наук царь Петр. Отец первого российского университета профессор химии Михайло Ломоносов. Химик-органик Бутлеров. Чернышевский, с блеском защитивший здесь магистерскую диссертацию. Великий Менделеев... Скульптуры — в полумраке длинного коридора. Наши университетские прадеды. Смотрим на сосредоточенные лики ученых. Тишина в галерее...

И вдруг — громкие голоса. Из белокаменного Петровского зала выходят преподаватели и профессора. Значит, окончился ученый совет. Вскоре в галерее остались ректор и мы. Наши биографии можно рассказать с одним основным глаголом — учился. Для ректорской характерны такие: учился, воевал, работал. Возобновил учебу после ранения в сорок третьем. На кафедре, считая его самого, было всего два студента. Со своей кафедрой физики атмосферы член-корреспондент АН СССР Кирилл Яковлевич Кондратьев не расстается до сих пор.

Мы подготовили несколько вопросов. Один — чисто организационный: «В университете четырнадцать факультетов. Какой станет пятнадцатым?» «Отделений, претендующих на вакантное место среди факультетов,— отвечает профессор,— несколько. Больше всего шансов у отделения прикладной математики».

Еще один вопрос мы позаимствовали из анкеты психологов, у которых были несколько часов назад: «Кирилл Яковлевич, с кем из выдающихся ученых вы хотели бы поработать или просто встретиться?» Ректор не сразу делает выбор: «С Менделеевым...»

...Бесконечный ряд старинных шкафов. Тысячи томов в золоченых переплетах. Кирилл Яковлевич вдруг остановился и с улыбкой спросил:

— Помните? «Вошли первокурсники в коридор...»

Помним. Стихи выпускника нашего факультета, ныне поэта, редактора журнала «Костер» Владимира Торопыгина.

Вошли первокурсники в коридор,
как неоглядем
его простор!
На полкилометра
стоят вдоль стен
книги рядами ровными,
и в нишах
поставленная на постамент
студенчества
родословная...

Мы прощаемся с ректором и опять остаемся одни в галерее. И опять тихо. Наши университетские прадеды со своих постаментов смотрят на нас.

В лаборатории самого молодого факультета — психологии.

Академик В. А. Фок.

В Петровском зале ученый совет.

Сергей МИХАЛКОВ

Кто не знает басен Ивана Андреевича Крылова? Кто не учил их в детстве, черпая в басенных иносказаниях житейскую мудрость, находя в них отзвук своим гражданским чувствам? В них подвергались осмеянию глупость, подлость, невежество, чванство, жестокость, корыстолюбие, алчность — все те пороки, какие были в обществе, современном баснописцу.

Басни Крылова учили наши прадеды, деды и отцы, учат их и нынешние школьники. Крыловские строки, взятые писателем у народа, снова ушли в народ, превратившись в поговорки и пословицы. Одно издание крыловских басен сменяется другим, тиражи достигли огромных цифр, но число подписчиков и читателей не иссякает. Так, на издание сочинений Ивана Андреевича Крылова, предпринимаемое издательством «Правда» (приложение к журналу «Огонек») в 1969 году, подписалось 540 тысяч человек.

Книгой мудрости самого народа являются крыловские басни. Жуковский охарактеризовал их как «поэтические уроки мудрости». Белинский о Крылове писал: «Как истинно гениальный человек, он подобно другим, не ограничился в басне баснею, но придал ей жгучий характер сатиры и памфлета».

Дедушка Крылов, как именовали его некоторые современники, вовсе не был сентиментальным добряком. Его сатира жалила, уничтожала и сокрушала. В его сочинениях жестоко доставалось власть имущим. В «Почте духов» Крылов пригвоздил венценосных тиранов к позорному столбу одной звонкой фразой: «Львы и тигры менее причиняли вреда людям, нежели некоторые государи и их министры».

Иван Андреевич Крылов родился 13 февраля 1769 года в бедной офицерской семье. Есть основания полагать, что отец Крылова является прообразом всем нам хорошо знакомого коменданта Миронова из «Капитанской дочки» Пушкина.

Работая над «Историей Пугачевского бунта», Пушкин со слов Ивана Андреевича записал воспоминания его отца. После подавления крестьянской войны «высочайше» награждали в основном тех, кто имел связи и богатство, так что капитан Андрей Прохорович Крылов почти ничего не получил и, выйдя в отставку, был вынужден поселиться в Твери, где жила его мать. Он служил чиновником и умер в бедности.

К счастью, у старшего его сына, девятилетнего Ивана, оказались недюжинные способности. Мальчик любил читать, охотно учился и со временем блестяще знал иностранные языки. На примере Крылова можно убедиться, что воспитание не менее важно, чем образование. Мать его, Мария Алексеевна, была неграмотная, но она сумела приохотить сына к чтению. Мальчик полюбил книги, страсть к учению была у него так велика, что председатель уголовной палаты, богатый местный помещик Львов, знавший отца Крылова, предложил его сыну заниматься вместе со своими сыновьями. Были помещики, которые в назидание своим провинившимся детям пороли в их присутствии крестьянских мальчишек, а тут нашелся удивительный барин, учивший бедняка в назидание своим недорослям.

У Крылова были способности к математике и к иностранным языкам, и вскоре оба барчука отстали от него в учении, да и где им было за ним угнаться: их заставляли учиться, а он учился назло своей бедности.

Умный мальчик очень рано понял, что нет правды и равноправия в обществе, где все решают власть и деньги. Ему захотелось вырваться из той среды, где он никак не мог ужиться.

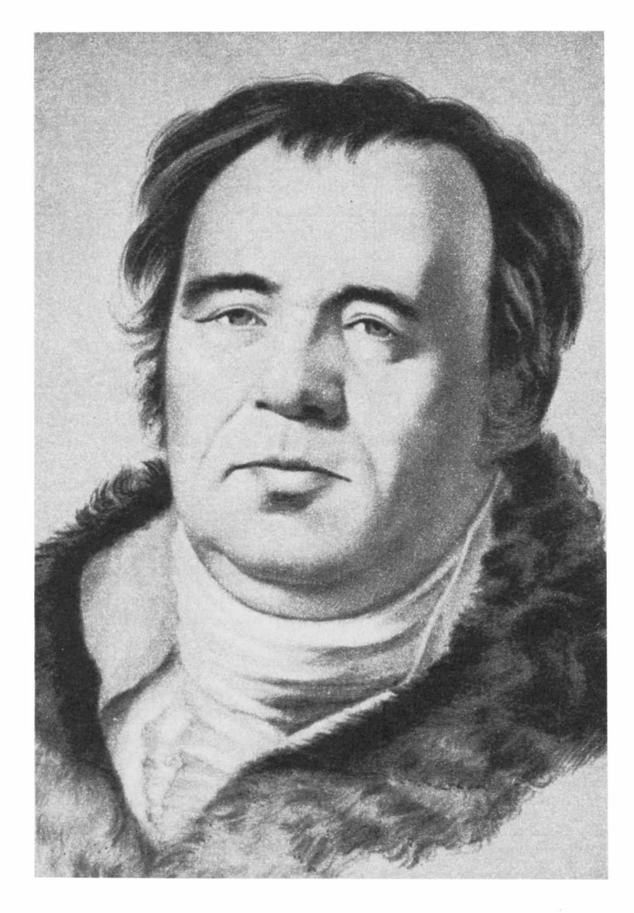
В 1782 году Крыловы переезжают в столицу. В Петербурге Иван Крылов поступил на службу в казенную палату и прослужил в ней четыре года. Юноша пробует свои силы в сочинительстве. Он пишет пьесу «Кофейница», в которой выступает против господ-помещиков. Пьесу отвергают, не читая. Столь юный автор не внушает доверия. Крылов знакомится с книготорговцем и издателем Брейткопфом, которому так понравилась пьеса безусого автора, что он решил написать к ней музыку. Брейткопф предложил Крылову гонорар, но юноша от денег отказался и попросил издателя отпустить ему на эту сумму книг. У Крылова не было ни гроша лишнего, получал он семь рублей в месяц, а книг набрал на шестьдесят. Знакомство с издателем пошло на пользу юному сочинителю: у Брейткопфа он встретился со знаменитым актером Дмитревским, который всей душой привязался к Крылову, ввел его в театральный мир, куда он так стремился. Ивана Афанасьевича Дмитревского называли первым российским актером, учителем русского театра; дружба с Дмитревским продолжалась у Крылова всю жизнь. Он представил Крылова директору театров Соймонову, и тот принял к постановке две пьесы Ивана Андреевича: «Бешеная семья» и «Сочинитель в прихожей».

Вращаясь в театральных кругах, Крылов познакомился с Княжниным, который в те годы считался первым русским драматургом. Княжнин был не лишен дарований, но он принадлежал к разряду тех сочинителей, которые вместо того, чтобы ломать голову над сюжетом, заимствуют его у других. И Крылов вывел его в сатирической комедии «Проказник» под именем Рифмокрада. Разыгрался скандал, и Соймонов изменил свое мнение обо всех пьесах Крылова: они ему разонравились — и те, что репетировались, и те, для которых уже была написана музыка.

Крылов ответил письмами Княжнину и Соймонову. Это непревзойденные образцы злой иронии, которые мог написать лишь прирожденный сатирик. Крылов с простодушно-наивным видом выводит пером оскорбления, которые тем обиднее, что это не сплетни, а истинная правда. Надо ли удивляться, что, сделавшись маститым стихотворцем, под той же маской добродушия он не боялся и царю говорить правду, да в такой форме, что, вздумай царь обидеться, он бы стал посмешищем всей империи. Это важная черта характера Ивана Андреевича: в ней кроется ключ к развенчанию мифа о доброте дедушки Крылова. Надо ясно представить себе обстановку в стране в те годы, когда начал писать Крылов.

Век Екатерины Второй подходил к концу. В народе зрело недовольство, и правительство, не забывшее пугачевского восстания, вело борьбу со всякой попыткой сказать правду об истинном положении дел. Придворные пели дифирамбы императрице. Тех, кто был способен сказать правду, царица боялась. Она вела двойную игру, прекрасно понимая, что время от времени ей следует проявлять либерализм. Например, царица милостиво разрешала издание новых сатирических журналов. Однако достаточно было выйти в свет первому номеру такого журнала, как он тотчас попадал под надзор полиции, и напуганный издатель после двух-трех обысков сам спешил прекратить его издание во избежание далеко идущих последствий.

В 1788 году Крылов стал сотрудником журнала «Утренние часы», издававшегося Иваном Герасимовичем Рахманиновым. Они подружились, и, когда Крылов задумал издавать новый сатирический журнал, Рахманинов взял на себя расходы по изданию. Крылов назвал свой журнал «Почта духов»; это сатирический журнал, напоминающий лучшие

русские сатирические журналы Новикова и Эмина. Крыловская «Почта духов» выходила с января по август 1789 года. Содержание «Почты духов» столь необычно, что историки литературы лет сто выискивали, кто бы мог помогать двадцатилетнему писателю в создании этой энциклопедии русской жизни и нравов. Публицистика Крылова подчас была близка радищевской, чьи вольнолюбивые настроения пришлись по душе молодому талантливому сатирику. Деспотизм царей, продажность судей, спесь аристократов, бесправие бедноты и, главное, невозможность изменить положение, ибо нельзя сказать правду,— вот круг тем «Почты духов».

Об остроумии автора можно судить по следующему отрывку. В книжную лавку попадает гном и спрашивает: «Для чего ж здесь мало хороших книг?» Книготорговец отвечает: «...множество авторов, как кажется, более занимаются не тем, чтобы что-нибудь написать, но чтобы что-нибудь напечатать и поспешить всенародно объявить, что они невежи... страсти к истине... очень мало в сочинителях,— оттого-то здесь нет хороших книг, но множество лавок завалены бреднями...» (Письмо XXX). При всей своей молодости Иван Андреевич Крылов понимал, что сатира — грозное оружие и высокого звания сатирика достоин лишь тот, кто поднимает это оружие во имя истинной любви к своему отечеству, а не ради показной остроты пера и своекорыстных целей.

Через три года после выхода последнего номера «Почты духов» Крылов, его приятель литератор Клушин и актер-писатель Плавильщиков начали издавать сатирический журнал «Зритель». Этот журнал печатался в новой типографии «И. Крылова с товарищи», которую организовали Крылов, Дмитревский, Плавильщиков и Клушин, при ней имелась книжная лавка. Название журнала было новое, а содержание его осталось то же — антикрепостническое.

Нет, Крылов не был бесстрастным наблюдателем всего происходящего в России, безобидное название его нового журнала — это хитрость издателя. Во имя священного долга писателя — говорить правду и только правду — Крылов уже научился придавать простодушно-наивные интонации своим антиправительственным выступлениям. К старости он вполне овладеет этим искусством и прослывет добрым дедушкой Крыловым, печатая под видом басен стихотворные памфлеты и фельетоны, а пока он еще очень молод: ему двадцать три года.

В «Зрителе» Крылов не стал более осторожным. Опасность угодить за решетку была очень велика, он это знал, но продолжал играть с огнем. Чего стоит хотя бы его восточная повесть «Каиб». Свобода слова— великое благо; вот как все это выглядело в изложении Крылова. Каиб «начинал так свои речи: «Господа! я хочу того-то; кто имеет на сие возражение, тот может свободно его объявить: в сию ж минуту получит он пятьсот ударов воловьею жилою по пятам, а после мы рассмотрим его голос». Словом, свобода по-царски.

Во всей Российской империи невозможно было найти грамотного человека, который не понял бы, что так могла сказать лишь лицемерная Екатерина Вторая. Можно только удивляться, как Крылова вслед за «вольнодумцем» Николаем Новиковым не отправили в Шлиссельбургскую крепость.

Вообще «Каиб» в высшей степени дерзкое произведение. Что ни страница — колкости в адрес Екатерины Второй, что ни реплика — ну, так и видишь нищую, бесправную, порабощенную Россию. Современники понимали, о чьем дворе шла речь, когда автор говорил: «Календарь Каибова двора был составлен из одних праздников, и будни были там реже, нежели именины Касьянов».

Даже и в мимолетных сценах будущий великий баснописец умел одной фразой дать исчерпывающую картину.

Разумеется, «Зритель» просуществовал недолго. Не прошло и полгода, как в типографии «И. Крылова с товарищи» был произведен обыск. Петербургский губернатор Коновницын, правда, сообщил очередному фавориту Екатерины Платону Зубову, что «вредных сочинений не оказалось», но во время обыска у Крылова отобрали рукопись пьесы, которая пропала навсегда.

И все-таки Крылов и Клушин решили издавать новый журнал «Санкт-Петербургский Меркурий». В этом журнале уже не было никаких «крамольных» произведений, и все же он закрылся в том же 1793 году, вскоре после приглашения Крылова во дворец. До нас не дошли подробности этой аудиенции у царицы, известно лишь, что после нее Иван Андреевич не только ликвидировал типографию и закрыл журнал, но и вообще уехал из столицы. Крылов понимал, что если не убраться подобру-поздорову, царица в один прекрасный день снова о нем вспомнит, но тогда его повезут уже не во дворец...

Более десяти лет прожил Крылов в добровольном изгнании. В 1806 году, уже после смерти Екатерины и Павла, он посчитал для себя возможным вернуться в Петербург. Здесь он приобрел новых друзей, возобновил старые связи и знакомства, продолжал писать комедии, сочинять и переводить басни, которые, появляясь одна за другой, привлекали всеобщее внимание и вызывали восхищение стилем и остроумием автора.

Одноактная комедия «Пирог» шла в обеих столицах. Были поставлены также его комедии «Модная лавка» и «Урок дочкам». Примечательно воспитательное значение этих пьес. В них Крылов выступает как обличитель столь модного в ту пору иноземного влияния.

В этот период Крылов создал басни, которые вошли в золотой фонд русской литературы. Иван Андреевич Крылов становится известным писателем, и его кандидатуру выдвигают в Российскую академию. Однако при выборах в академию 13 марта 1809 года академики, которые— за исключением пяти-шести человек — не имели никакого отношения к российской словесности, потому что выбирали их в основном за верноподданнические чувства,— накидали Ивану Андреевичу тринадцать черных шаров, и только двое проголосовали «за».

В апреле того же 1809 года вышла в свет первая книга басен Крылова. Она была моментально распродана. Слава Крылова росла так непостижимо быстро, что в 1811 году, через два года после неудачи с первыми выборами, Крылов все-таки стал академиком.

В ночь на 12 июня 1812 года 600-тысячная армия Наполеона перешла границу России. Началась Отечественная война.

Во время войны с французами Крылов откликался на все события героического года, был подлинным выразителем дум и чаяний своего народа. Многие его басни были недвусмысленно обращены к правительству, к Александру Первому. Крылов в иносказательной форме говорил царю дерзкие вещи. Его басни «Волк на псарне», «Ворона и Курица», «Щука и Кот» были у всех на устах.

Еще за четыре года до начала войны Крылов поступил на службу в Монетный департамент, где прослужил два года. 7 января 1812 года академик Крылов был утвержден в новой должности помощника библиотекаря русского отдела императорской Публичной библиотеки. Служба отнимала у Крылова много времени и сил: в его обязанности входило приобретение книг для Русского отдела, и потрудился он на совесть, если учесть, что вначале в его отделе числилось всего четыре книги. Крылов проработал в библиотеке двадцать девять лет. Он любил свою библиотеку, любил книги и великолепно в них разбирался, что позволило ему приобрести для Публичной библиотеки много ценных изданий.

Скромный помощник библиотекаря был одним из самых популярных в России писателей: один за другим выходили сборники басен, и слава его росла из года в год.

Ни в чем так не сказался гений Крылова, как в подлинно народной простоте его басен. Крылов влил в русскую поэзию живительную, здоровую силу народной мудрости, черпая ее из недр самого народа, облекая ее в совершенную литературную форму, доходчивую по языку. Крылов откликался на все важнейшие события в жизни общества. Басни его попадали не в бровь, а в глаз власть имущим. Его устами говорил сам народ.

2 февраля 1838 года Петербург праздновал пятидесятилетие литературной деятельности Крылова. Впервые в истории нашей родины так широко отмечался юбилей поэта. Крылову было уже 69 лет. Не прошло и семи лет, 21 ноября 1844 года великий русский баснописец Иван Андреевич Крылов умер.

Творчество Крылова носило глубоко социальный антикрепостнический характер. Оно опиралось на особенности русской натуры, он явился выразителем этой натуры, то есть истинно народным писателем.

Живы крыловские традиции и в наши дни. И если высокий жанр русской басни служил народу в дни революции 1905 года и в канун Великой Октябрьской революции, если басня во время второй Отечественной войны явилась острым агитационным оружием против врагов нашей Родины, то и сегодня она служит в борьбе с пережитками прошлого в сознании людей, в борьбе за утверждение новых, высоких идеалов.

И в творчестве многих советских поэтов-сатириков, пишущих на языке своих народов, звучат интонации великого русского баснописца, которого еще при жизни назвали народным писателем.

Хочется закончить все сказанное о великом нашем баснописце словами Николая Васильевича Гоголя, словами великого о великом: «Поэт и мудрец слились в нем воедино. У него живописно все, начиная от изображения природы, пленительной, грозной и даже грязной, до передачи малейших оттенков разговора, выдающих живьем душевные свойства. Все так сказано метко, так найдено верно и так усвоены крепко вещи, что даже и определить нельзя, в чем характер пера Крылова. У него не поймешь его слога. Предмет, как бы не имея словесной оболочки, выступает сам собою, натурою перед глаза».

Ю. ИВАНОВ,
кандидат филологических наук

На вопрос: «Полезно ль просвещение?» — Крылов отвечал так:

> Полезно, слова нет о том.
> Но просвещением зовем
> Мы часто роскоши прельщенье
> И даже нравов развращенье.

Сам Крылов такое «просвещение» называл «модным» и справедливо считал, что вместе с истинным просвещением и оно пришло к нам с Запада.

Действительно, Запад сразу же после реформ Петра I стал влиять на Россию двояко. В его культуре было две культуры: одна была богата духовными откровениями, другая — суетными изобретениями прожорливой моды. Первая питала гений Ломоносовых, вторая плодила графов Нулиных. Словом, одна просвещала Россию, другая развращала ее. Поэтому, зная и ценя Запад великой культуры, Крылов в то же время резко выступал против Запада, «повреждающего нравы».

Основными виновниками «повреждения» он считал тех иноземцев, которые приезжали в Россию «на ловлю счастья и чинов» и преследовали только личную корысть.

После смерти Петра иноземцы настолько прибрали к рукам страну, что стали оказывать активное влияние на все сферы ее жизни. Их корыстная деятельность стала сдерживать духовное развитие России. По выражению И. И. Шувалова, современника и покровителя Ломоносова, иностранцы «не радели» о распространении наук и искусств в стране, им чуждой, и в то же время они не только контролировали все ступени образования — от низшей до высшей, но и определяли его формы, содержание и направление. В результате несколько поколений русских дворян XVIII века, пройдя через руки иноземных учителей и через учебные заведения, ими созданные, получили космополитическое воспитание.

Все это крайне отрицательно сказывалось на расцвете нашей культуры XVIII века. Передовые люди того времени, от Ломоносова до Радищева, вели решительную борьбу против дурных сторон иноземного влияния. Но при всей своей горячей преданности делу они все-таки не сумели поднять культуру тогдашней России до высот общенациональных.

С преодолением этих бед как раз и было связано становление нашей литературы как литературы национальной. Крылову принадлежит здесь особая роль—и как журналисту и как баснописцу.

В отличие от многих своих современников Крылов-журналист любил не поучать, а изучать. Это позволило ему не только осудить «модное просвещение», но и глубоко раскрыть его пагубное влияние на семью, на общество, на государство.

Как червь точит дуб, как мышь валит слона, так распад семьи подтачивает духовные силы народа. Крылов понимал это и, бросив взгляд на семейную жизнь своих современников, ставших жертвой «новой моды», не удержался от горького восклицания: «Какое распутство... какой беспорядок!» Неверные жены и похотливые любовники, развратные мужья и легкомысленные любовницы — всюду обман и ложь, внешняя благопристойность и внутренний цинизм, и к этому, говорит Крылов, «мы уже привыкли». «Дети,— пишет он,— которые приписываются такому прекрасному супружеству, воспитываются с ровною с обеих сторон прилежностию. Муж, не почитая это за свое дело, думает, что и того довольно с его стороны сделано, когда они носят его имя, а жена, видя, как мало думает о них тот, кто причиною их рождения, сама старается перещеголять его в нерадении; и такие-то прекрасные отроки готовятся со временем занимать какие-нибудь важные места в государстве!» И Крылов показывает, как они готовятся.

Раньше, замечает он, родители толковали детям, «чтоб были они честными людьми, храбрыми на войне и твердыми в переменах счастия», а теперь их учат «танцевать, прыгать, вертеться, говорить по-французски и болтать целый день, не затворяя рта в беседах».

«Старайся более всего...— наставляли они друг друга,— ссорить детей с родителями»; насмехайся над тем, «что в старину называлось свято», воспитывай детей «не для отечества, но собственно для себя».

Как следствие такого воспитания из сыновей вырастали разного рода праздные Припрыжкины, приготовленные лишь «к роскошам и мотовству», а из дочерей — податливые Неотказы, которые занимались нарядами да твердили «любовную азбуку».

Изучая их духовный облик, Крылов пришел к интересным и поучительным выводам. Он заметил, что, как только люди становятся «игрушками мод», они превращаются в стереотипы, подведенные под некий общий знаменатель.

Чтобы отстоять свою индивидуальность, питомцы «модного просвещения» прибегают к особым приемам, характеризующим весь стиль их поведения. Недостаток ума они прикрывают остроумием, а отсутствие убеждений — интригующими вымыслами, фантазиями и новостями, или, как принято ныне говорить, обилием информации. Но главная их болезнь — это неуемное зубоскальство.

Наклонность людей «новой моды» к скептическому зубоскальству Крылов объяснял их желанием прикрыть свою духовную ущербность: если ты будешь смеяться над Ломоносовым... то подашь тем знак о превосходстве твоего вкуса. Этому правилу как раз и следовали модные «умники» времен Крылова, причислявшие себя к духовной элите.

Из наблюдений Крылова можно заключить, что «модное просвещение» не только породило зуд зубоскальства, но и оторвало часть людей от национальной почвы. Тем самым оно лишило их духовности, величия и «истинности мудрости». Крылов допускал, что среди таких людей встречаются и большие умы, но в силу их бесплодности он не ценил их и был прав.

Неразборчивое усвоение западной моды, которая пестрым потоком хлынула к нам из Европы, по мысли Крылова, пагубно сказалось на экономике государства. Мода сделала дворянство наклонным к роскоши и породила в нем неуемную страсть к деньгам. Следствием этого было не только разорение крестьянства, но и разорение государства, ибо золото, которое выжимали дворяне из труда крестьян, уплывало за границу.

Как видим, Крылов жил в такое время, когда русскому художнику надо было еще отстоять свое право быть самобытным. И Крылов решительно отстаивает его, как журналист, издатель «Почты духов» (1789), «Зрителя» (1792) и «Санкт-Петербургского Меркурия» (1793).

Как баснописец, он твердо встал на народную почву и, черпая силу из ее духовных источников, стал истинно национальным поэтом России. В баснях он выразил и самого себя и свой народ с его мудростью, «лукавством ума» и «живописным способом выражаться», а в своем знаменитом «Червонце», воспользовавшись горьким опытом России, окончательно сформулировал свой взгляд на просвещение. В этой басне, которую мы цитировали в самом начале, Крылов рассказывает следующее: нашел Мужик запачканный золотой Червонец и решил, что если наведет на него блеск, то Червонец непременно поднимется в цене. И вот, приступив к делу, Мужик стал тереть Червонец о кирпич. Плоды его усердия Крылов описал так:

> И подлинно, как жар Червонец заиграл:
> Да только стало
> В нем весу мало,
> И цену прежнюю Червонец потерял.

Адресуя мораль этой басни «просветителям», Крылов предупреждал их, что народ надо просвещать умеючи, что, снимая с людей «грубости кору», необходимо заботиться о том, чтобы не повредить вместе с нею их «добрых свойств»; «не ослабить дух их, не испортить нравы, не разлучить их с простотой» — словом, не проделать с ним того, что проделал Мужик с золотым Червонцем.

Думаем, что это мудрое назидание Крылова не нуждается ни в комментариях, ни в дополнениях. Оно предполагает только одно — чтобы о нем помнили.

БАСНИ И. А. КРЫЛОВА. Офорты М. Алексеева и Н. Строгановой.

«СЛОН И МОСЬКА».

«ЛИСА-СТРОИТЕЛЬ».

«ВОЛК И ЖУРАВЛЬ».

«ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО».

«ДВЕ СОБАКИ».

«СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Домой я ехал на такси. Мне все время казалось, что я опаздываю. Было около десяти часов, а в час мне предстояло принять участие в завтраке с Ч. Д. и его уполномоченным на Западном побережье. Но сначала нужно повидаться с Элин. Ч. Д., несомненно, начнет допытываться, как прошел наш разговор. Однако пока я не повидаюсь с Полем и Анжеликой, мой замысел создать для нее алиби да и мое собственное спасение останутся под вопросом.

Открывая дверь в квартиру, я услышал голос Элин: она с кем-то разговаривала в гостиной. Вначале я подумал, что с Ринки, но сообразил, что Элин должна была отправить его в детский сад по меньшей мере час назад. Я вошел в гостиную. На ручке кресла сидел лейтенант Трэнт.

От неожиданности меня едва не хватил удар. При моем появлении Элин поспешно поднялась со стула. Она всегда считала, что в присутствии хозяев ей не следует и носа показывать из детской, а тем более появляться в гостиной. Эта внешняя почтительность должна была бы успокоить меня. Однако я сразу почуял, что в разговоре между ними руководящую роль играет лейтенант Трэнт. Он тоже встал и улыбнулся мне с той же почтительностью и скромностью, что и в квартире Ч. Д., но сейчас он вовсе не показался мне таким юным и вовсе не таким простоватым, как недавно.

— Алло, мистер Гардинг! Я только что разговаривал с мисс Ходжкинс. Не люблю откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.— Он повернулся к Элин, которая стояла, уставившись в пол и всем своим видом давая понять, что она всего лишь няня и прекрасно знает свое место.— Ну что ж, мисс Ходжкинс, в общем, все это выглядит вполне правдоподобно. Пожалуй, я больше не стану занимать ваше время.

Элин вышла. Я ни минуты не сомневался, что она выполнила указания Ч. Д., и все же присутствие лейтенанта Трэнта вызвало у меня ощущение неловкости. Я с нетерпением ждал, когда он уйдет и позволит мне закончить разговор с Элин, но Трэнт не торопился и даже вновь уселся на ручку кресла.

— Конечно,— заметил он,— времени прошло еще немного, но и мы топчемся пока на месте.

— Жаль,— отозвался я.

— Вся беда в том, что нам не удается найти никого, кто бы хорошо его знал. Брауны, единственные соседи Лэмба, почти ничего не могут о нем рассказать. Он совсем недавно приехал в Нью-Йорк, по-моему, из Калифорнии, и временно снял квартиру у матери миссис Браун.

Я был уверен, что полиция немедленно установит связь между Джейми и Анжеликой, но вспомнил, что говорила Анжелика во время нашей второй встречи. По ее словам, она ни разу не была на квартире у Джейми, он сам всегда приходил к ней. Поскольку единственными свидетелями Трэнта по делу Джейми оставалась пока чета Браунов, он мог вообще не «выйти» на Анжелику.

Трэнт внимательно рассматривал картину на стене.

— Нельзя, разумеется, вовсе исключать возможность того, что он стал жертвой случайного грабителя, но мы не нашли в квартире никаких следов, которые подтверждали бы, что кто-то силой проник в нее. Откровенно говоря, я несколько разочарован, никто из вас не сообщил мне ничего такого, что могло бы навести на нужный след... Так вы говорите, что плохо его знали?

— Да.

— Вы познакомились с ним здесь, в Нью-Йорке?

Вопрос был задан так же между прочим и так же вежливо, как и все предыдущие. Он даже не смотрел на меня, и я почти не сомневался, что ничего серьезного Трэнт не имеет в виду. Он действовал в соответствии с обычной полицейской процедурой и собирал для проформы обычные в таких случаях сведения. И все же, хотя я теперь не так беспокоился об Анжелике, поведение Трэнта все более настораживало меня.

Пытаясь разговаривать и держаться так же непринужденно, как Трэнт, я ответил:

— Да, мы познакомились в Нью-Йорке. Он был приятелем одного моего друга в Европе и принес мне на службу рукопись своего романа в надежде, что я помогу ему напечатать эту вещь. Здесь-то он и встретил Дэфни.

— Вы не смогли бы назвать имя вашего общего приятеля, мистер Гардинг?

— Чарльз Мэйтленд,— быстро ответил я,— но, к великому сожалению, я и представления не имею, где он сейчас.

— Понимаю.— На лице Трэнта опять появилась приветливая улыбка. Он поднялся и подошел поближе к картине.— Буффэ?

— Да,— не без удивления подтвердил я. Полицейский, который так разбирается в живописи!

— Ну, теперь мы хоть что-нибудь знаем,— продолжая рассматривать картину, заметил Трэнт.— Правда, не очень много. Вчера вечером, часов около шести, Брауны постучали Лэмбу и спросили, не хочет ли он пойти с ними на вечеринку. Он ответил, что у него назначено свидание. Таким образом, нам известно, что в тот вечер он кого-то ждал. Впрочем, не исключено, что ему просто не хотелось идти, и свидание — всего лишь предлог, чтобы отказаться.

Трэнт оторвался от картины Буффэ, подошел ко мне и сунул руку в карман своего пиджака.

— У Лэмба мы нашли вот эту единственную вещь, которая вряд ли могла принадлежать ему и показалась нам неуместной в квартире мужчины. Нет, нет, я и не думаю, что вы смогли бы опознать ее.

Трэнт разжал пальцы, и я увидел кольцо моей матери с камнем в виде дельфина. То самое кольцо, что я подарил Анжелике накануне нашей свадьбы.

Теперь я определенно боялся Трэнта, хотя ни его голос, ни его взгляд, вполне дружественный, не давали для этого никакого повода. Однако я все больше проникался убеждением, что с самого начала он не верит ни единому нашему слову. При виде кольца моя тревога усилилась.

— Это женское кольцо,— сказал я.

— Да... Скорее всего сувенир, и принадлежал он, если судить по форме и фасону, его бабушке.

Трэнт снова положил кольцо в карман. Двигаясь легко и бесшумно, он подошел к стулу и взял тот самый желтый конверт, с которым приходил к Ч. Д. Открыв его, он осторожно вынул какую-то вещь, завернутую в носовой платок.

— Ну вот, у нас есть хоть это.— Он аккуратно, двумя пальцами, взялся за уголок платка.— Я и сам не знаю, почему соблюдаю такую осторожность. По данным экспертизы, никаких отпечатков пальцев не сохранилось. Но, повторяю, у нас есть хоть эта вещь, она лежала рядом с ним. Найти ее владельца, надеюсь, не составит трудностей, а уж тогда мы легко выйдем на след.

Трэнт отбросил в сторону кончик платка, и я увидел автоматический «кольт» сорок пятого калибра старого армейского образца. Я узнал его сразу, хотя за последние три недели ни разу о нем не вспоминал. Тот самый пистолет, который я видел у Анжелики.

Голос Трэнта теперь казался мне каким-то ненастоящим, как на ленте, которую прокручивают в обратном направлении, да еще на испорченном магнитофоне.

— Вещь старая, ее можно было приобрести разве что в ломбарде. Ну да мы это точно установим, хотя придется потратить некоторое время.— Он улыбнулся.— Не исключено, конечно, что нас и тут ожидает тупик. Выяснится, например, что пистолет купил сам Лэмб.

Он снова осторожно завернул пистолет в платок и вложил в конверт.

— Мистер Гардинг, я все время хотел спросить вас об одной вещи.

Я взглянул на Трэнта, мысленно спрашивая себя, удается ли мне отчасти контролировать выражение своего лица. Он снова улыбался, и его улыбка была чуть ли не застенчивой.

— Скажите, пожалуйста, вы случайно не тот ли Уильям Гардинг, который написал «Полуденный зной»?

Из всех возможных вопросов меньше всего на свете я ожидал этого.

— Собственно, это в самом деле я.

— Ради бога, извините за неумеренный восторг. Я знаю, как непереносимы докучливые поклонники, но я прочел вашу книгу три раза. По-моему, это один из наших лучших романов о войне.— Он постучал пальцем по конверту с пистолетом.— Ну что ж, мы оба с вами занятые люди. Мне нужно бежать.

Он пошел к двери.

— До свидания, мистер Гардинг.

— До свидания, лейтенант.

Дверь за ним закрылась, но мне казалось, что он не уходил, что он все еще дружески смотрит мне в глаза и что я по-прежнему слышу его дружеский голос, в котором нет и тени подозрительности. Кольцо Анжелики оказалось в квартире Джейми, убитого из револьвера Анжелики... Мне вновь стало не по себе, но я поборол нарастающий страх. Для каждого из этих фактов можно было, очевидно, найти множество объяснений, и любое из них доказывало бы невиновность Анжелики. Судя по установленному врачом времени смерти Джейми, она не имела никакого отношения к убийству. И тем не менее Трэнт, несомненно, докопается, что пистолет принадлежит ей. Нет, неприятностей мне все-таки не избежать.

Однако у меня не было времени предаваться мрачным мыслям. Я заставил себя не думать о Трэнте и отправился искать Элин. Она оказалась в детской; этого и следовало ожидать, учитывая ее чопорность и постоянные утверждения, что она знает «свое место». По ее градации, кухарка и кухня, например, стояли «ниже» ее, в то время как Бетси, я и гостиная — «выше».

Она снова занималась вязанием, склонившись над каким-то розовым шерстяным мешочком, натянутым на кольцевые спицы. Может, это была детская юбочка? Я ожидал, что Элин, как и утром, наградит меня ледяным, осуждающим взглядом. К моему изумлению, она посмотрела на меня заговорщически и почти кокетливо. Вот что сделала с ней взятка Ч. Д.! Я уже не был в ее глазах «этим отвратительным, безалаберным Гардингом», я был зятем самого мистера Кэллингхема — такого славного, такого доброго...

— Все прошло хорошо, Элин?

— Конечно, сэр. Я отвечала именно так, как и велел мистер Кэллингхем.

— И Трэнт поверил?

— Не сомневаюсь, сэр.

Видя Элин такой услужливой, я решился на откровенность.

— Мистер Кэллингхем очень вам признателен. Вы понимаете, мисс Дэфни довольно часто встречалась с этим молодым человеком, а вчера провела весь вечер совершенно одна. Мистер Кэллингхем решил, что для всех нас будет лучше, если мы последуем его совету.

Элин энергично закивала.

— Разумеется, сэр. Я все прекрасно понимаю, сэр. Убит этот красивый мистер Лэмб, не так ли?

— Да, кстати, мистер Кэллингхем просил передать, что увидит вас в начале будущей недели и окончательно договорится о приезде вашей племянницы.

Я тут же сам испугался этого откровенного намека на взятку, но, оказывается, не учел, насколько продажна эта особа. Элин отложила вязанье и всплеснула руками, изобразив на своем лице почти благоговейную почтительность.

— Ах, мистер Гардинг, если бы вы только знали, как это будет чудесно для моей сестры и бедной маленькой Глэдис... Вы знаете, мистер

Патрик КВЕНТИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—5.

Кэллингхем прямо-таки святой. Настоящий святой!

В своем новом качестве Элин показалась мне настолько безвредной, что я без особых опасений перешел на скользкую почву.

— Да, вот еще что, Элин. Относительно другого... Коль скоро мистер Кэллингхем нашел нужным представить дело так, будто вчерашнюю ночь мы с Дэфни провели здесь... я полагаю... да и вы, надеюсь, тоже... В общем, я полагаю, что будет более правильным, если мы оба забудем о...

— О да, о да, сэр! Безусловно, сэр! — На лице Элин появилась широкая улыбка, обнажившая ее розовые десны. Никогда еще я не видел ее в таком шаловливом настроении, и это зрелище весьма меня встревожило.— Кто из нас не грешен, правда?

— Ну, конечно.

— Да и к чему расстраивать миссис Гардинг, правда? Она всегда так добра и заботлива!

Я внезапно подумал о предстоящем приезде Бетси и ощутил прилив глубокой радости.

— Вот, вот,— подтвердил я.— Она так добра и заботлива.

Элин все еще показывала мне розовые десны, но теперь в ее поблескивающих глазах, ставших совсем крохотными, явственно читалось сознание своего превосходства.

— Я уверена, сэр, что вы полюбите маленькую Глэдис. Она миленькая и тихонькая, как мышка. И вы и миссис Гардинг вряд ли вообще заметите ее, когда она появится в доме после больницы, так что она сможет подольше пожить со мной. Она скрасит мое одиночество и станет хорошей подружкой для маленького Рикки.

Мне следовало бы понять, что Элин, вкусив сладость взятки, будет с нетерпением ожидать следующего вспрыскивания. И только сейчас, после того как она объявила цену на самое себя столь же откровенно, как продемонстрировала свои десны, я сообразил, что дело могло кончиться гораздо хуже. Маленькая Глэдис пока находилась в далеком и потому вполне приемлемом будущем и представляла довольно легкое бремя, которое мне предстояло нести в обмен на молчание, означавшее для меня так много. Я натянуто улыбнулся Элин, скрепляя нашу сделку.

— Разумеется. Ваша маленькая Глэдис может жить у нас, сколько ей понравится.

Элин снова защелкала спицами.

— Вы переговорите об этом с миссис Гардинг после ее возвращения, сэр?

— Безусловно.

— Наша маленькая Глэдис такая миленькая и всегда так заботится о других! Мы все называем ее ангелочком и...

Теперь мне уже не приходилось возражать против того, что меня шантажируют, но я не мог тратить время на выслушивание побасенок об ангелочке Глэдис. Все с той же вымученной улыбкой я придумал соответствующий предлог и поспешил уйти. Из гостиной я позвонил Полю Фаулеру в канцелярию фонда и спросил, смогу ли заехать к нему.

— Конечно,— ответил он.— Да привези чек покрупнее. Фонду по обеспечению Сандры Фаулер мехами, драгоценностями и автомобилями требуются деньги, деньги, деньги...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Было уже четверть двенадцатого. Канцелярия фонда находилась на углу Тридцатой улицы и Лексингтон-авеню. Такси, в котором я ехал, с трудом пробиралось в потоке машин, заполнявшем улицы в эти часы. Мы двигались с черепашьей скоростью, и хотя медленная езда действовала на нервы, она в то же время позволяла снова и снова продумать план спасения Анжелики. Я уже понял, какого опасного противника имею в лице Трэнта, но не находил в своем плане уязвимых мест. Поль и Проп не поддерживали никакой связи с Джейми. Трэнт не будет знать об их существовании, пока мы не представим их в качестве свидетелей алиби Анжелики, предварительно отрепетировав во всех деталях придуманный мною вечер.

Мне все больше начинало казаться, что нет ничего страшного в этом новом для меня состоянии, когда приходится лгать, изворачиваться, хитрить. Требовалось только одно — использовать в личной жизни ту же стратегию и тактику, которую использовала фирма Кэллингхема в своих делах. Я настойчиво внушал себе, что беспокоиться не о чем, постарался забыть о весьма неприглядных обстоятельствах моего неожиданного повышения по службе и позволял себе помнить лишь о приятной стороне события. На пост вице-президента был назначен я, а не Дэйв Мэннерс. Что бы этому ни предшествовало, факт остается фактом.

Поль оказался в своем кабинете. Положив ноги на письменный стол, он разговаривал по телефону и казался воплощением любезности.

— ...Конечно, миссис Мэллет... Безусловно, миссис Мэллет... Вся сумма вычитается из сумм, подлежащих обложению налогом, и если вы хоть чуточку в этом сомневаетесь, пожалуйста, проконсультируйтесь со своим налоговым инспектором...

Он приветливо мне улыбнулся, но, продолжая говорить в трубку, принялся строить самые страшные гримасы, ухитряясь в то же время жевать резинку. Я еще никогда не встречал таких голубых и таких умных глаз, как у Поля. Эти глаза все видели и все замечали — смешное и печальное. Едва взглянув на Поля, на его измятый дорогой костюм, съехавший набок галстук стоимостью не менее десяти долларов, на чудесные кашемировые носки, небрежно спущенные на ботинки, я сразу почувствовал себя спокойнее.

— ...Тысяча долларов, миссис Мэллет?.. Да вы просто золотце, миссис Мэллет! Фонд Бетси Кэллингхем по борьбе с лейкемией приветствует вас и награждает «Алым знаком доблести»... Да, миссис Мэллет, у меня веселое настроение, я буквально парю на крыльях, как и все те, кто в сей грешной жизни трудится на благо других... До свидания, дорогая миссис Мэллет!

Он швырнул трубку на рычаг, сделал комически-яростную гримасу, потом надулся и уставился на меня, изображая Ч. Д.

— Мистер Гардинг, мой мальчик, ты, конечно, слышал, что Американская медицинская ассоциация в конце концов все же нашла причину не только лейкемии, но и всех прочих болезней. Причиной всех — повторяю, всех! — болезней является страшный вирус кэллингхемии, проникающий в организм через поры кожи на кончиках пальцев, стоит лишь прикоснуться к любому из журналов, издаваемых фирмой Кэллингхема. Во имя науки, мистер Гардинг, во имя наших будущих поколений мы обязаны трудиться не покладая рук, день и ночь, до тех пор, пока все эти гнусные источники бедствий человечества... Приветик!

Поль ничего не знал об убийстве Джейми. Как только я начал рассказывать, он снял ноги со стола, выпрямился и уставился на меня неподвижным взглядом. Потом я перешел к своему приключению с Анжеликой и, к собственному удивлению, обнаружил, что не только не испытываю никакой неловкости, но скорее даже облегчение. Я как бы смотрел на себя глазами Поля и видел, что в моем рассказе нет ни пошлости, ни глупости, что звучит он, как один из тех несколько пикантных анекдотов, с помощью которых приобретается известная популярность на приемах и вечеринках. Вскоре Поль начал ухмыляться, а когда я стал описывать, как Элин застала меня и Анжелику в объятиях друг друга, он громко рассмеялся. И уж совсем гомерический хохот вызвали у него мои слова о том, в какое щекотливое положение поставило меня алиби, придуманное Ч. Д. для Дэфни. Однако в смехе Поля не было ничего злорадного. Со своим живым умом он мгновенно оценил создавшуюся обстановку и выразил искреннюю озабоченность о ее возможных последствиях. Прежде всего он подумал о Бетси; ее, сказал он, обязательно нужно оградить от неприятностей. Не забыл он и об Анжелике.

— Бедняжка! А какая красавица! Самая красивая женщина, какую я когда-либо видел. Биль, ты просто прелесть! Ухитрился так все запутать, что сам черт ногу сломит. Что же нам теперь делать?

Я изложил Полю свой план, в котором главная роль отводилась ему и его жене: именно они должны были доказать алиби Анжелики. Поль охотно согласился, но все же в его глазах промелькнуло сомнение.

— Подожди! А как же с Проп? Она глупа как пробка! По-твоему, она сможет понять, что от нее требуется?

— По-моему, да.

— Дай бог. Вообще-то, пока этот фараон доберется до нас, она все равно забудет, как провела вчерашний вечер. Ну, а если он начнет о чем-то подозревать, залепим ей рот клейкой тесьмой и сообщим твоему лейтенанту, что Проп страдает неизлечимым бантерюпсихозом.— Он перегнулся через стол и пошлепал меня по руке.— Все обойдется, мой мальчик! Можешь не беспокоиться. Бывшая миссис Гардинг весь вечер провела с нами. Были только мы и она, и ни единая душа нас не потревожила. Во всех христианских царствах и государствах ты не найдешь более щедрых дарителей алиби.— Он помолчал, потом спросил: — Да, кстати, а где сейчас Анжелика?

Невероятно, но факт: этот вопрос не приходил мне в голову. Я порекомендовал ей отправиться в «Уилтон-отель» и считал, что она последовала моему совету. Но... Меня снова охватила тревога.

— По-моему, в «Уилтоне».

— По-твоему! Позвони туда и узнай точно.— Он показал на телефон.— Скажи ей, пусть сей-

час же приезжает сюда. Хочешь верь, хочешь нет, но Проп собирается сегодня днем отправиться по магазинам и заняться своим любимым делом — пускать денежки по ветру. Она вот-вот нагрянет сюда. Сначала я должен сводить ее на ленч в какой-нибудь фешенебельный ресторан, а потом она отправится растранжиривать наш семейный капиталец и привезет домой целую кучу черного ажурного белья. Мы позавтракаем вчетвером, проинструктируем Анжелику, и все будет в порядке.

— Но я-то не смогу с вами позавтракать. Мне надо поспеть на ленч с Ч. Д. и одной очень важной персоной.— Я взглянул на часы, показывавшие половину первого, и почувствовал, что мое беспокойство усиливается.— Вы можете позавтракать с Анжеликой без меня и обо всем договориться, а потом, когда я вернусь...

Я уже протянул руку к телефону, но в эту минуту раздался звонок. Поль снял трубку, и на лице у него появилась та же комически-яростная гримаса.

— У телефона Поль Фаулер... О любимая! Ты где? Где, где?.. Подожди, крошка, но ты... Что?!

Гримаса сползла с лица Поля.

— Ты так и сказала, крошка? Боже милосердный! Но неважно... Нет, нет, забудь об этом! Лучше приезжай сюда! Да, дорогая, ты же знаешь, я тебя очень, очень люблю!..

Поль положил трубку и посмотрел на меня. Мне показалось, что он как-то сразу осунулся, хотя и пытался улыбнуться.

— Не получится,— сказал он.— Придется придумывать что-то другое.

— Не получится?

— Этот твой фараон не теряет времени. Очевидно, Дэфни успела проболтаться ему о нас. Он уже встретился с Проп и только сейчас оставил ее в покое. Его интересовало, помимо всего прочего, что мы делали вчера вечером. Она, разумеется, ответила, что мы сидели дома и что к нам никто не приходил.

Мне вдруг показалось, что лейтенант Трэнт, невозмутимый и почтительный, стоит рядом со мной и с отсутствующим видом смотрит куда-то в сторону. Потом я вспомнил, что Дэфни действительно упомянула Фаулеров, хотя и между прочим, без всякого повода. Она сказала, что мы с Бетси устраивали обед в честь Джейми и что Бетси и Фаулеры просто носились с ним. Вот и все. Но лейтенант Трэнт запомнил ее слова, быстро разыскал Фаулеров и с прямо-таки сатанинской интуицией направился от меня к Проп.

Теперь Фаулеры выпадали из игры. Анжелика оставалась один на один с противником и ставила нас всех в очень опасное положение.

Начиная все больше бояться Трэнта, я в то же время почувствовал, что ко мне возвращается прежнее возмущение Анжеликой. Во всем была виновата она.

Поль не сводил с меня широко раскрытых глаз.

— Так что же, Биль, что мы теперь будем делать?

— Ума не приложу.

— Попробуем хотя бы позвонить Анжелике.— Он перелистал телефонный справочник, нашел нужный номер и набрал его.— Гостиница «Уилтон»? Попросите к телефону миссис Анжелику Гардинг.

Я стоял и, все еще не собравшись с мыслями, посматривал на Поля, мучительно размышляя, что предпринять дальше, если Анжелики в отеле не окажется и след ее затерялся.

— Среди ваших жильцов нет никакой миссис Гардинг?

У меня перехватило дыхание.

— Одну минуту.— Он повернулся ко мне.— Как ее девичья фамилия?

Вот о чем я не подумал!

— Робертс.

— Ну, а как с Анжеликой Робертс? — снова заговорил Поль в трубку. На его лице отразилось облегчение.— Да? Чудесно! — Он широко улыбнулся мне.— Анжелика? Одну минуту.

Я взял протянутую Полем трубку, испытывая сильное желание как следует отчитать Анжелику за то, что она заставила меня пережить несколько минут страха.

— Анжелика?

— Да, Биль?

— Ты знаешь что-нибудь о Джейми?

— А что я должна знать?

— Разве ты не читала газет?

— Газет? Нет. Я все утро не выходила из комнаты.

— Джейми мертв. Вчера ночью он найден убитым в своей квартире.

Анжелика вскрикнула. Она долго молчала, потом тихо, так, что я едва расслышал, проговорила:

— Нет, нет! Не может быть!

— Может.

— Кто это сделал? Кто его убил?

— Это меньше всего должно нас беспокоить.

— Биль, ты где сейчас? Могу я приехать к тебе?

— Нет. Тесть пригласил меня на ленч. Ты должна оставаться в своей гостинице.

— Хорошо.

— Что бы ни случилось, никуда не выходи. Я приеду к тебе, как только освобожусь.

— Буду ждать.

— Если приедет полицейский, лейтенант Трэнт, ради бога, постарайся избежать встречи с ним.

— Полицейский? Ах да, разумеется.

— Не выходи из гостиницы и ни с кем не разговаривай, пока мы не повидаемся.

Я бросил трубку и повернулся к Полю.

— Мне нужно ехать к Ч. Д.

— Конечно, Биль. Тебе нужна моя помощь?

— А что ты можешь теперь сделать?

— Ну, не знаю. Ты наверняка что-нибудь придумаешь.

— Я?!

— Да, да, ты! — Поль озабоченно и в то же время с участием смотрел на меня, и я подумал, что сейчас он единственный на всем свете человек, которому я могу полностью довериться.— Биль, не забывай об одном важном обстоятельстве. Эксплуататорша! Я-то знаю, ничего предосудительного между тобой и Анжеликой не произошло. Во всем Манхэттене не сыщешь ни одного существа мужского пола, за которым не водились бы грешки. Пусть тебя не терзает совесть. Но, пожалуйста, остерегайся Бетси. У женщин, особенно таких, как она, своя логика. Если она узнает о прошлой ночи, если Элин сообщит ей подробности, Бетси устроит грандиозный скандал. Она...— Поль умолк, но после краткой паузы продолжал: — Черт побери, почему я должен объяснять тебе, как на это посмотрит т в о я жена? — Он участливо положил свою руку на мою.— А впрочем, перестань беспокоиться, дружище. Перемелется — мука будет. Хороший маленький вице-президент! Беги скорее к своему милому тестю!

Поль проводил меня до лифта и, когда я уже вошел в кабину, крепко сжал мой локоть.

— Поддерживай со мной связь. Старая мама Фаулер с ее всеобъемлющей грудью всегда на месте.

В кабинет Ч. Д. я пришел несколько раньше назначенного времени, чуть опередив Бэлдона. Я передал Ч. Д. подробности своего разговора с Элин, и он, кажется, остался доволен. Мистер Бэлдон был исключительно важной персоной и по своей роли и значению стоял неизмеримо выше меня на служебной лестнице. Приглашение Ч. Д. позавтракать с ним и Бэлдоном должно было означать мои первые шаги в качестве преемника Лэмберта. Я понимал, что должен показать себя с самой лучшей стороны, и потому во время мучительно тянувшегося ленча миллион раз, но всегда кстати, одаривал «исключительно важную персону» очаровательной улыбкой и всегда кстати вставлял нужное словечко, не только показывая, что я «энергичный» и «хороший» парень, но и что мне не впервые проводить время в таком изысканном обществе. Судя по довольной физиономии Ч. Д., это мне полностью удалось, однако весь ленч был для меня сущей пыткой.

Мистер Бэлдон пил, как кинозвезда. Он проглотил четыре бокала коктейля до ленча, основательно заправился вином во время еды, а потом взялся за коньяк. Изображая светского человека и усиленно стараясь не пьянеть, я в то же время мучительно размышлял, как быть дальше с Анжеликой. Слабый проблеск надежды появился у меня, когда я вспомнил, что перед приходом ко мне она заходила в бар, намереваясь занять деньги у знакомого бармена. Если нам хоть немного повезет, кто-нибудь, возможно, вспомнит, что она действительно появлялась в баре. Это послужит доказательством того, что в полночь она находилась очень далеко от квартиры Джейми и никак не могла оказаться в ней к моменту убийства. Бармен... Он в тот вечер не работал. Но, может, он согласится засвидетельствовать, что Анжелика все время была у него на глазах? Но я тут же понял, что мой план создать для Анжелики подобное алиби не имеет под собой никакой почвы. Между тем мистер Бэлдон окончательно развеселился, виной чему был, несомненно, коньяк, и выразил желание «развлечься». К моему ужасу, Ч. Д. немедленно предложил ему посетить с моей помощью некоторые злачные места. Я уже с тоской представлял себе, как проведу остаток дня, сопровождая мистера Бэлдона из одного бара в другой, потом по ночным клубам, но, к счастью, в самую последнюю минуту «исключительно важная персона» объявила, что она изволила притомиться и потому решила отбыть на отдых в свою гостиницу.

Мне удалось отвязаться от них только в половине четвертого.

Я нанял такси и помчался в «Уилтон». Никакого плана у меня не было, я просто не знал, что предпринять, тем более что вино и утомление лишили меня способности рассуждать сколько-нибудь связно.

«Уилтон» представлял собой сравнительно недорогой, мрачный и вместе с тем достаточно респектабельный отель. В унылом большом вестибюле, обставленном в стиле модерн, что, однако, вопреки надеждам дирекции, не делало его более уютным, я подошел к дежурному администратору и сказал, что хочу повидаться с Анжеликой.

— Ваша фамилия, сэр?

— Гардинг.

— Пожалуйста, мистер Гардинг, вас ждут.

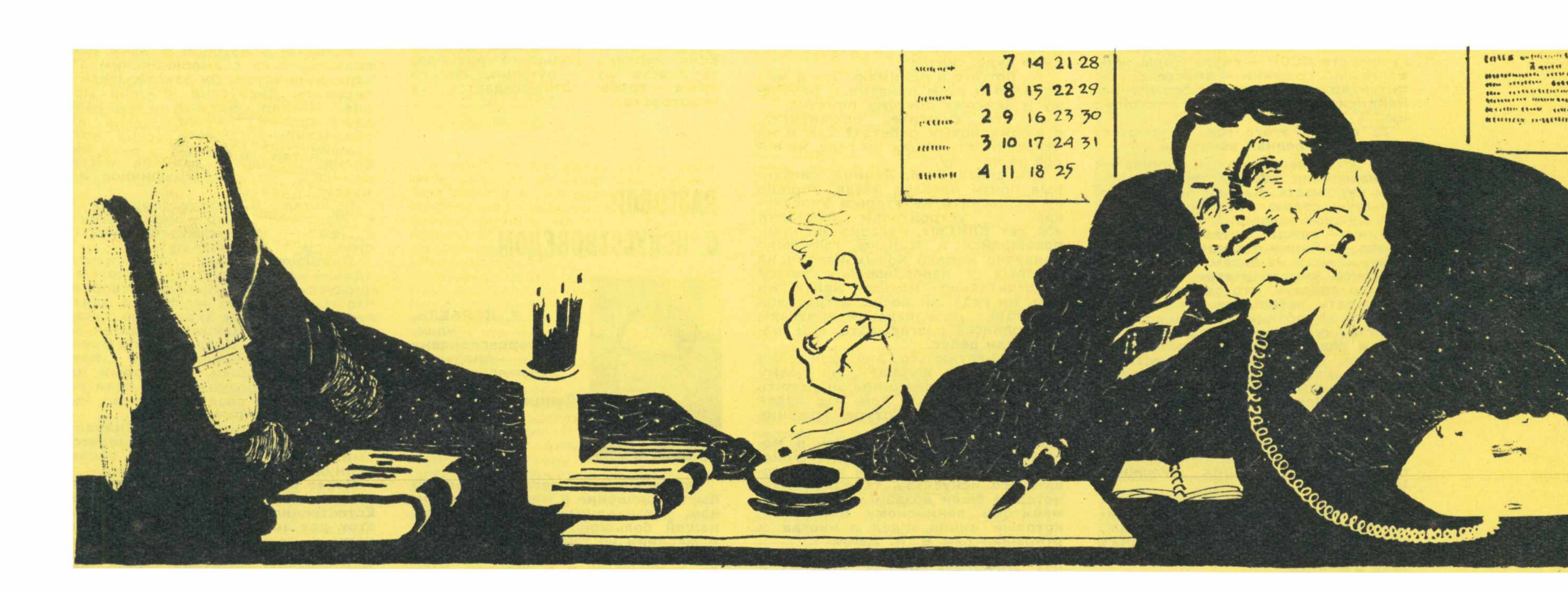
На нужный этаж меня доставил лифт, явно свидетельствовавший, что им пользуются преимущественно воспитанные старые дамы с отнюдь не воспитанными комнатными собачками. Внезапно нервы изменили мне, и я уже ни секунды не сомневался, что у двери номера Анжелики встречусь с лейтенантом Трэнтом.

Конечно, Трэнта не оказалось. Я нажал на кнопку звонка, и Анжелика открыла дверь.

— Полиция пока не появлялась,— сообщила она.

Перевел с английского
Ан. Горский.

Продолжение следует.

ИСКУССТВО ПРИН

Редакция «Огонька» пригласила живописцев, графиков, скульпторов и искусствоведов принять участие в разговоре о том, как с помощью изобразительного искусства отметить 100-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина на страницах журнала.

Хотелось вместе подумать и о пропаганде искусства в «Огоньке», узнать, над чем сейчас работают мастера изобразительного искусства, что сегодня их радует и огорчает.

Разговор состоялся. Мы публикуем в сокращенном изложении выступления участников совещания.

ЮБИЛЕЮ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Я. Д. РОМАС, народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР

Приближается великая дата — 100-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Как же готовятся к ней в Академии художеств СССР? В первую очередь хочется сказать о нашей «тяжелой артиллерии» — о творчестве скульпторов. Восемь лет работала группа скульпторов над проектом памятника Ленину в Москве на Ленинском проспекте. Сейчас художники закончили работу над проектом. Это необыкновенное сооружение высотой вместе с постаментом из гранита в 170 метров.

Трудятся скульпторы над проектами памятников Ленину и в других городах. Л. Кербель — в Ленинграде, Е. Вучетич — в Волгограде. Недавно был принят памятник Ленину в Берлине работы Томского. Кербель проектирует памятник для Софии.

К 100-летию со дня рождения Ленина наши художники вместе с художниками ГДР готовят выставку.

Большой коллектив Академии художеств СССР — скульпторы, живописцы, графики — вместе с архитекторами создает оформление Ленинского проспекта столицы.

22 апреля этого года откроется девятая очередная выставка.

К этой выставке заканчивают произведения все мастера Академии художеств. Касиян представит большую серию графических работ. Ефанов завершил композицию «Ленин — вождь Октября», Орешников — «Ленин в предоктябрьские дни», «Ленин на экзамене в Петербургском университете».

Надо сказать, что сейчас можно наблюдать небывалое движение в области композиционной живописи. Многие художники обращаются к темам революционным, гражданственным. Трудно будет разместиться всем работам даже в наших самых больших выставочных помещениях. Одна из задач журнала, как мне кажется, наряду с публикацией классического наследия, как можно более широко отразить на своих страницах сегодняшний горячий день наших художников.

Для этого я предлагаю совершить рейд по мастерским художников и повести оттуда репортаж, опубликовать на цветных вкладках журнала новые произведения наших мастеров.

ДОРОГОЙ ГОСТЬ

В. В. ШЛЕЕВ, кандидат исторических наук

Хорошо известно, что в феврале 1921 года В. И. Ленин вместе с Н. К. Крупской, посетив общежитие ВХУТЕМАСа, вел там беседы со студентами — будущими молодыми художниками. Речь шла о путях развития советского искусства, а эта тема не утратила значения и поныне.

И вот в старых номерах «Огонька» можно найти материалы, освещающие некоторые, до сих пор малоизвестные моменты из этой встречи. Всего через три года после посещения В. И. Лениным общежития ВХУТЕМАСа, когда происходившие события были еще относительно свежи в памяти у участников беседы с Лениным, в марте 1924 года в «Огоньке» (№ 10) был напечатан, сопровожденный примечательной фотографией, очерк М. Тарловского «Дорогой гость».

В этом очерке рассказывается и о том, как Владимир Ильич после споров о футуризме, обратив внимание на работу одного из студентов, выполненную в реалистическом духе, сказал:

— Вот это я понимаю. Это и мне понятно и всем понятно и рабочему и всякому другому понятно.

А что, скажите, пожалуйста, в ваших новых работах? Там я на человеческих лицах ни глаз, ни носов не нахожу.

Эти слова В. И. Ленина, сказанные почти полвека назад, хорошо бы вспомнить некоторым участникам и устроителям выставки «50 лет ВЛКСМ», недавно экспонировавшейся в Манеже, где было показано немало новых картин, на которых у изображенных людей действительно нельзя найти ни лиц, ни глаз, ни носов, а содержание таких произведений зрителям приходилось разгадывать, как шараду или ребус.

К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина журналу, по моему мнению, надо еще шире знакомить своих читателей с тем, что видел в живописи, скульптуре, графике В. И. Ленин.

Следует широко осветить и монументальную пропаганду, показать эти первые ростки нового советского искусства, те памятники, которые были воздвигнуты по знаменитому ленинскому плану, те, которые лично видел, а иногда и открывал сам В. И. Ленин.

Думается также, что на страницах «Огонька» вполне уместна и полемика. В этом плане хотелось бы отметить своевременность помещения статьи А. К. Лебедева о журнале «Творчество», справедливо обращающей внимание на существенные недостатки специального журнала по изобразительному искусству.

СХЕМА И ЖИЗНЬ

Д. А. НАЛБАНДЯН, народный художник Армянской ССР, действительный член Академии художеств СССР

Мы, советские художники, знаем: социалистический реализм — вот путь нашего искусства, это завещал нам Ленин.

В мире происходит острая борьба. За рубежом есть люди, которые против того, чтобы утверждался социалистический реализм. Мы должны давать этой позиции отпор по-настоящему в своих произведениях. К сожалению, чуждая нам идеология проникает и в нашу страну. В последние пятьшесть лет у нас в некоторых журналах печатаются статьи, которые далеки от нашего мировоззрения. На наших больших выставках появляются картины, которые искажают образ советского человека, делают его примитивным. Даже на выставке «50 лет ВЛКСМ» многие представленные картины были написаны схематично, образ человека искажался. И находились критики, которые восхваляли эти картины как новаторство.

Что же такое новаторство? Новаторство — это прежде всего то, что несет в себе колоссальное мастерство. Мы должны брать от старых мастеров, от эпохи Возрождения все самое лучшее. Если у нас будет мастерство, будет теоретическая подготовка, то мы сумеем хорошо изображать нашего современника. Люди сейчас летают в космос. Великие дела совершаются на наших глазах. Мы должны это отражать в искусстве. Те работы скульптора, живописца, монументалиста, где есть мастерство, есть правда, привлекают советских людей. Народ не обманешь.

В последнее время у нас появляются большие, громадные полотна, плохо нарисованные, разукрашенные одним локальным цветом. Если картина большого размера, то вместо рук — ручищи, вместо брюк — трубы. Это выдается за новаторство.

РАЗГОВОР С ИСКУССТВОВЕДОМ

Л. Е. КЕРБЕЛЬ, член-корреспондент Академии художеств СССР, лауреат Ленинской премии

Особенно внимательным должно быть отношение к новым памятникам, устанавливаемым в городах нашей большой страны. Ставятся памятники не так уж часто. Прежде чем быть ему отлитым в бронзе, воплощенным в граните, каждый памятник множество раз обсуждают на художественных советах. Потому что стоять ему века. И, конечно, лучшие из этих новых памятников должны появляться на страницах «Огонька». И не в виде небольшой, формата с почтовую марку фотографии, а как художественная репродукция, выполненная лучшими мастерами своего дела.

Вчера я был очень возмущен одним обстоятельством. На днях я сопровождал немецкую делегацию в Ленинград. В поездке наш советский гражданин разговорился с немцами. Вспомнили Волгоград, и наш попутчик восторженно рассказывал о сталинградских памятниках. Немцы сожалели, что не смогут их посмотреть. Вдруг в разговор вмешивается другой гражданин, который едет на курсы искусствоведов в Москву. Разговорились, он узнал, что я скульптор, попросил у меня адрес. Вчера вечером пришел ко мне, напичканный лекцией, прослушанной в Третьяковской галерее,— читал ее некий Галкин. В своей лекции он обливал грязью все лучшее, что было создано нами за 50 лет, в том числе сталинградские памятники, обливал грязью многих лучших художников, и все это со своей субъективной точки зрения, выдавая за лучшие абсолютно непонятные произведения на случайных выставках. Вот так, не думая о правде, не вникая в суть развития советского искусства, Галкин читал лекцию искусствоведам, которые затем разъедутся по Российской Федерации и будут передавать другим эту чуждую нам точку зрения на искусство.

«Огонек» должен продолжать на своих страницах рассказывать массовому читателю об истинном положении в нашем искусстве.

СЕАНС АБСТРАКЦИИ

М. Ф. ВОЛОДИН, художник

Когда проходил в Москве молодежный фестиваль, в парке культуры и отдыха имени Горького была создана студия, где работали около четырехсот художников из разных стран.

Встреча, о которой я хочу рассказать, была с американским абстракционистом. Он захотел дискутировать. Дискуссия шла четыре дня. Мистер Колман, так звали этого художника, говорил, что все реалистическое искусство фотографично. Мы спросили: «А Рембрандт и другие великие мастера — это тоже фотографичное искусство?»

Он почесал бороду, подумал и твердо сказал: «Это — нет». Значит, существует реалистическое искусство, имеющее свой путь?

Пришлось ему согласиться. «Да»,— кивнул он и продолжал дискуссию. М-р Колман говорил, что мы сидим за железным занавесом, что мы не знаем, что такое настоящая абстракция, и захотел ее показать нам. Попросил приготовить холст размером 1,5 на 2 метра. Краски, банки, в которых их разводить. Предупредил: палитра не нужна. На следующее утро мы ему все приготовили.

Абстракционист взял сначала очень красивый кобальт фиолетовый, потом развел кадмий, потом черную краску, затем белила...

Через сорок минут произведение было готово. Началось обсуждение. Естественно, что художники — на этот раз зрители — устремились к нему с вопросами: что он хотел передать? Какие чувства? М-р Колман ответил: «Никаких, кроме чув-

АДЛЕЖИТ НАРОДУ

ства художника, работающего у холста».

— А что дает право тому, что вы создали, называться искусством?

— Вопрос интересный, сложный. Но вообще-то мне наплевать: искусство это или не искусство...

Я рассказал этот случай, потому что я за полемику. И если полемика будет открытой, честной, то реализм всегда будет побеждать.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ХУДОЖНИКА

Е. В. ВУЧЕТИЧ, Герой Социалистического Труда народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР

Активная работа журнала «Огонек» в деле популяризации советского изобразительного искусства приобретает особое значение в наши дни, в дни обострившейся идеологической борьбы. Мы широко открыли двери и окна нашего дома, мы за самый широкий культурный и технический обмен со всем миром, но мы ни на минуту не должны забывать, что, открывая доступ к нам явлениям, присущим буржуазному миру, мы должны неустанно противопоставлять этим явлениям то, что завоевано социалистическим обществом в трудной и долгой борьбе. Мы принимаем все, что может принести хорошего и доброго искусство Запада, но мы обязаны перед нашими наследниками, перед будущими поколениями беспощадно отвергать все то, что тлетворно, что делается на потребу моды, на потребу денежного мешка, что может разоружить человека перед сложнейшими катаклизмами современности.

В чем дело? Что случилось со многими нашими художниками? Откуда вдруг взялись робость и какая-то малообъяснимая стеснительность говорить во всеуслышание о том прекрасном, что достигнуто нами, о прекрасном советском человеке с его богатейшим внутренним миром?

Мы должны быть активными пропагандистами советского образа жизни, коммунистических идей, а не путаться в изломах душевного безобразия, которым, к сожалению, заболели многие наши художники.

Наш народ всегда жадно тянулся к искусству. Мы все помним огромные очереди у Манежа, где выставлялись работы советских художников. Милиция с трудом справлялась с регулировкой уличного движения и направлением потоков желающих посетить выставки. Но вот постепенно, год от года, падал интерес советского зрителя к нашим работам. Я пришел на выставку «50-летия ВЛКСМ». Пустые залы.

Что случилось? Почему зритель отвернулся от этих работ? Или страна оскудела талантами? Спору нет, на выставке мы видели и значительные и интересные произведения. Но это были, к сожалению, работы прошлых лет...

Наша художественная молодежь, правда, молодежь с седыми висками и с густыми, лопаткой, бородками, вдруг оказалась за бортом большого искусства. Они, видите ли, ищут! Я за поиск, поиск — святое дело, но весь вопрос, что и где искать. Искать ли выразительность формы, чтобы передать сложное содержание нашей эпохи, искать ли путей выражения образа современного человека, гуманиста, вскрывая его героические черты, или шарить по задворкам буржуазного упадничества. Есть русская пословица, которая гласит: если в тридцать лет не женат, а в сорок не богат,— грош тебе цена. Как и всякая пословица, она, конечно, несет в себе иносказательный смысл. В тридцать лет надо бы остепениться, найти себя, а в сорок лет надо отдавать и отдавать накопленные знания своему народу, конечно, если они есть. Наши творческие союзы погрязли в мелочах и в длительной спячке, они чураются обсуждения острых и больших творческих вопросов, как бы стесняются ставить их в повестку дня. Я и здесь напомнил бы старую поговорку: поп в гости, черти на погосте. Лишь на секунду мы ослабим свою непримиримость к чуждым веяниям, как они тут как тут!

Выставочные комитеты ослабили и снизили требовательность. Вопросы в них решаются келейно, без должной принципиальности, без должного критерия в оценке тех или иных работ, по-приятельски, по каким-то соображениям, ничего не имеющим общего с искусством. Состав выставкомов не пересматривался годами, нет там свежего ветра. В редколлегиях наших журналов, в выставочных комитетах, в различного рода комиссиях примелькались одни и те же лица, появилась плеяда номенклатурных художников, которые за беготней по совещаниям и заседаниям медленно, но страшно отходят от своей профессии, теряют свое мастерство.

Я думаю, уроки последних выставок не пройдут незамеченными, они вызвали беспокойство в художественной среде. Болезнь эта серьезная, но излечимая, если лечить ее совместными силами, и «молодым» и «старым», объединившись на платформе партийности в искусстве. Есть еще порох в пороховницах мастеров старшего поколения, есть талантливая молодежь, которая может и хочет работать. И стоит перед нами, перед советскими художниками, огромная задача, которая не может не сплотить и не объединить все лучшие художественные силы страны. Эта задача — достойно, с творческим горением встретить столетие со дня рождения Ленина, прийти к юбилейной ленинской выставке с произведениями, которые стали бы гордостью советской культуры. И это в наших силах!

ПРОПАГАНДИРОВАТЬ ИСКУССТВОМ

Б. Л. ДАННЕНГИРШ, заслуженный деятель искусств Латвийской ССР

Я приехал из Риги, чтобы принять участие в этом совещании. Мне хотелось поддержать статью А. Лебедева «Творчество ли?», опубликованную в «Огоньке» № 41 за прошлый год. В этой статье правильно подвергся критике журнал «Творчество».

Меня удивила реакция на статью А. Лебедева художников, которые подписали открытое письмо в газете «Советская культура». Именно это письмо заставляет меня здесь выступить.

Вот пример. О художнице Яблонской. Открытое письмо обвиняет А. Лебедева: нельзя «наклеивать ярлыки формализма...», «оно (творчество) заслуживает серьезного отношения и доказательного анализа, а не пренебрежительного окрика». Почему «о к р и к а»?! Суметь так звонко и убедительно обратиться к советскому народу картиной «Хлеб» — это редкому таланту дано! — и вдруг замкнуться в картине «Жизнь»?!.

Авторы открытого письма утверждают, что «тенденциозное противопоставление творческих индивидуальностей способствует не объединению, а разобщению творческих сил». Каким образом из статьи «Творчество ли?» авторам письма удалось вычитать «противопоставление творческих индивидуальностей» — это их секрет. Возникает вопрос авторам открытого письма: что они понимают под объединением и разобщением художественных сил? Что вообще цементирует советский народ, разнообразные слои советских людей? И можно ли художников ставить вне общих, объединяющих условий советского бытия? В критике А. Лебедева и даже намеком не отвергается многонациональная и многоиндивидуальная «языковая форма» советского изобразительного искусства. Его критика всецело нацелена на то несуразное, что можно создать на любом языке. От художественных произведений, выраженных на любом языке, необходимо требовать единой идейной направленности.

Мы часто говорим: пропагандировать искусство. А мне кажется, надо чаще нам говорить: пропагандировать искусством, то есть с помощью искусства показывать наши идеалы.

СООТВЕТСТВИЕ И ЕДИНСТВО

З. И. АЗГУР, народный художник БССР, действительный член Академии художеств СССР

Товарищи, я считаю себя очень старым подписчиком «Огонька», и вот почему. Я много журналов выписывал и выписываю, но каждый год от некоторых изданий я отказывался, на что были свои причины. Некоторые издания меня не удовлетворяли. Ведь наплыв информации огромный, и отбор ее должен быть правильным, по верной линии. И действующий принцип отбора публикуемого материала в «Огоньке» в целом кажется мне верным. Однако, к сожалению, иногда и здесь бывают картины, которые выглядят случайными.

Вот пример—картина Савицкого «Партизанская мадонна». О партизанах я всегда думаю, как о самых прекрасных людях. В Отечественной войне они защищали не только жизни своих близких, они защищали наше Отечество, нашу Родину. Война мне принесла тяжелейшее испытание: фашисты убили мою мать, закопали ее живой. Когда теперь на выставках я смотрю картины о партизанах, я требую от этих произведений полной правды. И если иные художники, изображая партизан, применяют «свободу творчества», это звучит для меня кощунственно. Иной раз говорят, что художник «так видит», что он использовал новый прием. А по-моему, здесь нет никакого нового приема, а лишь пренебрежительное отношение к памяти и подвигу людей, защищавших нашу Родину, нашу свободу. Кстати, относительно этого «нового приема». Древние греки, как известно, писали ямбом. Современные поэты нередко пишут тем же ямбом, но стихи их совершенно иные... Дело в том, что воспринимать новый мир, воспринимать его по-новому нужно сердцем, бьющимся в такт времени. И никому не дано, и никогда не будет дано право во имя чего бы то ни было разрушать в искусстве гармонию. И тут встает сам собой еще один вопрос. Если уж на страницах «Огонька» и будет публиковаться вот такая «спорная», как принято выражаться, работа, то необходимо помещать при ней обстоятельный комментарий.

«МАЛАЯ ТРЕТЬЯКОВКА»

А. И. ПЛОТНОВ, художник

Мне хочется рассказать на этом совещании о совершенно новой странице нашей художественной жизни, нашей культуры и обратить на это явление внимание редакции. В нескольких городах нашей страны открылись недавно новые картинные галереи.

Я расскажу только о Данкове — о старом русском городе, расположенном недалеко от Куликова поля. Два-три года назад, приехав в Данков, где учился когда-то в школе, я встретил своего учителя Василия Павловича Соседова. Неутомимый краевед, энтузиаст показал мне свое детище — городской краеведческий музей. Все хорошо, интересно, только картин нет.

— Да где же их достать, картины?! — сказал Василий Павлович.

И я подумал, что надо и можно помочь. Узнал, что Союз художников РСФСР уже организовал из своих фондов несколько музеев. Началась организационная работа. И в мае прошлого года в Данкове была торжественно открыта картинная галерея. Город и сам прихорошился, приоделся, как и полагается к празднику.

В общем, это действительно был настоящий праздник. Три тысячи человек за первые три дня осмотрели галерею. Приезжают и из районов земледельцы, животноводы. Есть просто первоклассные работы. «Малая Третьяковка» — так зовут жители Данкова свой музей.

Около ста произведений было в этом молодом музее в день открытия. Но он пополняется новыми работами.

Вот эту тему — великого интереса народа к изобразительному искусству — я предлагаю вниманию «Огонька».

ПОДДЕРЖИВАТЬ МОЛОДЫХ

Наталья СОКОЛОВА, член-корреспондент Академии художеств СССР

Сегодня в редакции «Огонька» развернулась дискуссия о некоторых произведениях изобразительного искусства. Я позволю себе самым активным образом поддержать превосходную картину Савицкого «Партизанская мадонна». И хорошо сделает журнал, если поместит цветную репродукцию с этой картины. Картина новаторская, исполненная поэзии, романтическая. Образ партизанки написан с любовью.

А разве можно забывать молодежь? Я даже считаю, что мы уж чересчур боимся молодых художников. Почему-то передвижники считали своим долгом поддерживать молодых, и самых молодых, в том числе тех, кто вовсе не был похож на них. Ведь не побоялся Крамской поддержать начинающего Репина, назвав самого себя в

отличие от младшего коллеги «тихоструйным». Не побоялся он поднять и совсем непохожего на него Васильева. Надо и нам бережнее, взыскательнее, но и заботливее относиться к молодым дарованиям.

Мне очень понравилось предложение устроить рейд по мастерским художников, работающих над образом Ленина. Необходимо провести такой же рейд по музеям Ленина, по музеям революции. Вы увидите, как слабо там показана даже знаменитая андреевская Лениниана, всего двумя-тремя отливками. А ведь Андреев работал при жизни Владимира Ильича, много делал с натуры. Драгоценные его рисунки покоятся в архивах, зритель музеев их не видит. Забыт и «Ленин в Загэсе» Шадра. Вы видите этот памятник две-три секунды, когда проноситесь мимо него на поезде Москва — Тбилиси. А к этому памятнику следовало бы водить экскурсии — ведь в нем отражена эпоха в жизни страны.

Редакции «Огонька», вероятно, было бы интересно ознакомиться с планами будущей юбилейной ленинской выставки. Желательно было бы включить в нее и произведения прогрессивных зарубежных художников. Шире, шире надо пропагандировать лучшие работы, посвященные образу В. И. Ленина!

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ХУДОЖНИКА

Б. В. ЩЕРБАКОВ, лауреат Государственной премии

Журнал «Огонек» из номера в номер активно пропагандирует советское изобразительное искусство и искусство прошлых эпох. Это большая работа по эстетическому воспитанию масс. В связи с этим необходимо с удовлетворением отметить улучшение качества репродукций. Этот постоянный разговор с миллионами, который ведет журнал, невольно заставляет поставить один из важнейших вопросов, стоящих перед нами: а как же мы, художники, отвечаем требованиям этих миллионных масс? Это вопрос о выполнении долга, он но может не волновать художника! Нам чуждо высокомерие снобов. Помогая средствами искусства формированию общественного сознания, мы не можем не прислушиваться к голосу тех, ради кого отдаем труд и вдохновение.

Никто не станет отрицать, что зритель наш вырос, стал требовательнее и глубже относиться к искусству. Поэтому я с особенным волнением отправился в Центральный выставочный зал, чтоб услышать «глас народный» об одной из крупнейших выставок минувшего года, о выставке «50 лет ВЛКСМ».

Отзывов оказалось немногим более 800. Я просмотрел около шестисот из них, и некоторые глубоко поразили меня искренней взволнованностью, озабоченностью судьбой нашего искусства.

Эти голоса зрителей звучат не умолкая, они преследуют меня. Я не могу уйти от тех вопросов, которые с такой беспощадной прямотой ставят они перед нами. Отзывы, как всегда, положительные и отрицательные. Одни отмечают лишь те работы, что понравились, другие высказывают общее впечатление.

И в этих последних все чаще звучат тревожные, грозные ноты, проходящие как лейтмотив сквозь целый ряд записей. Тревога, боль, сожаление, даже гнев!

Вот один из них за подписью Н. Козловой, № 735: «...Глаз отдыхает только на произведениях, давно знакомых и любимых. Что же это? Пошли на поводу у «заграницы»? Этак недалеко и до «поп-арта». Всегда ходим в Манеж на выставки, так же, как и во все другие выставочные залы, но, кажется, скоро придется расстаться с любимой привычкой. Уходим с чувством огорчения, возмущения, даже гнева! До чего же еще может докатиться наше искусство?»

Положительные отзывы относятся в основном к небольшому кругу художников, разных по характеру творчества, но, к сожалению, касаются вещей, давно написанных и ранее выставляемых. Среди них картины П. Кривоногова «Поединок» и «Штурм рейхстага», «Ленин на III съезде комсомола» Б. Иогансона с товарищами, С. Григорьева «Прием в комсомол», А. Дейнеки «Оборона Севастополя», Е. Кацмана портрет Золотовой, Ю. Пименова «Свадьба на завтрашней улице» и другие.

Среди положительных есть и такой за № 690: «Работа Попкова «Двое» лучшая на этой выставке! Браво, Никонов! Молодцы ребята, дерзайте, творите на страх всем врагам, недругам и завистникам! Долой реализм!!!»

Автор этого «боевого» призыва не хочет, чтоб мы знали его имя. Подпись — «Россиянин», но все же я благодарен ему, если не за смелость, то за искренность. Ее так не хватает некоторым нашим современным критикам, которые, по существу, ведут борьбу против реализма, прикрываясь фразами о «новой фазе», о «расширении границ» современного реализма и т. п.

Нам никуда не уйти от вопросов, которые ставит перед нами народ. На них надо отвечать!

А вопросы чрезвычайно острые и актуальные для современного состояния нашего искусства. Куда оно идет?! Действительно, творчество ли то, что нередко видим мы на наших выставках, на страницах наших профессиональных журналов?

Думается, что журнал «Огонек» поступает очень правильно, печатая статьи критического и даже дискуссионного плана. В наше время, когда идет война идеологий, ни один человек, кому дороги интересы отечественной культуры, не имеет права оставаться в стороне.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛЕНИНСКОГО ПЛАНА

В. К. ЗАМКОВ, художник

Прошло 50 лет с тех пор, как появился ленинский план монументальной пропаганды. Монументальное искусство вызывает все большие симпатии, потому что оно обращено к огромной аудитории. Новая, современная архитектура, грандиозное строительство дают возможность, как никогда, развиваться монументальному искусству. Сколько появилось прекрасных настенных росписей, которые украшают внутренние помещения, стены зданий, улицы. К сожалению, этот вид искусства очень слабо и скупо пропагандируется. Сейчас ведется подготовка к первой выставке монументального искусства. Отобрано очень много работ. Этот материал уже сейчас дает возможность широко показать на страницах «Огонька» произведения московских художников-монументалистов. Выставка будет близко связана с подготовкой к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Искусство никогда не стоит на месте. И чтоб оно успешно развивалось, нужен поиск, нужны смелость и дерзость хорошо продуманного эксперимента, который в конечном итоге оправдает временные потери и промахи. Без этого нет движения вперед.

И здесь большую помощь художникам может оказать печать своим вниманием, доброжелательной, спокойной оценкой.

В КАЖДЫЙ ДОМ

В. А. ИГОШЕВ, народный художник РСФСР

К сожалению, некоторые журналы, например, «Творчество» и даже «Художник», за последнее время сильно накренились в сторону так называемого модерна. Особенно журнал «Творчество». Я этот журнал не жду, я знаю заранее, какие материалы и статьи он напечатает.

Пусть тематика «Огонька» будет еще разнообразней, шире, богаче. Пусть рассказывают огоньковские строчки о великих мастерах прошлого, о вершинах многовекового русского искусства, о творчестве прогрессивных современных художников Запада, о музеях и художественных галереях — отечественных и зарубежных... И, конечно, о наших советских художниках: живописцах, скульпторах, графиках, живущих и работающих во всех республиках. Чтобы живые, творческие портреты, проиллюстрированные репродукциями новых произведений, и впредь рассказывали советскому читателю, советскому народу о его художниках, широко и обстоятельно знакомили с лучшими достижениями советского изобразительного искусства.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НОВАТОРСТВЕ

Н. К. СОЛОМИН, художник

Новаторство. Слово это произносится сегодня художниками очень часто, вызывая множество споров, дискуссий. К сожалению, при этом некоторые молодые художники, стремящиеся всенепременно прослыть новаторами, забывают, насколько сложно и трудно стать действительно новатором в искусстве. Хотя, казалось бы, чтоб вспомнить об этом, достаточно освежить в памяти страницы истории искусств.

Мир называет новатором Леонардо да Винчи, который сумел сказать свое слово не в одной лишь живописи, но во многих других областях человеческой деятельности... Открытыми им законами перспективы, позволившими в свое время даже художникам заурядного дарования начать грамотно решать ее задачи в картине, мы все пользуемся до сих пор.

Я вижу великое новое слово Сурикова — в его исторических полотнах «Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова», «Меншиков в Березове»... А как решает наш русский исполин пленэрные задачи в живописи! Или разрабатывает технические приемы, связанные с взаимовлиянием предметов в картине, волновавшие многих суриковских современников. В том числе Сезанна. Но Сезанн разрешал их в натюрмортах, так сказать, лабораторно. А русскому мастеру помогали они поднимать в полотнах большие социальные, исторические проблемы.

Да, история искусства неизменно заносила в списки великих художников тех, кто сумел внести в него свой вклад, усовершенствовал достигнутое предшественниками. Но и взглядом не удостаивала она тех, кто, стремясь прикрыть свою бездарность, во что бы то ни стало хотел прослыть новатором. Таких «лжемаэстро» во все времена подвизалось немало около искусства.

Когда человек создает истинно новаторскую вещь, то она выходит из-под его кисти сама собой, а не потому, что он вот так сел и решил создать небывалое. Выходит только в результате упорного труда, глубокого, серьезного изучения жизни и натуры, постижения всего богатого наследия прошлого, овладения техникой живописного мастерства. Без этого о новаторстве нечего и говорить. Разве может усовершенствовать, например, конструкцию автомобиля или самолета человек, понятия не имеющий об их устройстве?.. Разве может тот, кто стоит у подножия горы, увидеть и рассказать об идущей вперед дороге, которую от него заслоняют мощные склоны, покуда не взберется он на самую вершину?..

ТВЕРЖЕ СТОЯТЬ НА ПОЗИЦИЯХ РЕАЛИЗМА

М. П. СОКОЛЬНИКОВ, заслуженный деятель искусств РСФСР, искусствовед

Вспоминая помещенные за последние три года репродукции картин советских художников — свыше полутысячи, русской классики — более ста, иностранных — более полусотни работ, можно утверждать, что «Огонек» пропагандирует для многомиллионных масс народа лучшие, жизнеутверждающие произведения. На страницах «Огонька» предоставляется место самым различным художническим индивидуальностям. Немало места журнал посвящает пропаганде молодых имен советского искусства.

Если бы печатаемые «Огоньком» репродукции и комментарии к ним собрать и издать отдельными альбомами, получились бы десятки томов ценных книг по искусству. И не взяться ли за это доброе дело?

Я всячески приветствую появление в вашем журнале полемических статей по искусству, в частности статьи А. К. Лебедева о журнале «Творчество». Нельзя мириться с появлением произведений, грубых, модернистских, далеких от актуальных проблем современности. А в художественной практике это стало сегодня носить довольно широкий характер.

У нас, в искусствоведческой среде, есть немало защитников лженоваторских течений, противопоставляющих их реализму и преклоняющихся перед модным буржуазным искусством. С этими защитниками плохо борются. Нельзя потакать забвению основ реалистического мастерства, кривлянию и гаерству некоторых художников.

О ПРАВДЕ В ИСКУССТВЕ

Е. А. КАЦМАН, член-корреспондент Академии художеств СССР

Сегодня нас чрезвычайно радуют блестящие успехи нашей науки и наших космонавтов. Мы, люди искусства, не имеем таких выдающихся достижений.

Хотя и у нас есть победы. Пожалуй, в первую очередь это скульптурная эпопея Вучетича в Волгограде.

Живописцы, скульпторы, графики должны активнее помогать

строить социализм — в этом новаторство!

На зарубежных выставках мы экспонируем наше так называемое формальное достижение — технику живописи. А от нас ждут изображения советской жизни, произведений, рассказывающих о строительстве коммунизма.

Наша наука об искусстве не всегда активна, не борется за искусство социалистического реализма.

Я считаю, что особенно плохо дела обстоят в журнале «Творчество». И очень правильно звучит статья А. К. Лебедева «Творчество ли?». Автор спокойно и вразумительно написал о достоинствах и недостатках статей в «Творчестве».

Нам нечего бояться правды и прямоты.

Мы мало знаем о художниках-реалистах буржуазных стран, а их искусство правдиво раскрывает перед зрителями ужасы жизни в капиталистических странах. И надо это искусство показывать в нашей стране.

Сколько еще у нас в живописи прославления безобразия, грубости. Как часто иные художники уродуют на полотнах лица, руки, вместо того, чтобы показать красоту человека.

ПРАВИЛА ПОЛЕМИКИ

А. К. ЛЕБЕДЕВ, действительный член Академии художеств СССР

Товарищи, в советском изобразительном искусстве происходят очень важные и сложные процессы. Мы имеем много замечательных достижений, но есть и негативные явления. Глубокий, серьезный анализ того, что происходит в изобразительном искусстве, поможет скорее выявить и преодолеть наши недостатки. Мне лично представляется очевидным, что ряд серьезных недостатков в нашем искусстве имеет прямую связь с идейно-художественной линией журнала «Творчество».

Редакция «Огонька» предоставила мне возможность выступить с критикой журнала «Творчество».

Я хорошо понимал, что статья вызовет бурную реакцию, резкую полемику. Что ж, полемика есть полемика. Но в полемике существуют приемы, допустимые и недопустимые. Мне представляется, что мои оппоненты применили не вполне дозволенные приемы.

Так, например, авторы «Письма» утверждают, будто бы я стремлюсь в своей статье «во что бы то ни стало представить «теоретически несостоятельной» всю работу журнала». Между тем в моей статье говорилось: «Вовсе не значит, что в журнале не помещаются репродукции подлинно значительных работ нашего советского многонационального искусства и искусства зарубежного. Они, конечно, есть. Публиковались в журнале интересные по постановке проблем, острые по подаче мыслей, яркие по языку статьи искусствоведов и художников. Некоторые статьи были написаны с совершенно правильных позиций». Так оборачивается на поверку ложное утверждение об огульном зачеркивании А. Лебедевым всей работы журнала! Как видим, мои оппоненты не останавливаются перед прямой дезинформацией читателя!

Мои оппоненты нарушают принятые правила полемики и самим фактом отсутствия сегодня на совещании в редакции «Огонька». Говорят, что многие представители редакции журнала «Творчество» и секретариата Правления Союза художников были приглашены на это заседание, но не пришли, уклонились от полемики. Кажется, кое-кто из них заболел. Но маловероятно, чтобы одновременно заболели решительно все.

Кстати, надо сказать и о позиции «Советской культуры». Она опубликовала «Письмо», но возражения на это письмо печатать не хочет. Мне сообщил один ученый с Украины, что газета отказалась напечатать его статью с возражениями авторам «Письма». Герой Советского Союза художник Г. С. Московченко получил подобный же ответ. Вот и попробуй полемизировать! Между тем многие, очень многие деятели изобразительного искусства не согласны с авторами «Письма» и с линией журнала «Творчество». Я получил по этому поводу десятки писем, в том числе и от видных деятелей Союза художников.

В спорах, в полемике, в борьбе за общее большое дело мы, может быть, порой и ошибаемся, но при этом все же должны соблюдать взаимоуважение и не нарушать элементарных правил полемики, не зажимать критику.

ХОРОШИЙ ЭКЗАМЕН

И. А. БРОДСКИЙ, заслуженный деятель искусств РСФСР,

Вот перед нами висят 52 обложки «Огонька» за год. Сколько здесь тем, географических точек? Как правило, это работы фотомастеров. А где же художники? К сожалению, мало обложек, сделанных художниками, воспроизводящих произведения пластического искусства. А они тоже имеют право на жизнь, и выглядят такие обложки нарядными. Хотелось, чтобы в таком массовом журнале давались на обложках работы современных художников почаще. Вреда не было бы. Конечно, не в ущерб фотографиям.

Здесь вспоминали выставку «50 лет ВЛКСМ». Почему мы не пишем, что выставка была плохая. Надо бы без обиняков, не стесняясь, так и говорить. Это был бы полезный, честный разговор для молодых художников.

Я считаю, что журнал должен давать и полемические выступления. После статьи Лебедева читатель ждет на страницах «Огонька» новых острых выступлений.

Искусство помогает строить жизнь. А какой же эффект имела выставка «50 лет ВЛКСМ»? Какой смысл выставки? Почему столько непонятных произведений? Может, там представлены гениальные художники, которых народ не понимает? Может, художники ушли вперед... от жизни? А сколько хороших живописцев не попали на выставку. Сработала машина голосования.

У нас есть прекрасные художники. И предстоящий ленинский юбилей будет хорошим экзаменом.

НАШИ ПЛАНЫ

К. М. МАКСИМОВ, заслуженный деятель искусств РСФСР

Наряду с освещением текущих событий в области изобразительного искусства в журнале появляются развернутые творческие портреты ведущих мастеров изобразительного искусства. Мне думается, что эта форма знакомства читателя с художником очень полезна и помогает раскрыть процесс творчества, почувствовать своеобразие того или иного мастера.

В настоящее время трехтысячный коллектив московских художников с полной отдачей творческой энергии и таланта трудится над созданием произведений к выставке, посвященной 100-летию со дня рождения Ленина. Созданные комитеты для организации юбилейной художественной выставки уже проделали колоссальную работу по рассмотрению творческих заявок художников и заключению договоров.

Трудно сейчас сказать, какая сила, емкость и глубина образного решения будет в этих произведениях, но мы надеемся, что авторы, работающие над созданием образа Ленина, избегнут некоторой заштампованности решений, которые наблюдались за последнее время в нашем искусстве.

Наряду с произведениями, отображающими жизнь и деятельность В. И. Ленина, борьбу партии за построение Советского государства, большой раздел экспозиции будет посвящен темам современности, темам свершения ленинских идей, теме борьбы народов за мир. Хочется думать, что мы увидим полнокровные, правдивые и поэтические образы советского человека.

ВЫСШИЙ КРИТЕРИЙ

А. И. ЛАКТИОНОВ, действительный член Академии художеств СССР

«Искусство принадлежит народу»,— сказал В. И. Ленин. Каждый подлинно советский художник помнит эти слова. И когда на выставке около твоей картины толпится народ, когда люди волнуются, спорят, отстаивая свою точку зрения, это приносит художнику высшее удовлетворение. Ведь если есть внимание зрителей, значит, твое искусство нужно, значит, ты работал не напрасно!

...Мнение зрителей. Оно должно быть первым критерием качества и значения труда художника. Но чтобы это осуществилось, нам необходим в искусстве — как в любой отрасли производства — народный контроль. Пусть народные представители на выставках регистрируют каждый зрительский голос — за и против — обо всех экспонируемых произведениях. Пусть потом на результаты такого народного референдума опирается в своих решениях Комитет по Государственным премиям. Еще, по-моему, необходимо, чтобы выставочные книги отзывов читались не в ограниченном кругу «избранных», а всеми художниками, всеми членами нашего творческого союза: пусть каждый знает, что думает о нем зритель, что думает народ. К сожалению, у нас сегодня дело обстоит так, что эти записи хранятся за семью замками и печатями. И получается, что зритель высказывается впустую.

Великой дате я посвящаю серию портретов космонавтов, над которой работаю уже не первый год. Я хочу запечатлеть героев такими, какими вижу их каждый день перед собой — там, в «Звездном городке». Прекрасными внешне, бесконечно богатыми духовно. Для этого и стремлюсь запечатлеть каждую черту облика, отразить каждую грань характера наших бесстрашных современников, проложивших дорогу к далеким мирам. Уже закончена работа над портретами А. Николаева, П. Беляева, близки к завершению портреты П. Поповича, А. Леонова, К. Феоктистова, начаты портреты В. Терешковой и Г. Берегового. Будет мне позировать и славная четверка, недавно вернувшаяся из просторов Вселенной... Первым в моей космической портретной галерее был портрет В. Комарова. Помню, на одном из сеансов Владимир Михайлович сказал мне: «Знаете, Александр Иванович, когда вы всех нас напишете, то как было бы замечательно составить из портретов выставку и показать ее во всех городах нашей страны, во всех странах мира. Это была бы как бы совместная поездка всех советских космонавтов по странам и континентам».

ПРАВО НА ПОИСК

Ф. П. РЕШЕТНИКОВ, действительный член Академии художеств СССР

Я хочу возразить товарищу Азгуру в отношении его оценки картины Савицкого «Партизанская мадонна». Я понимаю, какую страшную трагедию пережил этот талантливый скульптор в период оккупации. Его горячая любовь к Родине, его ненависть к фашизму, к врагам нашего народа, естественно, породили определенные образы, представления о тех грозных днях войны, о бесстрашных партизанах, которых он знал, у которых бывал в лесах. Это можно понять.

Но если у художника Савицкого «Партизанская мадонна» получилась не такой, как ее себе представляет Азгур, это не значит, что она не имеет права на жизнь.

В этой картине есть та романтическая приподнятость, которая соответствует теме картины и вызывает симпатии зрителей. И совершенно правильно за это произведение Савицкому была присуждена серебряная медаль Академии художеств СССР за 1967 год. Может быть, в картине «Партизанская мадонна» есть качества, о которых можно спорить. Но в ней нет порока, против которого надо активно выступать.

А есть пороки, на которых следует сосредоточить огонь принципиальной партийной критики,— это гнилой, ползучий модернизм. Он порой под разными предлогами проникает в наше искусство и искажает его сущность.

Когда же мы обрушиваем критику, исходя только из своих личных вкусовых привычных представлений, мы можем оказаться несправедливыми к тому или иному автору, лишая его права на творческий поиск. Субъективное суждение, высказанное в категорической форме, обычно приводит к печальным результатам и не способствует развитию нашего изобразительного искусства.

На прошедшей выставке «50 лет ВЛКСМ» мы снова увидели картину Никонова «Трудовые будни».

В картине чувствуется время, трудовая напряженность, ее композиция хорошо построена, а живописные средства, по-моему, удачно выражают сущность замысла.

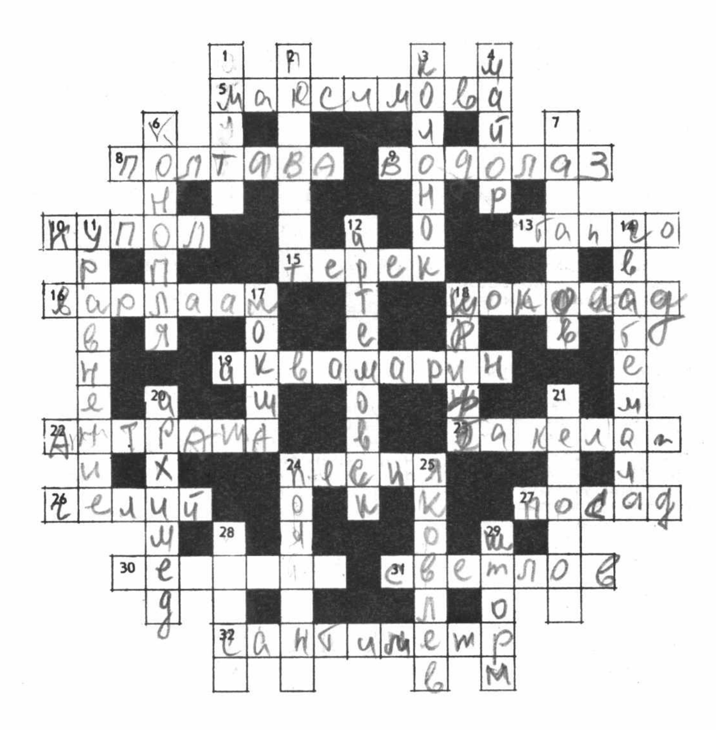
Теперь это почти всем очевидно. А вспомните, какую трагедию пережил ее автор, как несправедливо картина была обругана, какая дезориентация была допущена в определении развития нашего искусства и, наконец, какой вред был нанесен единству коллектива художников молодых и немолодых, которые, по существу, служат одной цели.

Обычно крайние суждения порождают противоположные крайности. И защитники как тех, так и других все дальше уходят от принципиальных, партийных позиций.

Здесь роль печати очень велика. И далеко не легкая.

Наша сегодняшняя встреча принесла большую пользу не только «Огоньку», но и нам, всем присутствующим. Мы изголодались по хорошему творческому коллективному разговору. Во всей сегодняшней беседе выражалась одна идея — забота со стороны художников и редакции о развитии советского изобразительного искусства. Это очень важно. Такая встреча поможет нам в работе. У нас целый год впереди, даже немножко больше, до ленинской 100-летней даты.

●

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Балерина, народная артистка СССР. 8. Областной центр на Украине. 9. Специалист по подводным работам. 10. Часть парашюта. 13. Танец. 15. Река, впадающая в Каспийское море. 16. Персонаж трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». 18. Кондитерское изделие. 19. Полудрагоценный камень. 22. Прыжок в балете. 23. Совокупность всех снастей судна. 24. Литературный жанр. 26. Химический элемент. 27. Часть города в Древней Руси. 30. Оркестровый музыкальный инструмент. 31. Автор стихотворения «Гренада». 32. Мера длины.

По вертикали: 1. Промысловая рыба. 2. Вид графики. 3. Пушной зверь. 4. Воинское звание. 6. Волокнистое и масличное растение. 7. Актер МХАТа. 11. Математическое равенство. 12. Город в Донецкой области. 14. Государство в Центральной Америке. 17. Приток Оки. 18. Типографские литеры. 20. Древнегреческий механик и математик. 21. Рассказ М. Горького. 24. Действующее лицо оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник». 25. Советский авиаконструктор. 28. Несущая конструкция. 29. Сильный ветер.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

7. «Огородник». 8. Бандероль. 9. Разница. 10. Тетерев. 13. Колер. 14. Турбина. 16. Конверт. 17. Поговорка. 22. Кантата. 23. Стебель. 24. Шахта. 27. Микаэла. 28. Сахалин. 29. Лаврецкий. 30. Диагональ.

По вертикали:

1. Куница. 2. Танжер. 3. «Богатыри». 4. Возничий. 5. Березина. 6. Горельеф. 11. Волгоград. 12. Гелиометр. 15. Айова. 16. Кокос. 18. Енакиево. 19. Марганец. 20. Медиатор. 21. Вернисаж. 25. Олекма. 26. Фарада.

●

На первой странице обложки: Портрет работы К. Брюллова.

На последней странице обложки: Памятник И. А. Крылову в Калинине. Скульптор С. Д. Шапошников.

Фото Д. Ухтомского.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. ШУМАНА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

Сдано в набор 21/I-69 г. А 00324. Подписано к печ. 4/II-69 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 500 экз. Изд. № 198. Заказ № 189.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

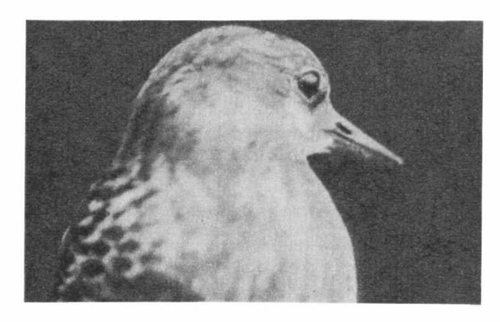
Песня у нас в гостях

Конечно, нельзя назвать творческим отчетом композитора концерт в редакции, который длился не более часа. И все же в этой короткой встрече проявились основные черты творчества композитора Сигизмунда Каца.

Композитор Кац начинал свою творческую деятельность в «Синей блузе». Острую потребность откликаться на сегодняшний день художник пронес через все годы. Поэтому песни, которые мы слушали (не говоря уже о таких знакомых с Отечественной войны, как «Шумел сурово брянский лес», «Сирень цветет»), были посвящены строительству Черемушек, молодежи, поехавшей на целину, свадьбе в студенческом общежитии, международным фестивалям, Москве...

О юности, о Москве композитор написал целые вокальные циклы. И хотя начинал он их 20—30 лет назад, поются они до сих пор.

Сейчас в прессе много говорится о безголосых певцах. Песни Каца без голоса петь просто невозможно. Композитор хорошо знает, любит вокал и умеет писать для певца. И как приятно, что молодые исполнители Алла Куликова и Татьяна Виноградова, певцы Ян Кратов, заслуженный артист республики В. И. Селиванов и дуэт Юрий Хабаров и Юрий Гильман, несмотря на то, что встреча проходила в небольшом зале, сумели показать свои красивые, сильные голоса.

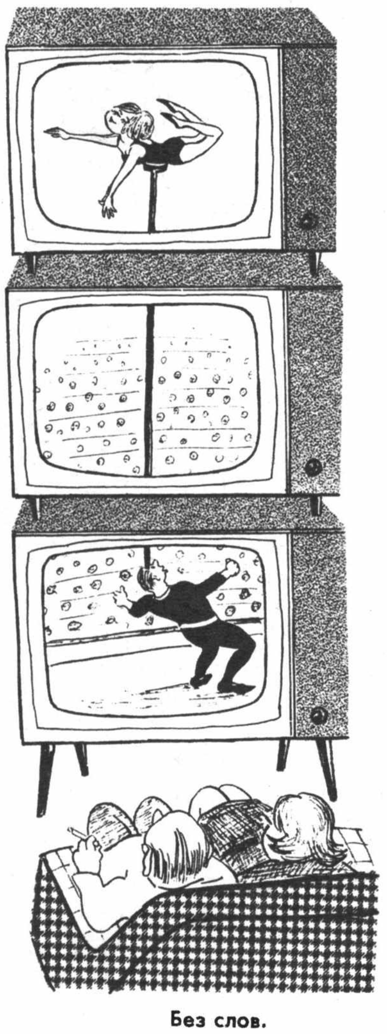
Остров Карагинский расположен в Беринговом море. Здесь к концу лета собираются на лежбища сивучи. Они залегают на мысах, на необитаемых маленьких островках. Звери ничего не имеют против птиц — бакланов, чаек, которые устраивают себе жилье рядом с ними.

Я побывал на острове и сделал несколько снимков.

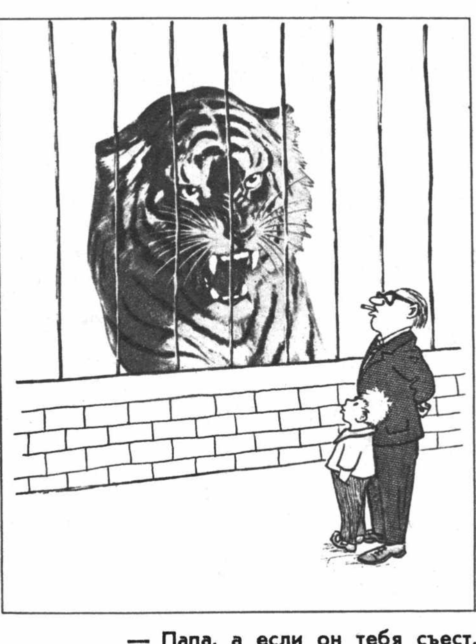
В. ПОПОВ

Фото автора.

Без слов.

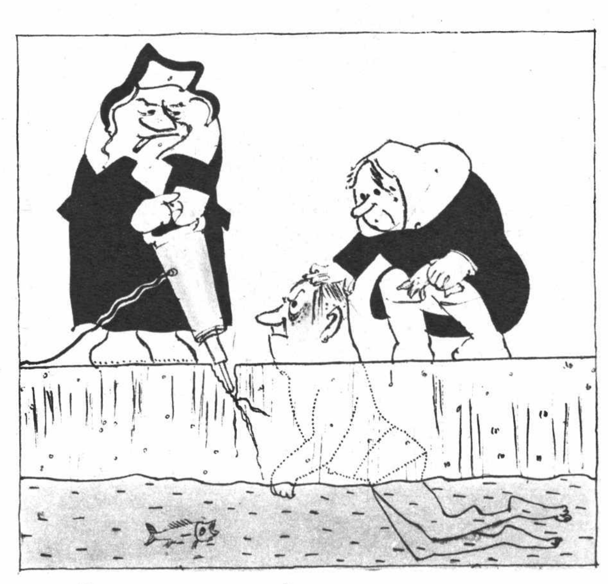

— Папа, а если он тебя съест, кто же будет делать мои уроки по арифметике?

Рисунки Н. Елинсона.

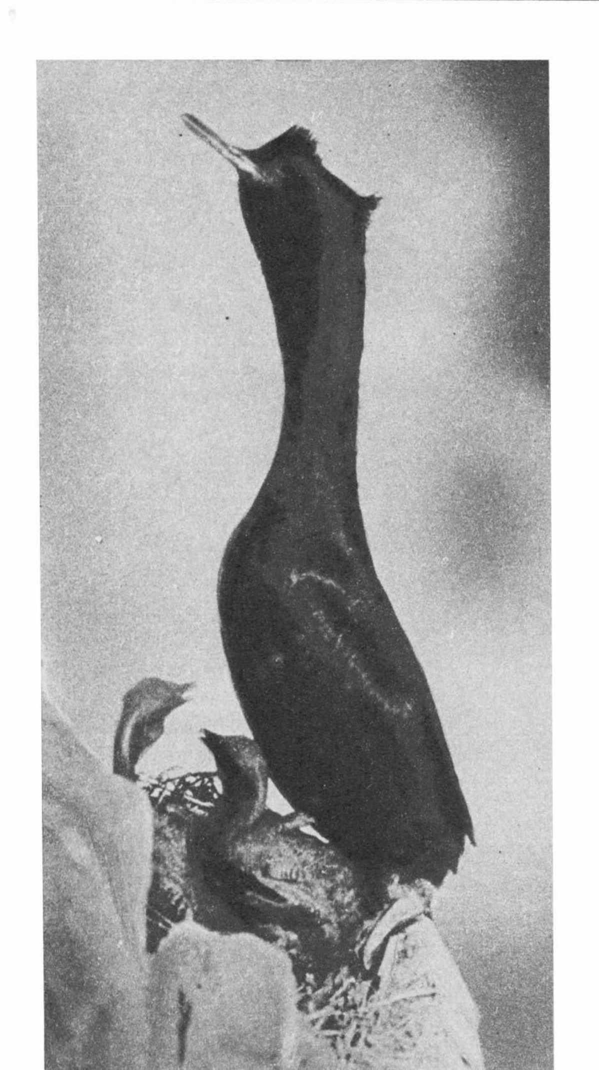

— Не сопротивляйся. Я покрыла паркет лаком.

— Говорила, не купайся в мороз.

Рисунки В. Воеводина.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.